

ВЕСТНИК

АКАДЕМИИ НАУК
ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

№ 1 (34), 2017

Грозный
2017

УДК 93/94
ББК 72.4В.7 (2 Рос-Чеч) Я6
В 387

Индекс 53909

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
№ 1 (34), 2017**

Основан в 1992 г.
Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций
по Чеченской Республике
Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ 20-00023

Подписной индекс в каталоге
«Газеты и журналы»
Межрегионального агентства подписки
53909
Учредитель: ГКНУ «Академия наук
Чеченской Республики»

**Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, выпускаемых
в Российской Федерации и рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией
для опубликования основных научных результатов диссертаций**

Главный редактор:

Гапуров Ш.А., д.и.н., профессор, академик АН ЧР

Заместители главного редактора:

Дадашев Р.Х., д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР (физико-математические науки)
Керимов И.А., д.ф.-м.н., профессор, академик АН ЧР (физико-математические науки)
Магамадов С.С., к.и.н., доцент (исторические науки и археология)
Халидов А.И., д.филол.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР (филологические науки)
Абумуслимов А.А., к.б.н., доцент (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

Акаев В.Х., д.филол.н., профессор, академик АН ЧР; Альбеков Н.Н., к.филол.н.; Арсалиев Ш.М.-Х., д.п.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР; Батаев Д.К.-С., д.т.н., профессор, академик АН ЧР; Бугаев А.М., к.и.н., доцент; Гарсаев Л.М., д.и.н., доцент; Гуфан Ю.М., д.ф.-м.н., профессор; Ибрагимов Муса М., д.и.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР; Канукова З.В., д.и.н., профессор; Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор; Коряковцева Е.И., д.филол.н., профессор; Лолуа Р., доктор филологии; Магомаев В.Х., д.и.н., профессор; Мамаев Х.М., к.и.н., доцент; Межидов В.Х., д.х.н., профессор, академик АН ЧР; Нахушев А.М., д.ф.-м.н., профессор; Овхадов М.Р., д.филол.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР; Осмаев А.Д., д.и.н., доцент; Снытко В.А., д.г.н., профессор, член-корреспондент РАН; Созаев В.А., д.ф.-м.н., профессор; Солтаханов Ш.Х., д.ф.-м.н., профессор; Тимаев А.Д., д.филол.н., академик АН ЧР; Туркаев Х.В., д.филол.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР; Умаров Х.Г., к.ф.-м.н., доцент; Хоконов М.Х., д.ф.-м.н., профессор; Широкова В.А., д.г.н., профессор; Элимханов Д.З., к.ф.-м.н.

Адрес редакции/издателя: 364024, г. Грозный, пр. М. Эсамбаева, 13
Тел./факс: (8712) 22-26-76, 22-55-76, e-mail: vestnikanchr@mail.ru

ISSN-2070-2348

© Академия наук Чеченской Республики, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Математика

Умархаджиев С.М. Операторы Харди по направлению и смешанные операторы Харди функций многих переменных в гранд-пространствах Лебега 5

Физика

Акаева М.М. Исследование динамики изменения реологических свойств полибутилентерефталата и полимерного композиционного материала в процессе экспонирования в жидких агрессивных средах ... 19

Мустафаев Г.А., Панченко В.А., Хасанов А.И., Мустафаев А.Г., Калинина Н.В. Моделирование параметров границы раздела графен – гексагональный нитрид бора 22

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Агаев Р.Э. Страны Прикаспия и их население в описании ибн Хаукала 28

Безугольный А.Ю. Идеология строительства национальных воинских формирований в СССР в 1920-е гг. 35

Гарсаев Л.М. Женский головной убор – главный элемент национального костюма чеченцев 43

Дендиев К.Г. Политические репрессии в Чеченской Автономной области в первой половине 1920-х гг. 50

Канукова З.М., Бесолова Е.Б. О ритуале «умерщвления стариков» в Нартиаде 56

Осмаев М.К. К вопросу об истории чеченской народной музыки 62

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

Халидов А.И. Лингвистическая составляющая монографии Г. Гумба «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.)» 67

Халидова Р.Ш. Лингвистический портрет ботлихского языка 77

Халикова А.С. Местоимение в шаройском диалекте в сравнении с местоимением плоскостного диалекта чеченского языка 82

Шихалиева С.Х., Ходжаева Ш.И. Стилистические пределы паронимии в интерпретации текстов (о проблеме корпуса в терминологическом словаре) 88

Литература

Джамбекова Т.Б. О семантике и символике природного пространства (леса) в романе М. Мамакаева «Зелимхан» 94

Дреева Дж.М., Бетанова Д.А. Поэтическая картина мира Генриха Гейне сквозь призму концептуальной модели желания 98

Мурадова А.К. Нравственно-ценностный потенциал немецкой эпической поэмы «Песнь о Нибелунгах» 103

Черкашина С.В., Чекалов П.К. Синтез языческих и мусульманских мотивов в абазинском предании ... 108

РЕЦЕНЗИИ

Гапуров Ш.А., Магамадов С.С. Тетуев А.И. Зарубежная диаспора балкарцев и карачаевцев: история и современность 112

Соколов А.С. Тарланов Е.З. Научное наследие академика Г.Г. Гамзатова 116

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ. ХРОНИКА

Козенкова В.И. Вехи славного пути (к 75-летию Мусы Хароновича Багаева) 120

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 124

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ 126

CONTENTS

PHYSICO-MATHEMATICAL SCIENCES

Mathematics

- Umarkhadzhiev S.M.* Directional and mixed Hardy operators of functions of many variables in grand Lebesgue spaces 5

Physics

- Akaeva M.M.* Research on the dynamics of changing rheological properties of polybutylentereffalate and polymer composite material in the exposure process in liquid aggressive environments 19
- Mustafaev G.A., Panchenko V.A., Khasanov A.I., Mustafaev A.G., Kalinina N.V.* Modeling parameters of interfaces between graphene and hexagonal boron nitride 22

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- Agaev R.E.* Caspian littoral countries and their population in Ibn Haukal's description 28
- Bezugolny A.Yu.* The ideology of building of national military formations in the USSR in the 1920s 35
- Garsaev L.M.* Women's headwear – a key element of chechen national costume 43
- Dendiev K.G.* Political repressions in the Chechen Autonomous Oblast in the first half of the 1920s 50
- Kanukova Z.V., Besolova E.B.* On the ritual of “mortification of older people” in Nartiad 56
- Osmaev M.K.* On the issue of Chechen folk music history 62

PHILOLOGICAL SCIENCES

Linguistics

- Khalidov A.I.* The linguistic component of G. Gumba's monograph “The Nakhs: issues in an ethno-cultural history (the 1st millennium BC)” 67
- Khalidova R.Sh.* A linguistic portrait of the Botlikh language 77
- Khalikova A.Kh.* Sharoy dialect pronouns in comparison with flat dialect pronouns in the Chechen language ... 82
- Shikhaliyeva S.Kh., Khodzhaeva Sh.I.* Stylistic limits of paronymy in the interpretation of texts (on the issue of terminological dictionary corpus) 88

Literature

- Dzhambekova T.B.* On semantics and symbolism of the natural space (forest) in M. Mamakaev's novel “Zelimkhan” 94
- Dreeva Dzh. M., Betanova D.A.* Heinrich Heine's poetic worldview through the prism of conceptual model of desire 98
- Muradova A.K.* The moral and value potential of the German epic poem “The Song of the Nibelungs” 103
- Cherkashina S.V., Chekalov P.K.* Synthesis of pagan and Muslim motives in Abazin legend 108

REVIEWS

- Gapurov Sh.A., Magamadov S.S.* Tetuev A.I. Foreign diaspora of Balkars and Karachais in history and today ... 112
- Sokolov A.S.* Tarlanov E.Z. The Scientific Heritage of Academician G.G. Gamzatov 116

SCIENTIFIC COMMUNICATIONS. CHRONICLE

- Kozenkova V.I.* Milestones of the glorious road (on the 75th anniversary of Musa Kh. Bagaev) 120

- ABOUT THE AUTHORS 124

- FORMATTING REQUIREMENTS 126

УДК 517.982, 517.983

ОПЕРАТОРЫ ХАРДИ ПО НАПРАВЛЕНИЮ И СМЕШАННЫЕ ОПЕРАТОРЫ ХАРДИ
ФУНКЦИЙ МНОГИХ ПЕРЕМЕННЫХ В ГРАНД-ПРОСТРАНСТВАХ ЛЕБЕГА

© С.М. УМАРХАДЖИЕВ

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный

DIRECTIONAL AND MIXED HARDY OPERATORS OF FUNCTIONS OF MANY
VARIABLES IN GRAND LEBESGUE SPACES

© S.M. UMARKHADZHIEV

Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny
Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny

Аннотация. Получены достаточные условия ограниченности операторов Харди по направлению и смешанных операторов Харди функций многих переменных в гранд-пространствах Лебега в \mathbb{R}^n и в \mathbb{R}_+^n соответственно. Эти условия зависят от грандизатора, используемого при построении гранд-пространства. Для степенных грандизаторов получены также необходимые условия и двусторонние оценки норм указанных операторов. Показано, что при специальном выборе степенных грандизаторов точные константы в неравенствах Харди в гранд-пространствах совпадают с известными точными константами для классических пространств Лебега.

Ключевые слова: пространства Лебега, гранд-пространства Лебега, грандизатор, операторы Харди по направлению, смешанные операторы Харди, неравенства Харди.

Abstract. Sufficient conditions for the boundedness of directional and mixed Hardy operators of functions of many variables in the grand Lebesgue spaces in \mathbb{R}^n and in \mathbb{R}_+^n , respectively, are obtained. These conditions depend on the grandizer used in the construction of the grand space. For power grandizers, the necessary conditions and bilateral estimates of the norms of these operators are also obtained. It is proved that for a special choice of power grandizers, the sharp constants in the Hardy inequalities in the grand spaces coincide with the known sharp constants for the classical Lebesgue spaces.

Keywords: Lebesgue spaces, grand Lebesgue spaces, grandizer, directional Hardy operators, mixed Hardy operators, Hardy inequality.

1. Введение. Рассматриваются операторы Харди по направлению и смешанные операторы Харди функций многих переменных в так называемых гранд-пространствах Лебега. Теория гранд-пространств, в частности гранд-пространств Лебега, интенсивно развивается в последние десятилетия. Гранд-пространства Лебега $L^p(\Omega)$, $1 < p < \infty$, по ограниченному множеству $\Omega \subset \mathbb{R}^n$ ввели в 1992 г. Т. Iwaniec и С. Sbordone [1] в связи с приложениями в дифференциальных уравнениях.

Операторы гармонического анализа интенсивно исследовались в таких пространствах в последние годы и продолжают привлекать внимание исследователей в связи с различными их приложениями ([2–10]). Некоторые из этих результатов отражены в [11] и [12]. Во всех этих исследованиях допускались множества Ω только конечной меры, так как идея построения гранд-пространства в них основывалась на монотонном расширении пространства L^p при уменьшении параметра p .

В статьях [13–15] предложен подход, позволяющий ввести гранд-пространства Лебега $L_a^p(\Omega)$, $1 < p < \infty$, на множествах $\Omega \subseteq \mathbb{R}^n$ с не обязательно конечной мерой. Этот подход основан на введении в норму гранд-пространства малой степени неотрицательной функции $a(x)$ (см. (2.1)). Эту функцию, определяющую гранд-пространство $L_a^p(\Omega)$, будем называть *грандизатором*. Свойства гранд-пространств $L_a^p(\Omega)$ и действия в них некоторых операторов гармонического анализа исследо-

вались в работах [16–19]. Предложенные в этих работах подходы позволили рассматривать в гранд-пространствах такие операторы, как потенциал Рисса, операторы Харди и др. В работе [20] были найдены условия на грандизатор $a(x)$, обеспечивающие справедливость теоремы Соболева для потенциала Рисса в гранд-пространствах $L_a^p(\mathbb{R}^n)$, и исследовано их взаимодействие с гиперсингулярными интегралами (см. [21] относительно гиперсингулярных интегралов).

Операторам Харди в классических пространствах Лебега посвящена обширная литература, сошлемся на книги [22–26] и, например, на статьи [27–29], где можно найти и другие ссылки.

Мы рассматриваем операторы Харди по направлению:

$$H^\alpha f(x) := |x|^{\alpha-1} \int_0^{|x|} \frac{f\left(\frac{t}{|x|}\right)}{t^\alpha} dt, \quad \mathcal{H}^\beta f(x) := |x|^\beta \int_{|x|}^\infty \frac{f\left(\frac{t}{|x|}\right)}{t^{\beta+1}} dt, \quad x \in \mathbb{R}^n,$$

и смешанные операторы Харди:

$$H^{\bar{\alpha}} f(x) := x_1^{\alpha_1-1} x_2^{\alpha_2-1} \dots x_n^{\alpha_n-1} \int_0^{x_1} \int_0^{x_2} \dots \int_0^{x_n} \frac{f(t_1, t_2, \dots, t_n)}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1,$$

$$\mathcal{H}^{\bar{\beta}} f(x) := x_1^{\beta_1} x_2^{\beta_2} \dots x_n^{\beta_n} \int_{x_1}^\infty \int_{x_2}^\infty \dots \int_{x_n}^\infty \frac{f(t_1, t_2, \dots, t_n)}{t_1^{\beta_1+1} t_2^{\beta_2+1} \dots t_n^{\beta_n+1}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1,$$

$x \in \mathbb{R}_+^n := \{x = (x_1, x_2, \dots, x_n) : x_i > 0, i = 1, 2, \dots, n\}$, в гранд-пространствах $L_a^p(\mathbb{R}^n)$ и $L_a^p(\mathbb{R}_+^n)$.

Мы находим условия на грандизатор $a(x)$, при которых смешанные операторы Харди функций многих переменных, одномерные операторы Харди, операторы Харди H^α и \mathcal{H}^β ограничены в пространствах Лебега $L^p(\mathbb{R}^n)$ и в гранд-пространствах Лебега $L_a^p(\mathbb{R}^n)$, и получаем двусторонние оценки для их норм в указанных пространствах в зависимости от грандизатора $a(x)$. Для некоторого класса грандизаторов показано, что нормы операторов Харди H^α и \mathcal{H}^β в гранд-пространствах $L_a^p(\mathbb{R}^n)$ совпадают с их нормами в классических пространствах Лебега $L^p(\mathbb{R}^n)$.

Статья организована следующим образом. В пункте 2 излагаются необходимые предварительные сведения, где основное внимание уделено гранд-пространствам Лебега. В пункте 3 доказываются основные результаты для одномерных операторов Харди H^α и \mathcal{H}^β от функции $f(x)$ многих переменных, при этом в подпункте 3.1 вычислены их нормы в классических пространствах Лебега. (В статье результаты для классических пространств Лебега приведены для полноты изложения). В подпункте 3.2 получены достаточные условия на грандизаторы, обеспечивающие ограниченность операторов H^α и \mathcal{H}^β в гранд-пространствах Лебега и получены двусторонние оценки норм операторов H^α в гранд-пространствах в случае степенных грандизаторов. В подпункте 4.1 найдены нормы смешанных операторов Харди H^α и \mathcal{H}^β в пространствах Лебега, в подпункте 4.2 в случае степенных грандизаторов получены необходимые и достаточные условия для ограниченности операторов H^α и \mathcal{H}^β в гранд-пространствах Лебега и для специального степенного грандизатора найдены нормы этих операторов.

2. Предварительные сведения

2.1. Гранд-пространства Лебега.

Обозначим $L^p(\Omega, \omega) := \{f : \|f\|_{L^p(\Omega, \omega)} < \infty\}$, где

$$\|f\|_{L^p(\Omega, \omega)} = \left(\int_\Omega |f(x)|^p \omega(x) dx \right)^{\frac{1}{p}}.$$

В случае $\omega \equiv 1$ будем писать $\|f\|_{L^p(\Omega, \omega)} = \|f\|_{L^p(\Omega)}$.

Следуя работе [15], определяем гранд-пространства Лебега на множествах Ω произвольной (не обязательно конечной) меры следующим образом:

$$L_a^p(\Omega) := \left\{ f : \|f\|_{L_a^p(\Omega)} := \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \left(\varepsilon \int_\Omega |f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right)^{\frac{1}{p-\varepsilon}} < \infty \right\}, \quad 1 < p < \infty, \quad (2.1)$$

где $a(x)$ – произвольная неотрицательная функция на Ω , которую мы называем *грандизатором*. Выбор грандизатора для определения гранд-пространства может диктоваться задачами для исследова-

ния таких пространств. В работах [13–15] предполагалось, что $a \in L^1(\Omega)$, что гарантирует вложение $L^p(\Omega) \hookrightarrow L_a^p(\Omega)$, см. лемму 2.1. В данной статье мы имеем дело с $\Omega = \mathbb{R}_+$ или $\Omega = \mathbb{R}^n$ и при рассмотрении операторов Харди мы находим удобным в некоторых случаях не предполагать интегрируемость грандизатора в начале координат и на бесконечности, но всегда предполагаем его локальную интегрируемость вне начала координат:

$$a(x) \in L^1(B_{\delta N}) \text{ для любых } 0 < \delta < N < \infty, \quad (2.2)$$

где $B_{\delta N} = \{x: \delta < |x| < N\}$; в случае $\Omega = \mathbb{R}_+$ пишем

$$a(x) \in L^1(\delta, N) \text{ } 0 < \delta < N < \infty. \quad (2.3)$$

Определенное таким образом гранд-пространство зависит, вообще говоря, от выбора грандизатора, хотя разный выбор грандизаторов может привести к одному и тому же гранд-пространству (см. [30]).

Лемма 2.1. ([19]) Пусть $a \in L^1(\Omega)$. Тогда норма (2.1) эквивалентна норме

$$\sup_{0 < \varepsilon < \varepsilon_0} \left(\varepsilon \int_{\Omega} |f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right)^{\frac{1}{p-\varepsilon}}.$$

Для любого фиксированного $\varepsilon_0 > 0$.

При $a \in L^1(\Omega)$ имеет место цепочка вложений

$$L^p(\Omega) \hookrightarrow L_a^p(\Omega) \hookrightarrow L^{p-\varepsilon_1} \left(\Omega, a^{\frac{\varepsilon_1}{p}} \right) \hookrightarrow L^{p-\varepsilon_2} \left(\Omega, a^{\frac{\varepsilon_2}{p}} \right), \quad 0 < \varepsilon_1 < \varepsilon_2 < p - 1. \quad (2.4)$$

Замечание 2.2. Происходящее расширение классического пространства Лебега до гранд-пространства с помощью разных интегрируемых грандизаторов может привести, вообще говоря, к одному и тому же гранд-пространству. Получить разные гранд-пространства можно, например, используя грандизаторы, убывающие на бесконечности как степенная функция или экспоненциально (см. [30]).

Растяжение функции. Пусть a – положительная всюду конечная на \mathbb{R} функция. Функцию

$$a_*(t) = \sup_{x>0} \frac{a(xt)}{a(x)} \quad (2.5)$$

называют растяжением функции a , см. [31, с. 75]. Приведем некоторые свойства и примеры растяжений:

$$1^0 (Ca(x))_* = a_*(t).$$

$$2^0 (x^\lambda a(x))_* = t^\lambda a_*(t).$$

$$4^0 a_* \left(\frac{1}{t} \right) = t(\bar{a})_*(t), \text{ где } \bar{a}(t) = \frac{1}{t} a \left(\frac{1}{t} \right).$$

Пусть a – положительная всюду конечная на $\mathbb{R}^n \setminus \{0\}$ функция. Введем многомерный аналог растяжения функции по формуле

$$a_*(x) := \min_{y \in \mathbb{R}^n} \frac{a(x|y|)}{a(y)}.$$

3. Операторы Харди по направлению

Операторы Харди по направлению в пространствах Лебега.

Теорема 3.1. Условия $\alpha < 1 - \frac{n}{p}$ и $\beta > -\frac{n}{p}$ необходимы и достаточны для ограниченности операторов H^α и \mathcal{H}^β соответственно в пространстве $L^p(\mathbb{R}^n)$, $1 \leq p < \infty$. При этом

$$\|H^\alpha\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} = \frac{1}{1 - \frac{n}{p} - \alpha}, \quad \|\mathcal{H}^\beta\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} = \frac{1}{\frac{n}{p} + \beta}. \quad (3.1)$$

Доказательство. Достаточность. Докажем утверждения теоремы для оператора H^α . Имеем

$$\|H^\alpha f\|_{L^p(\mathbb{R}^n)} = \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |H^\alpha f(x)|^p dx \right\}^{\frac{1}{p}}$$

$$\begin{aligned}
 &= \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} \left| |x|^{\alpha-1} \int_0^{|x|} \frac{f\left(\frac{t}{|x|}x\right)}{t^\alpha} dt \right|^p dx \right\}^{\frac{1}{p}} \\
 &= \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} \left| \int_0^1 \frac{f(tx)}{t^\alpha} dt \right|^p dx \right\}^{\frac{1}{p}}.
 \end{aligned}$$

Применив неравенство Минковского, получим

$$\begin{aligned}
 \|H^\alpha f\|_{L^p(\mathbb{R}^n)} &\leq \int_0^1 t^{-\alpha} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(tx)|^p dx \right\}^{\frac{1}{p}} dt \\
 &= \int_0^1 t^{-\alpha-\frac{n}{p}} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(x)|^p dx \right\}^{\frac{1}{p}} dt \\
 &= \frac{1}{1-\frac{n}{p}-\alpha} \|f\|_{L^p(\mathbb{R}^n)}.
 \end{aligned}$$

Таким образом,

$$\|H^\alpha\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} \leq \frac{1}{1-\frac{n}{p}-\alpha}. \quad (3.2)$$

Необходимость. Пусть оператор H^α ограничен в $L^p(\mathbb{R}^n)$. Тогда он должен быть определен на всех функциях из $L^p(\mathbb{R}^n)$. Рассмотрим тестовую функцию

$$f_\delta(x) = \begin{cases} |x|^{-\frac{n}{p}+\delta}, & |x| \leq 1 \\ 0, & |x| > 1. \end{cases}$$

Очевидно, что $f_\delta \in L^p(\mathbb{R}^n)$ при $\delta > 0$. Для $|x| < 1$ имеем

$$H^\alpha f_\delta(x) = |x|^{\alpha-1} \int_0^{|x|} \left| \frac{t}{|x|} \right|^{-\frac{n}{p}+\delta} t^{-\alpha} dt = |x|^{\alpha-1} \int_0^{|x|} t^{-\frac{n}{p}+\delta-\alpha} dt = \frac{f_\delta(x)}{-\frac{n}{p}+\delta-\alpha+1}.$$

Отсюда

$$\|H^\alpha f_\delta\|_{L^p(\mathbb{R}^n)} \geq \frac{1}{-\frac{n}{p}+\delta-\alpha+1} \|f_\delta\|_{L^p(\mathbb{R}^n)}.$$

Следовательно

$$\|H^\alpha\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} = \sup_{f \in \mathbb{R}^n} \frac{\|H^\alpha f\|_{L^p(\mathbb{R}^n)}}{\|f\|_{L^p(\mathbb{R}^n)}} \geq \frac{\|H^\alpha f_\delta\|_{L^p(\mathbb{R}^n)}}{\|f_\delta\|_{L^p(\mathbb{R}^n)}} \geq \frac{1}{-\frac{n}{p}+\delta-\alpha+1}.$$

Отсюда в силу произвола δ приходим к оценке снизу

$$\|H^\alpha\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} \geq \frac{1}{1-\frac{n}{p}-\alpha}. \quad (3.3)$$

Из оценок (3.2) и (3.3) получаем первое из равенств (3.1).

Утверждение теоремы для оператора \mathcal{H}^B доказывается аналогично посредством тестовой функции

$$f_\delta(x) = \begin{cases} 0, & |x| \leq 1 \\ |x|^{-\frac{n}{p}-\delta}, & |x| > 1. \end{cases}$$

3.1. Операторы Харди по направлению в гранд-пространствах Лебега

Введем обозначения

$$c_\alpha(a) := \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \int_1^\infty t^{\alpha + \frac{n}{p-\varepsilon} - 2} a_*(t)^{\frac{\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt, \tag{3.4}$$

$$d_\beta(a) := \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \int_0^1 t^{\beta + \frac{n}{p-\varepsilon} - 1} a_*(t)^{\frac{\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt, \tag{3.5}$$

где a_* – растяжение функции a , см. (2.5).

Теорема 3.2. Пусть $1 < p < \infty$ и a – неотрицательная функция на \mathbb{R}^n , удовлетворяющая условию интегрируемости (2.3).

Если $c_\alpha(a) < \infty$ и $d_\beta(a) < \infty$, то операторы H^α и \mathcal{H}^β соответственно ограничены в гранд-пространстве $L_a^p(\mathbb{R}^n)$ и

$$\|H^\alpha\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} \leq c_\alpha(a), \|\mathcal{H}^\beta\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} \leq d_\beta(a). \tag{3.6}$$

Доказательство. Докажем сначала неравенство

$$\|H^\alpha f\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} \leq c_\alpha(a) \|f\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)}. \tag{3.7}$$

Так как

$$H^\alpha f(x) = \int_0^1 \frac{f(tx)}{t^\alpha} dt,$$

то силу неравенства Минковского в $L^{p-\varepsilon}$ получим

$$\begin{aligned} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |H^\alpha f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} &\leq \int_0^1 t^{-\alpha} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(tx)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} dt \\ &= \int_0^1 t^{-\alpha - \frac{n}{p-\varepsilon}} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a\left(\frac{x}{t}\right)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} dt \\ &= \int_0^1 t^{-\alpha - \frac{n}{p-\varepsilon}} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} \left[\frac{a\left(\frac{x}{t}\right)^{\frac{\varepsilon}{p}}}{a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}}} \right] dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} dt \\ &\leq \int_0^1 t^{-\alpha - \frac{n}{p-\varepsilon}} a_*\left(\frac{1}{t}\right)^{\frac{\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}}. \end{aligned}$$

Воспользовавшись (2.5) и сделав в первом интеграле инверсию, придем к неравенству

$$\left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |H^\alpha f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} \leq \int_1^\infty t^{\alpha + \frac{n}{p-\varepsilon} - 2} a_*(t)^{\frac{\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}}.$$

Откуда следует (3.7).

Докажем теперь неравенство

$$\|\mathcal{H}^\beta f\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)} \leq d_\beta(a) \|f\|_{L_a^p(\mathbb{R}^n)}. \tag{3.8}$$

Так как

$$\mathcal{H}^\beta f(x) = \int_1^\infty \frac{f(tx)}{t^{1+\beta}} dt,$$

то силу неравенства Минковского в $L^{p-\varepsilon}$ получим

$$\begin{aligned} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |\mathcal{H}^\beta f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} &\leq \int_1^\infty t^{-\beta-1} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(tx)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} dt \\ &= \int_1^\infty t^{-\beta-1-\frac{n}{p-\varepsilon}} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a\left(\frac{x}{t}\right)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} dt \\ &= \int_1^\infty t^{-\beta-1-\frac{n}{p-\varepsilon}} \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} \left[\frac{a\left(\frac{x}{t}\right)}{a(x)} \right]^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} dt. \end{aligned}$$

Воспользовавшись (2.5) и сделав в первом интеграле инверсию, придем к неравенству

$$\left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |\mathcal{H}^\beta f(y)|^{p-\varepsilon} a(y)^{\frac{\varepsilon}{p}} dy \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} \leq \int_0^1 t^{\beta+\frac{n}{p-\varepsilon}-1} a_*(t)^{\frac{\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt \left\{ \int_{\mathbb{R}^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}}. \quad (3.9)$$

Откуда следует (3.8).

Теорема 3.3. Пусть $a_\lambda(x) = |x|^{-\lambda}$, где $\lambda \in \mathbb{R}$. Условие $\alpha < 1 - n + \frac{\min\{\lambda, n\}}{p'}$ достаточно, а условие $\alpha < 1 - n + \frac{\max\{\lambda, n\}}{p'}$ необходимо для ограниченности оператора H^α в гранд-пространстве $L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}_+)$, и при этих условиях

$$\frac{1}{1 - n + \frac{\max\{\lambda, n\}}{p'} - \alpha} \leq \|H^\alpha\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)} \leq \frac{1}{1 - n + \frac{\min\{\lambda, n\}}{p'} - \alpha}. \quad (3.10)$$

Доказательство. Получим оценки для нормы оператора H^α . Учитывая, что $(a_\lambda)_*(t) = a_\lambda(t)$, имеем

$$\begin{aligned} c_\alpha(a_\lambda) &:= \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \int_1^\infty t^{\alpha+\frac{n}{p-\varepsilon}-2-\frac{\lambda\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt \\ &= \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \frac{1}{1 - \alpha - \frac{\lambda}{p} - \frac{n-\lambda}{p-\varepsilon}} \\ &= \begin{cases} \frac{1}{1 - n + \frac{\lambda}{p'} - \alpha}, & \lambda \leq n, \\ \frac{1}{1 - \frac{n}{p} - \alpha}, & \lambda > n \end{cases} \\ &= \frac{1}{1 - n + \frac{\min\{\lambda, n\}}{p'} - \alpha}. \end{aligned}$$

Следовательно,

$$\|H^\alpha\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)} \leq \begin{cases} \frac{1}{1 - n + \frac{\lambda}{p'} - \alpha}, & \lambda \leq n, \\ \frac{1}{1 - \frac{n}{p} - \alpha}, & \lambda > n \end{cases} = \frac{1}{1 - n + \frac{\min\{\lambda, n\}}{p'} - \alpha}. \quad (3.11)$$

Получим оценки снизу. Пусть $v \in \mathbb{R}$. Рассмотрим функцию

$$f_\delta(x) = \begin{cases} x^{-\frac{v}{p}}, & |x| \leq 1 \\ 0, & |x| > 1. \end{cases}$$

Выясним при каких условиях на v имеет место включение $f_v \in L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)$. Имеем

$$\|f_v\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)} = \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \left(\varepsilon \int_{|x| < 1} |x|^{(-\frac{v}{p})(p-\varepsilon) - \frac{\lambda \varepsilon}{p}} dx \right)^{\frac{1}{p-\varepsilon}}.$$

Для конечности супремума необходимо, чтобы для всех $\varepsilon \in [0, p-1]$ выполнялось условие $n - v + \frac{v-\lambda}{p} \varepsilon > 0$. Интеграл сходится для всех $\varepsilon \in (0, p-1]$ при $v < n$ для $\lambda < n$ и при $\frac{v}{p} < n - \frac{\lambda}{p'}$ для $\lambda > n$, а при $v = n$ супремум конечен из-за множителя ε перед интегралом.

В случае $\lambda \leq n$ рассмотрим тестовую функцию

$$f_\delta(x) = \begin{cases} x^{-\frac{n-\delta}{p}}, & |x| \leq 1 \\ 0, & |x| > 1. \end{cases}$$

Для $|x| < 1$ имеем

$$\begin{aligned} H^\alpha f_\delta(x) &= |x|^{\alpha-1} \int_0^{|x|} \left| t \frac{x}{|x|} \right|^{-\frac{n-\delta}{p}} t^{-\alpha} dt \\ &= |x|^{\alpha-1} \int_0^{|x|} t^{-\frac{n-\delta}{p} - \alpha} dt \\ &= \frac{1}{1 - \frac{n-\delta}{p} - \alpha} f_\delta(x), \end{aligned}$$

и получим

$$\|H^\alpha\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)} = \sup_{f \in \mathbb{R}^n} \frac{\|H^\alpha f\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)}}{\|f\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)}} \geq \frac{\|H^\alpha f_\delta\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)}}{\|f_\delta\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)}} \geq \frac{1}{1 - \frac{n-\delta}{p} - \alpha}$$

для всех $\delta > 0$. Отсюда, переходя к пределу при $\delta \rightarrow 0$, получим

$$\frac{1}{1 - \frac{n}{p} - \alpha} \leq \|H^\alpha\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)}, \lambda \leq n.$$

В случае $\lambda > n$ рассмотрим тестовую функцию

$$f_\delta(x) = \begin{cases} x^{-n + \frac{\lambda+\delta}{p}}, & |x| \leq 1 \\ 0, & |x| > 1. \end{cases}$$

Рассуждая аналогично, придем к оценке

$$\frac{1}{1 - n + \frac{\lambda}{p'} - \alpha} \leq \|H^\alpha\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)}, \lambda > n.$$

Следовательно,

$$\frac{1}{1 - n + \frac{\max\{\lambda, n\}}{p'} - \alpha} \leq \|H^\alpha\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)}, \lambda \in \mathbb{R}. \quad (3.12)$$

В силу оценок (3.11) и (3.12) получаем (3.10).

Теорема 3.4. Пусть $a_\lambda(x) = |x|^{-\lambda}$, где $\lambda \in \mathbb{R}$. Условие $\beta > \frac{\max\{\lambda, n\}}{p'} - n$ достаточно, а условие $\beta > \frac{\min\{\lambda, n\}}{p'} - n$ необходимо для ограниченности оператора \mathcal{H}^β в гранд-пространстве $L_a^{(p)}(\mathbb{R}^n)$, и при этих условиях

$$\frac{1}{n - \frac{\min\{\lambda, n\}}{p'} + \beta} \leq \|\mathcal{H}^\beta\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}^n)} \leq \frac{1}{n - \frac{\max\{\lambda, n\}}{p'} + \beta}.$$

Доказательство. Имеем

$$\begin{aligned}
 d_\beta(a_\lambda) &= \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \int_0^1 t^{\beta + \frac{n}{p-\varepsilon} - 1 - \frac{\lambda\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt \\
 &= \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \frac{1}{\beta + \frac{\lambda}{p} + \frac{n-\lambda}{p-\varepsilon}} \\
 &= \begin{cases} \frac{1}{\frac{n}{p} + \beta}, & \lambda \leq n \\ \frac{1}{n - \frac{\lambda}{p'} + \beta}, & \lambda > n. \end{cases}
 \end{aligned}$$

Следовательно,

$$\|\mathcal{H}^\beta\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)} \leq \begin{cases} \frac{1}{\frac{n}{p} + \beta}, & \lambda \leq n \\ \frac{1}{n - \frac{\lambda}{p'} + \beta}, & \lambda > n. \end{cases} = \frac{1}{n - \frac{\max\{\lambda, n\}}{p'} + \beta}. \quad (3.13)$$

Получим оценки снизу. В случае $\lambda \geq n$ рассмотрим тестовую функцию

$$f_\delta(x) = \begin{cases} 0, & |x| \leq 1 \\ x^{-\frac{n}{p}-\delta}, & |x| > 1. \end{cases}$$

Покажем, что $f_\delta \in L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)$ при $\delta > 0$. Имеем

$$\|f_\delta\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)} = \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \left(\varepsilon \int_{|x|>1} |x|^{(-\frac{n}{p}-\delta)(p-\varepsilon)-\frac{\lambda\varepsilon}{p}} dx \right)^{\frac{1}{p-\varepsilon}},$$

где супремум конечен при $\delta > 0$ и $\lambda \geq n$.

Для $|x| > 1$ имеем

$$\begin{aligned}
 \mathcal{H}^\beta f_\delta(x) &= |x|^\beta \int_{\frac{|x|}{\infty}}^\infty \left| t \frac{x}{|x|} \right|^{-\frac{n}{p}-\delta} t^{-\beta-1} dt \\
 &= |x|^\beta \int_{\frac{|x|}{\infty}}^\infty t^{-\frac{n}{p}-\delta-\beta-1} dt \\
 &= \frac{1}{\frac{n}{p} + \delta + \beta} f_\delta(x),
 \end{aligned}$$

и получим

$$\|\mathcal{H}^\beta\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)} = \sup_{f \in \mathbb{R}^n} \frac{\|\mathcal{H}^\beta f\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)}}{\|f\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)}} \geq \frac{\|\mathcal{H}^\beta f_\delta\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)}}{\|f_\delta\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)}} \geq \frac{1}{\frac{n}{p} + \delta + \beta},$$

для всех $\delta > 0$. Отсюда, переходя к пределу при $\delta \rightarrow 0$, получим

$$\frac{1}{\frac{n}{p} + \beta} \leq \|\mathcal{H}^\beta\|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)}, \lambda \geq n.$$

В случае $\lambda < n$ посредством тестовой функции

$$f_\delta(x) = \begin{cases} 0, & |x| \leq 1 \\ x^{-n+\frac{\lambda}{p'}+\delta}, & |x| > 1 \end{cases}$$

аналогично получим

$$\frac{1}{n - \frac{\lambda}{p'} + \beta} \leq \| \mathcal{H}^\beta \|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)}, \lambda < n.$$

В силу оценок (3.14) и (3.15) получаем

$$\frac{1}{n - \frac{\min\{\lambda, n\}}{p'} + \beta} \leq \| \mathcal{H}^\beta \|_{L_{a_\lambda}^p(\mathbb{R}^n)}, \lambda \in \mathbb{R}.$$

Следствие 3.5. Условия $\alpha < 1 - \frac{n}{p}$ и $\beta > -\frac{n}{p}$ необходимы и достаточны для ограниченности операторов H^α и \mathcal{H}^β соответственно в гранд-пространстве $L_{a_n}^p(\mathbb{R}^n)$, $a_n(x) = |x|^{-n}$, и

$$\begin{aligned} \| H^\alpha \|_{L_{a_n}^p(\mathbb{R}^n)} &= \frac{1}{1 - \frac{n}{p} - \alpha}, \\ \| \mathcal{H}^\beta \|_{L_{a_n}^p(\mathbb{R}^n)} &= \frac{1}{\frac{n}{p} + \beta}. \end{aligned}$$

4. Смешанные операторы Харди в гранд-пространствах Лебега

Мы рассматриваем операторы Харди

$$H^{\bar{\alpha}} f(x) := x_1^{\alpha_1 - 1} x_2^{\alpha_2 - 1} \dots x_n^{\alpha_n - 1} \int_0^{x_1} \int_0^{x_2} \dots \int_0^{x_n} \frac{f(t_1, t_2, \dots, t_n)}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1, \quad (4.1)$$

$$\mathcal{H}^{\bar{\beta}} f(x) := x_1^{\beta_1} x_2^{\beta_2} \dots x_n^{\beta_n} \int_{x_1}^\infty \int_{x_2}^\infty \dots \int_{x_n}^\infty \frac{f(t_1, t_2, \dots, t_n)}{t_1^{\beta_1 + 1} t_2^{\beta_2 + 1} \dots t_n^{\beta_n + 1}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1, x \in \mathbb{R}_+^n \quad (4.2)$$

в гранд-пространствах $L_a^p(\mathbb{R}_+^n)$.

4.1. Смешанные операторы Харди в пространствах Лебега.

Теорема 4.1. Условия $\alpha_i < \frac{1}{p'}, i = 1, 2, \dots, n$, и $\beta_i > \frac{1}{p}, i = 1, 2, \dots, n$, необходимы и достаточны для ограниченности операторов H^α и \mathcal{H}^β соответственно в пространстве $L^p(\mathbb{R}_+^n), 1 \leq p < \infty$. При этом

$$\| H^{\bar{\alpha}} \|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)} = \prod_{k=1}^n \left(\frac{1}{p'} - \alpha_k \right)^{-1}, \| \mathcal{H}^{\bar{\beta}} \|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)} = \prod_{k=1}^n \left(\frac{1}{p} + \beta_k \right)^{-1}. \quad (4.3)$$

Доказательство. Достаточность. Докажем утверждения теоремы для оператора $H^{\bar{\alpha}}$. Имеем

$$\begin{aligned} \| H^{\bar{\alpha}} f \|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)} &= \left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} \left| \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 \frac{f(x_1 t_1, x_2 t_2, \dots, x_n t_n)}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \right|^p dx \right\}^{\frac{1}{p}} \\ &= \left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} \left| \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 \frac{f(x_1 t_1, x_2 t_2, \dots, x_n t_n)}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \right|^p dx \right\}^{\frac{1}{p}}. \end{aligned}$$

Применив неравенство Минковского, получим

$$\begin{aligned} \| H^{\bar{\alpha}} f \|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)} &\leq \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 \frac{1}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \\ &\quad \times \left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} |f(x_1 t_1, x_2 t_2, \dots, x_n t_n)|^p dx \right\}^{\frac{1}{p}} \\ &= \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 t_1^{-\frac{1}{p} - \alpha_1} t_2^{-\frac{1}{p} - \alpha_2} \dots t_n^{-\frac{1}{p} - \alpha_n} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \| f \|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)} \\ &= \frac{1}{\left(1 - \frac{1}{p} - \alpha_1\right) \left(1 - \frac{1}{p} - \alpha_2\right) \dots \left(1 - \frac{1}{p} - \alpha_n\right)} \| f \|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)}. \end{aligned}$$

Таким образом,

$$\|H^{\bar{\alpha}}f\|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)} \leq \prod_{k=1}^n \left(\frac{1}{p'} - \alpha_k\right)^{-1} \|f\|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)}, \alpha_k < \frac{1}{p'}, k = 1, 2, \dots, n. \quad (4.4)$$

Необходимость. Пусть оператор $H^{\bar{\alpha}}$ ограничен в $L^p(\mathbb{R}_+^n)$. Тогда он должен быть определен на всех функциях из $L^p(\mathbb{R}_+^n)$. Рассмотрим тестовую функцию

$$f_\delta(x) = \begin{cases} (x_1 x_2 \dots x_n)^{-\frac{1}{p} + \delta}, & 0 < x_k \leq 1, \forall k = 1, 2, \dots, n. \\ 0, & x_k > 1, \exists k = 1, 2, \dots, n. \end{cases}$$

Очевидно, что $f_\delta \in L^p(\mathbb{R}_+^n)$ при $\delta > 0$. Для $|x_k| \leq 1, k = 1, 2, \dots, n$, имеем

$$\begin{aligned} H^{\bar{\alpha}}f_\delta(x) &= \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 \frac{(x_1 t_1 x_2 t_2 \dots x_n t_n)^{-\frac{1}{p} + \delta}}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \\ &= \prod_{k=1}^n x_k^{-\frac{1}{p} + \delta} \int_0^1 t^{-\frac{1}{p} + \delta - \alpha_k} dt_k \\ &= \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{1}{p'} + \delta - \alpha_k} f_\delta(x). \end{aligned}$$

Отсюда

$$\|H^{\bar{\alpha}}f_\delta\|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)} \geq \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{1}{p'} + \delta - \alpha_k} \|f_\delta\|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)}.$$

Следовательно

$$\|H^{\bar{\alpha}}\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)} = \sup_{f \in \mathbb{R}_+^n} \frac{\|H^{\bar{\alpha}}f\|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)}}{\|f\|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)}} \geq \frac{\|H^{\bar{\alpha}}f_\delta\|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)}}{\|f_\delta\|_{L^p(\mathbb{R}_+^n)}} \geq \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{1}{p'} + \delta - \alpha_k}.$$

Отсюда в силу произвола δ приходим к оценке снизу

$$\|H^{\bar{\alpha}}\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)} \geq \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{1}{p'} - \alpha_k}. \quad (4.5)$$

Из оценок (4.4) и (4.5) получаем первое из равенств (4.3).

Утверждение теоремы для оператора $\mathcal{H}^{\bar{\beta}}$ доказывается аналогично посредством тестовой функции

$$f_\delta(x) = \begin{cases} 0, & 0 < x_k \leq 1, \forall k = 1, 2, \dots, n, \\ (x_1 x_2 \dots x_n)^{-\frac{1}{p} + \delta}, & x_k > 1, \exists k = 1, 2, \dots, n. \end{cases}$$

4.2. Смешанные операторы Харди в гранд-пространствах Лебега. Обозначим

$$\begin{aligned} c_{\bar{\alpha}}(a) &:= \int_1^\infty \int_1^\infty \dots \int_1^\infty \prod_{k=1}^n t_k^{\frac{1}{p-\varepsilon} + \alpha_k - 2} a_*(t_1, t_2, \dots, t_n) dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \\ d_{\bar{\beta}}(a) &:= \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 \prod_{k=1}^n t_k^{\frac{1}{p-\varepsilon} + \beta_k - 1} a_*(t_1, t_2, \dots, t_n) dt_n dt_{n-1} \dots dt_1. \end{aligned}$$

Теорема 4.2. Условия $c_{\bar{\alpha}}(a) < \infty$ и $d_{\bar{\beta}}(a) < \infty$ достаточны для ограниченности операторов $H^{\bar{\alpha}}$ и $\mathcal{H}^{\bar{\beta}}$ соответственно в пространстве $L_a^p(\mathbb{R}_+^n), 1 < p < \infty$. При этом

$$\|H^{\bar{\alpha}}\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)} \leq c_{\bar{\alpha}}(a), \|\mathcal{H}^{\bar{\beta}}\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)} \leq d_{\bar{\beta}}(a). \quad (4.6)$$

Доказательство. Докажем утверждения теоремы для оператора $H^{\bar{\alpha}}$. Имеем

$$\left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} \left| x_1^{\alpha_1 - 1} x_2^{\alpha_2 - 1} \dots x_n^{\alpha_n - 1} \int_0^{x_1} \int_0^{x_2} \dots \int_0^{x_n} \frac{f(t_1, t_2, \dots, t_n)}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \right|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p-\varepsilon}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}}$$

$$= \left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} \left| \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 \frac{f(x_1 t_1, x_2 t_2, \dots, x_n t_n)}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \right|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}}$$

Применив неравенство Минковского, получим

$$\begin{aligned} & \left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} \left| \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 \frac{f(x_1 t_1, x_2 t_2, \dots, x_n t_n)}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \right|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} \\ & \leq \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 \frac{1}{t_1^{\alpha_1} t_2^{\alpha_2} \dots t_n^{\alpha_n}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \\ & \quad \times \left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} |f(x_1 t_1, x_2 t_2, \dots, x_n t_n)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} \\ & = \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 t_1^{\frac{1}{p-\varepsilon}-\alpha_1} t_2^{\frac{1}{p-\varepsilon}-\alpha_2} \dots t_n^{\frac{1}{p-\varepsilon}-\alpha_n} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \\ & \quad \times \left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a\left(\frac{x_1}{t_1}, \frac{x_2}{t_2}, \dots, \frac{x_n}{t_n}\right)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} \\ & = \int_0^1 \int_0^1 \dots \int_0^1 t_1^{\frac{1}{p-\varepsilon}-\alpha_1} t_2^{\frac{1}{p-\varepsilon}-\alpha_2} \dots t_n^{\frac{1}{p-\varepsilon}-\alpha_n} \left[a_*\left(\frac{1}{t_1}, \frac{1}{t_2}, \dots, \frac{1}{t_n}\right) \right]^{\frac{\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \\ & \quad \times \left\{ \int_{\mathbb{R}_+^n} |f(x)|^{p-\varepsilon} a(x)^{\frac{\varepsilon}{p}} dx \right\}^{\frac{1}{p-\varepsilon}} \end{aligned}$$

где $a_*(t_1, t_2, \dots, t_n) = \sup_{x \in \mathbb{R}_+^n} \frac{a(x_1 t_1, x_2 t_2, \dots, x_n t_n)}{a(x)}$.

Таким образом,

$$\|H^{\bar{\alpha}} f\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)} \leq \int_1^\infty \int_1^\infty \dots \int_1^\infty \prod_{k=1}^n t_k^{\frac{1}{p-\varepsilon} + \alpha_k - 2} [a_*(t_1, t_2, \dots, t_n)]^{\frac{\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt_n dt_{n-1} \dots dt_1 \|f\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)}. \quad (4.7)$$

Оценка нормы $\|\mathcal{H}^{\bar{\beta}}\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)}$ доказывается аналогично.

Рассмотрим случай грандизатора вида

$$a(x) = \prod_{k=1}^n a_k(x_k), \quad x = (x_1, x_2, \dots, x_n). \quad (4.8)$$

Обозначим

$$\begin{aligned} c_{\alpha_k}(a_k) & := \int_1^\infty t_k^{\frac{1}{p-\varepsilon} + \alpha_k - 2} (a_k)_*(t_k) dt_k, \\ d_{\beta_k}(a_k) & := \int_0^1 t_k^{\frac{1}{p-\varepsilon} + \beta_k - 1} [(a_k)_*(t_k)]^{\frac{\varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt_k, \quad k = 1, 2, \dots, n. \end{aligned}$$

Из теоремы 4.2 непосредственно получаем

Следствие 4.3. Пусть грандизатор $a(x)$ имеет вид (4.8). Тогда условия $c_{\alpha_k}(a_k) < \infty$, $k = 1, 2, \dots, n$, и $d_{\beta_k}(a_k) < \infty$, $k = 1, 2, \dots, n$, достаточны для ограниченности операторов $H^{\bar{\alpha}}$ и $\mathcal{H}^{\bar{\beta}}$ соответственно в пространстве $L_a^p(\mathbb{R}_+^n)$, $1 < p < \infty$. При этом

$$\|H^{\bar{\alpha}}\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)} \leq \prod_{k=1}^n c_{\alpha_k}(a_k), \quad \|\mathcal{H}^{\bar{\beta}}\|_{L_a^p(\mathbb{R}_+^n)} \leq \prod_{k=1}^n d_{\beta_k}(a_k).$$

Рассмотрим специальный грандизатор вида

$$\alpha_{\bar{\lambda}}(x) = \prod_{k=1}^n x_k^{-\lambda_k}, \quad (4.9)$$

где $\lambda_k \in \mathbb{R}, k = 1, 2, \dots, n$.

Теорема 4.4. Пусть грандизатор имеет вид (4.9). Тогда условия $\alpha_k < \frac{\min\{\lambda_k, 1\}}{p'}, k = 1, 2, \dots, n$, и $\beta_i > \frac{1}{p}, i = 1, 2, \dots, n$ достаточны, а условия $\alpha_k < \frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p'}, k = 1, 2, \dots, n$ необходимы для ограниченности оператора $H^{\bar{\alpha}}$ в гранд-пространстве $L_{\alpha_{\bar{\lambda}}}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)$ и при этих условиях

$$\prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{\min\{\lambda_k, 1\}}{p'} - \alpha_k} \leq \|H^{\bar{\alpha}}\|_{L_{\alpha_{\bar{\lambda}}}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)} \leq \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p'} - \alpha_k}. \quad (4.10)$$

Доказательство. Оценка сверху следует из теоремы 4.2. Действительно, учитывая, что $(\alpha_{\bar{\lambda}})_*(t_1, t_2, \dots, t_n) = \prod_{k=1}^n x_k^{-\lambda_k}$, имеем

$$\begin{aligned} c_{\bar{\alpha}}(\alpha_{\bar{\lambda}}) &\leq \prod_{k=1}^n \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \int_1^{\infty} t^{\alpha_k + \frac{1}{p-\varepsilon} - 2 - \frac{\lambda_k \varepsilon}{p(p-\varepsilon)}} dt \\ &= \prod_{k=1}^n \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \frac{1}{1 - \alpha_k - \frac{\lambda_k}{p} - \frac{1-\lambda_k}{p-\varepsilon}} \\ &= \prod_{k=1}^n \begin{cases} \frac{1}{\frac{\lambda_k}{p'} - \alpha_k}, & \lambda_k \leq 1, \\ \frac{1}{\frac{1}{p'} - \alpha_k}, & \lambda_k > 1 \end{cases} \\ &= \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{\min\{\lambda_k, 1\}}{p'} - \alpha_k}. \end{aligned}$$

Получим оценку снизу. Пусть $v_k \in \mathbb{R}, k = 1, 2, \dots, n$. Рассмотрим функцию

$$f_{\bar{v}}(x) = \begin{cases} \prod_{k=1}^n x_k^{-\frac{v_k}{p}}, & 0 < x_k \leq 1, \forall k = 1, 2, \dots, n, \\ 0, & x_k > 1, \exists k = 1, 2, \dots, n. \end{cases}$$

Выясним при каких условиях на \bar{v} имеет место включение $f_{\bar{v}} \in L_{\alpha_{\bar{\lambda}}}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)$. Имеем

$$\|f_{\bar{v}}\|_{L_{\alpha_{\bar{\lambda}}}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)} = \sup_{0 < \varepsilon < p-1} \left(\varepsilon \prod_{k=1}^n \int_0^{x_k} x_k^{-\frac{v_k}{p}(p-\varepsilon) - \frac{\lambda_k \varepsilon}{p}} dx \right)^{\frac{1}{p-\varepsilon}}.$$

Для конечности супремума необходимо, чтобы для всех $\varepsilon \in [0, p-1]$ выполнялись условия $n - v_k + \frac{v_k - \lambda_k}{p} \varepsilon > 0, k = 1, 2, \dots, n$. Интегралы сходятся для всех $\varepsilon \in (0, p-1]$ при $v_k < 1$ для $\lambda_k < 1$ и при $\frac{v_k}{p} < 1 - \frac{\lambda_k}{p'}$ для $\lambda_k > 1$, а в случае $\lambda_k = 1$ супремум конечен из-за множителя ε перед интегралом.

Следовательно нужно рассмотреть случаи $\lambda_k \leq 1$ и $\lambda_k > 1$.

Рассмотрим тестовую функцию

$$f_{\delta}(x) = \begin{cases} \prod_{k=1}^n x_k^{\frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p'} - 1 + \delta}, & 0 < x_k \leq 1, \forall k = 1, 2, \dots, n, \\ 0, & x_k > 1, \exists k = 1, 2, \dots, n. \end{cases}$$

Для $0 < x_k < 1$ имеем

$$H^{\bar{\alpha}} f_{\delta}(x) = \prod_{k=1}^n x_k^{\alpha_k - 1} \int_0^{x_k} t^{\frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p'} - 1 + \delta - \alpha_k} dt$$

$$= \prod_{k=1}^n \frac{1}{t^{\frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p'} + \delta - \alpha_k}} f_\delta(x),$$

и получим

$$\|H^{\bar{\alpha}}\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)} = \sup_{f \in \mathbb{R}_+^n} \frac{\|H^{\bar{\alpha}} f\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)}}{\|f\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)}} \geq \frac{\|H^{\bar{\alpha}} f_\delta\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)}}{\|f_\delta\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)}} \geq \prod_{k=1}^n \frac{1}{t^{\frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p'} + \delta - \alpha_k}}$$

для всех $\delta > 0$. Отсюда, переходя к пределу при $\delta \rightarrow 0$, получим

$$\prod_{k=1}^n \frac{1}{t^{\frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p'} - \alpha_k}} \leq \|H^{\bar{\alpha}}\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)}, \lambda \in \mathbb{R}^n.$$

Следствие 4.5. Пусть $a_n = \frac{1}{x_1 x_2 \dots x_n}$. Условие $\max_k \alpha_k < \frac{1}{p'}$ необходимо и достаточно для ограниченности оператора $H^{\bar{\alpha}}$ в гранд-пространстве $L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)$ и

$$\|H^{\bar{\alpha}}\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)} = \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{1}{p'} - \alpha_k}.$$

Аналогично теореме 4.4 доказывается следующая

Теорема 4.6. Пусть грандизатор имеет вид (4.9). Тогда условия $\beta_k > -\frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p}, k = 1, 2, \dots, n$, и $\beta_i > \frac{1}{p}, i = 1, 2, \dots, n$ достаточны, а условия $\beta_k > -\frac{\min\{\lambda_k, 1\}}{p}, k = 1, 2, \dots, n$ необходимы для ограниченности оператора $\mathcal{H}^{\bar{\beta}}$ в гранд-пространстве $L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)$, и при этих условиях

$$\prod_{k=1}^n \frac{1}{1 - \frac{\min\{\lambda_k, 1\}}{p'} - \beta_k} \leq \|\mathcal{H}^{\bar{\beta}}\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)} \leq \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{\max\{\lambda_k, 1\}}{p'} - \beta_k}.$$

Следствие 4.7. Пусть $a_n = \frac{1}{x_1 x_2 \dots x_n}$. Условие $\min_k \beta_k > -\frac{1}{p}$ необходимо и достаточно для ограниченности оператора $\mathcal{H}^{\bar{\beta}}$ в гранд-пространстве $L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)$ и

$$\|\mathcal{H}^{\bar{\beta}}\|_{L_{a_\lambda}^{(p)}(\mathbb{R}_+^n)} = \prod_{k=1}^n \frac{1}{\frac{1}{p} - \beta_k}.$$

Автор выражает благодарность профессору С.Г. Самко за полезное обсуждение результатов работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Iwaniec T. and Sbordone C. On the integrability of the Jacobian under minimal hypotheses. Arch. Rational Mech. Anal., 119:129–143, 1992.
2. Fratta G.Di. and Fiorenza A. A direct approach to the duality of grand and small Lebesgue spaces. Nonlinear Analysis: Theory, Methods and Applications, 70 (7):2582–2592, 2009.
3. Fiorenza A. Duality and reflexivity in grand Lebesgue spaces. Collect. Math., 51(2):131–148, 2000.
4. Fiorenza A., Gupta B. and Jain P. The maximal theorem in weighted grand Lebesgue spaces. Studia Math., 188(2):123–133, 2008.
5. Fiorenza A. and Karadzhov G.E. Grand and small Lebesgue spaces and their analogs. Journal for Analysis and its Applications, 23(4):657–681, 2004.
6. Fiorenza A. and Rakotoson J.M. Petits espaces de Lebesgue et leurs applications. C. R. Acad. Sci. Paris Ser. I, 333:1–4, 2001.
7. Greco L., Iwaniec T. and Sbordone C. Inverting the p -harmonic operator. Manuscripta Math., 92:249–258, 1997.
8. Kokilashvili V. Boundedness criterion for the Cauchy singular integral operator in weighted grand Lebesgue spaces and application to the Riemann problem. Proc. A. Razmadze Math. Inst., 151:129–133, 2009.

9. *Kokilashvili V.* The Riemann boundary value problem analytic functions in the frame of grand L^p spaces. *Bull. Georgian Nat. Acad. Sci.*, 4(1):5–7, 2010.
10. *Kokilashvili V. and Meskhi A.* A note on the boundedness of the Hilbert transform in weighted grand Lebesgue spaces. *Georgian Math. J.*, 16(3):547–551, 2009.
11. *Kokilashvili V., Meskhi A., Rafeiro H. and Samko S.* Integral Operators in Non-standard Function Spaces. Vol. I. Variable Exponent Lebesgue and Amalgam Spaces. Birkhäuser, 2015. 1–586 pages.
12. *Kokilashvili V., Meskhi A., Rafeiro H. and Samko S.* Integral Operators in Non-standard Function Spaces. Vol. II. Variable Exponent Holder, Morrey–Campanato and Grand Spaces. Birkhäuser, 2016. 587–1009 pages.
13. *Samko S.G. and Umarchadzhiev S.M.* On Iwaniec-Sbordone spaces on sets which may have infinite measure. *Azerb. J. Math.*, 1(1):67–84, 2011.
14. *Samko S.G. and Umarchadzhiev S.M.* On Iwaniec-Sbordone spaces on sets which may have infinite measure: addendum. *Azerb. J. Math.*, 1 (2):143–144, 2011.
15. *Умархаджиев С.М.* Обобщение понятия гранд-пространства Лебега // Известия вузов. Математика, 4:42–51, 2014. (Перевод на англ.: Generalization of the notion of grand Lebesgue space. *Russian Mathematics (Iz. VUZ)*, (58) 4, pp. 35–43, 2014).
16. *Умархаджиев С.М.* Ограниченность линейных операторов в весовых обобщенных гранд-пространствах Лебега. Вестник Академии наук Чеченской Республики, 19 (2):5–9, 2013.
17. *Umarchadzhiev S.M.* The Boundedness of the Riesz Potential Operator from Generalized Grand Lebesgue Spaces to Generalized Grand Morrey Spaces. In *Operator Theory: Advances and Applications*, Vol. 242, pages 363–373. Birkhäuser, Basel, 2014.
18. *Умархаджиев С.М.* Ограниченность потенциала Рисса в весовых обобщенных гранд-пространствах Лебега // Владикавказский матем. журнал, 16(2):62–68, 2014.
19. *Умархаджиев С.М.* Плотность пространства Лизоркина в гранд-пространствах Лебега // Владикавказский матем. журнал, 17(3):75–83, 2015.
20. *Samko S.G. and Umarchadzhiev S.M.* Riesz fractional integrals in grand Lebesgue spaces. *Fract. Calc. Appl. Anal.*, 19:608–624, 2016.
21. *Samko S.G.* Hypersingular Integrals and their Applications. London-New-York: Taylor & Francis, Series "Analytical Methods and Special Functions" vol. 5, 2002. 358 + xvii pages.
22. *Харди Г.Г., Литтлвуд Дж.И. and Поля Д.А.* Неравенства. ИЛ, М., 1948.
23. *Edmunds D.E., Kokilashvili V. and Meskhi A.* Bounded and compact integral operators, volume 543 of *Mathematics and its Applications*. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, 2002.
24. *Kufner A. and Persson L.-E.* Weighted inequalities of Hardy type. World Scientific Publishing Co. Inc., River Edge, NJ, 2003.
25. *Kufner A., Maligranda L. and Persson L.-E.* The Hardy Inequality - About its History and Some Related Results. Pilsen, 2007.
26. *Kokilashvili V., Meskhi A. and Persson L.-E.* Weighted norm inequalities for integral transforms with productkernels. Nova Science Publishers, New York, 2010.
27. *Kufner A., Maligranda L. and Persson L.-E.* The prehistory of the Hardy inequality. *Amer. Math. Monthly*, 113:715–732, 2006.
28. *Persson E.-L. and Samko S.G.* A note on the best constants in some Hardy inequalities. *J. Math. Inequal.*, 9(2):437–447, 2015.
29. *Persson E.-L., Shambilova G.E. and Stepanov V.D.* Hardy-type inequalities on the weighted cones of quasi-concave functions. *Banach J. Math. Anal.*, 9(2):21–34, 2015.
30. *Samko S.G. and Umarchadzhiev S.M.* On grand Lebesgue spaces on sets of infinite measure. *Mathematische Nachrichten*, 2016. <http://dx.doi.org/10.1002/mana.201600136>.
31. *Крейн С.Г., Петунин Ю.И., Семенов Е.М.* Интерполяция линейных операторов. М.: Наука, 1978. 499 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЯ РЕОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ПОЛИБУТИЛЕНТЕРЕФТАЛАТА И ПОЛИМЕРНОГО КОМПОЗИЦИОННОГО МАТЕРИАЛА В ПРОЦЕССЕ ЭКСПОНИРОВАНИЯ В ЖИДКИХ АГРЕССИВНЫХ СРЕДАХ

© М.М. АКАЕВА

Чеченский государственный университет, г. Грозный
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный

RESEARCH ON THE DYNAMICS OF CHANGING RHEOLOGICAL PROPERTIES OF POLYBUTYLENTEREFTALATE AND POLYMER COMPOSITE MATERIAL IN THE EXPOSURE PROCESS IN LIQUID AGGRESSIVE ENVIRONMENTS

© M.M. AKAEVA

Chechen State University, Grozny
Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny

***Аннотация.** В работе представлены результаты исследования полибутилентерефталата и композиционного материала полибутилентерефталат-полиэтилен с повышенной химической стойкостью. В данной работе выполнено исследование изменения значений показателя текучести расплава, как важной реологической характеристики, полибутилентерефталата и полимерного композиционного материала, в зависимости от состава и времени выдержки в ненагруженном состоянии в жидких агрессивных средах. Значительное повышение значений предела текучести расплава указывает на реализацию гидролитической и окислительной деструкции. В полимерных композиционных материалах деструктивные процессы преобладают над процессами структурирования и влиянием сорбции-десорбции на свойства полибутилентерефталата и композиционного материала. Анализ результатов показывает, что значительное усиление матрицы композиционного материала, введение неполярного полиэтилена в матрицу полибутилентерефталата способствует повышению стойкости к агрессивным средам.*

***Ключевые слова:** полибутилентерефталат, полиэтилен, композиционный материал, деградация, деструкция, структура.*

***Abstract.** The work presents the research results of polybutylene terephthalate and composite material of polybutylene terephthalate – polyethylene with increased chemical resistance. The research of the change of melt flow index values is performed as the most important rheological characteristic of polybutylene terephthalate and polymer composite material depending on the composition and holding time in the unloaded condition in liquid hostile environments. A significant increase of melt flow point values indicates the realization of hydrolytic and oxidizing degradation. In polymer composite materials, the destructive processes prevail over the structuring processes and over the influence of sorption and desorption on the properties of polybutylene terephthalate and composite material. The analysis results demonstrate a significant increase of composite material matrix. The introduction of nonpolar polyethylene into the polybutylene terephthalate matrix contributes to the increase of resistance to aggressive environments.*

***Keywords:** polyethylene terephthalate, polyethylene, composite material, degradation, destruction, structure.*

Анализ изменений реологических свойств полимерных материалов в условиях внешних воздействий (температуры, среды, деформации, излучения и др.) является очень важным и информативным с точки зрения изменения молекулярных характеристик, а значит и физико-химических свойств [1–3]. В связи с этим в данной работе вы-

полнено исследование изменения значений показателя текучести расплава (ПТР), как важной реологической характеристики, полибутилентерефталата (ПБТ) и полимерного композиционного материала (ПКМ) полибутилентерефталат-полиэтилен ПБТ-ПЭ в зависимости от состава и времени экспонирования в различных агрессив-

ных средах в ненапряженном состоянии при 25°C [4–6].

Показатель текучести расплавов ПБТ и его композиций определяли на автоматическом капиллярном вискозиметре типа ИИРТ-А при температуре 230 °С и нагрузке 2,16 кгс. по формуле:

$$\text{ПТР} = M \cdot 600 / t,$$

где M – масса (усредненная по трем значениям измерений); t – время опыта; 600 – стандартное время испытаний для полибутилентерефталата (сек.).

10%-ный водный раствор NaOH. Изменение значений ПТР ПБТ в растворе NaOH приведено на рис. 1. Значения ПТР = $f(t_{\text{эксп.}})$ для ПБТ заметно повышаются в области 24–72 часов экспонирования, где предположительно происходит адсорбция-сорбция NaOH и, возможно, гидро-

литическая деструкция. Дальнейшее понижение значений ПТР можно отнести к процессам структурирования. Поведение полимерного композиционного материала ПКМ в процессе экспонирования характеризуется повышением ПТР в течение 24–72 часов с последующим выходом на квазиплато. Видимо, это связано с тем, что основные процессы «деструкция – структурирование» завершаются за этот период, а затем наступает относительное термодинамически равновесное состояние в ПКМ и со средой, и в процессах «деструкция – структурирование». Составы ПКМ, содержащие 2,5–10,0% ПЭ, демонстрируют более высокий уровень устойчивости к действию NaOH.

10%-ный водный раствор HNO₃. Динамика изменения ПТР ПБТ и ПКМ ПБТ-ПЭ в 10% растворе HNO₃ характеризуется более неравномерными значениями (рис. 2).

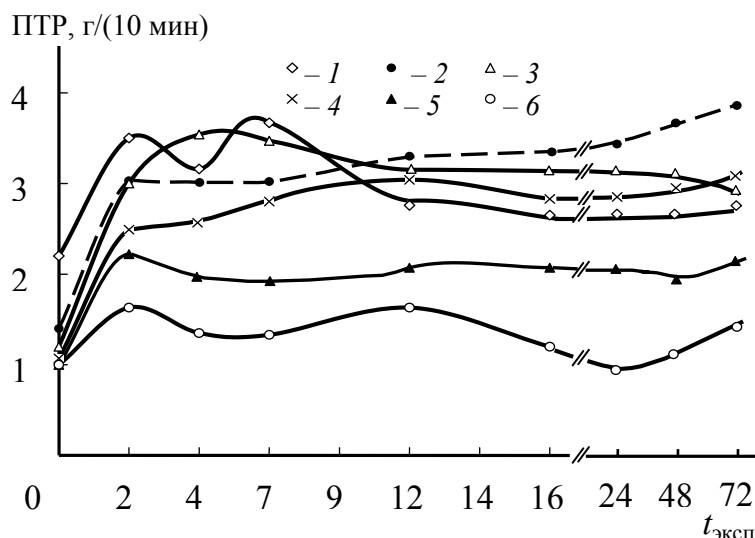

Рис. 1. Зависимость ПТР от времени выдержки в 10%-м растворе NaOH образцов ПБТ (1) и композиций ПБТ-ПЭВП (2-6) с содержанием ПЭВП, масс. %: 2,5 (2); 5 (3); 10 (4); 20 (5) и 30 (6)

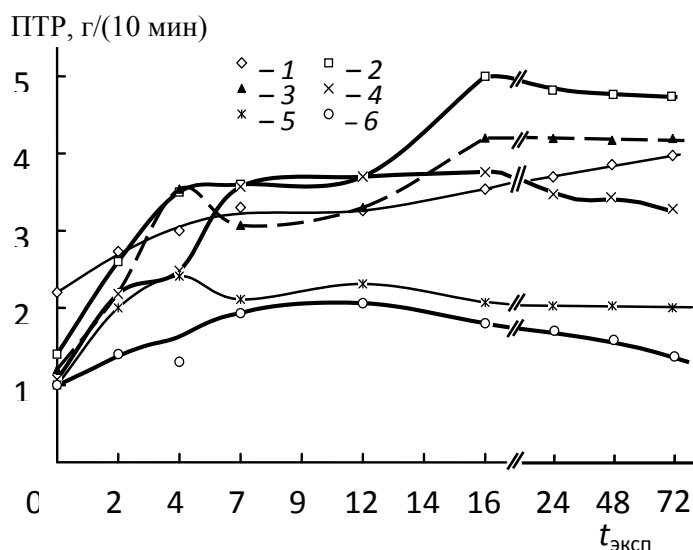

Рис. 2. Зависимость ПТР от времени выдержки в 10%-м растворе HNO₃ образцов ПБТ (1) и композиций ПБТ-ПЭ (2-6) с содержанием ПЭ, масс. %: 2,5 (2); 5 (3); 10 (4); 20 (5) и 30 (6)

Кривые ПТР = $f(t_{\text{эксп.}})$ характеризуются более заметной, по сравнению с NaOH, тенденцией подъема до 72 часов экспонирования с последующей стабилизацией. Это указывает на меньшую устойчивость ПБТ и ПКМ ПБТ-ПЭ в среде HNO_3 .

Исследование динамики изменения значений ПТР ПБТ и ПКМ ПБТ-ПЭ в агрессивных средах позволило выявить следующие тенденции:

1. Происходит значительное повышение значений ПТР (для некоторых образцов до трёх

раз), что указывает на реализацию гидролитической и окислительной деструкции. В таких ПКМ деструктивные процессы преобладают над процессами структурирования и влиянием сорбции-десорбции на свойства ПБТ и ПКМ.

2. Уровень деградирующего воздействия NaOH, HNO_3 на реологические свойства практически одинаков. Общая оценка динамики изменения реологических свойств ПБТ и ПКМ ПБТ-ПЭ позволяет говорить о более высокой стойкости ПКМ, содержащих более 5,0% ПЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тагер А.А. Физика и химия полимеров. М.: Научный Мир, 2007. 575 с.
2. Моисеев Б.В., Заиков Г.Е. Химическая стойкость полимеров в агрессивных средах. М.: Химия, 1979. 288 с.
3. Заиков Г.Е., Иорданский А.Л., Маркин В.С. Диффузия электролитов в полимерах. М.: Химия, 1984. 240 с.
4. Акаева М.М., Машуков Н.И. Динамика изменения механических свойств полибутилентерефталата и композиций полибутилентерефталат-полиэтилена в 10%-ном водном растворе NaOH // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2014. № 3 (24). С. 5–7.
5. Акаева М.М., Машуков Н.И. Исследование физико-механических свойств полимерных композиций ПБТ-ПЭВП в жидких агрессивных средах // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 4 (29). С. 5–7.
6. Акаева М.М., Машуков Н.И. Динамика изменения механических свойств полибутилентерефталата и композиций полибутилентерефталат-полиэтилена в жидких агрессивных средах // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 2 (31).

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПАРАМЕТРОВ ГРАНИЦЫ РАЗДЕЛА
ГРАФЕН – ГЕКСАГОНАЛЬНЫЙ НИТРИД БОРА**

© Г.А. МУСТАФАЕВ¹, В.А. ПАНЧЕНКО¹, А.И. ХАСАНОВ^{2,4},
А.Г. МУСТАФАЕВ³, Н.В. КАЛИНИНА¹

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик

² Чеченский государственный университет, г. Грозный

³ Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

⁴ Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный

**MODELING PARAMETERS OF INTERFACES BETWEEN GRAPHENE AND
HEXAGONAL BORON NITRIDE**

© G.A. MUSTAFAEV¹, V.A. PANCHENKO¹, A.I. KHASANOV^{2,4},
A.G. MUSTAFAEV³, N.V. KALININA¹

¹ Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

² Chechen State University, Grozny

³ Dagestan State University of National Economy, Makhachkala

⁴ Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny

Аннотация. В работе проведено моделирование структуры на основе полосы графена с присоединенными атомами азота и бора на различных границах полосы и в различных позициях на границе. Квантово-химическое моделирование процессов формирования простых и резонансных групп на твердой подложке осуществлялось с использованием программы HyperChem 8.0. Вычислены энергии моделируемых систем методами молекулярной механики и Монте-Карло. В результате были получены две границы графена типа «зигзаг» и две границы типа «кресло», расположенные перпендикулярно. К атомам углерода, расположенным на границе были добавлены связи с атомами водорода. Минимальной энергией обладают системы графена с присоединенными атомами азота и бора, причем в случае азота энергия системы меньше, чем в случае бора. Перспективным графеновым элементом для электроники может быть полоса, боковые границы которой имеют конфигурацию в той или иной степени похожую на «кресло», с короткими сторонами, имеющими границу типа «зигзаг». Соответственно направление распространения носителей в графеновом активном слое желательно в направлении, параллельном границам типа «кресло». Показано, что в технологических условиях при наличии в окружающей среде атомов азота и бора рост нитрида бора будет происходить преимущественно на границе типа «кресло» с присоединением атомов азота. Для использования полос графена в качестве активных слоев наноэлектроники желательно использовать полосы с длинной стороной, имеющей границу типа «кресло» с соответствующим направлением тока носителей вдоль этих границ.

Ключевые слова: графен, нитрид бора, моделирование, граница раздела, зонная структура, электронные свойства.

Abstract. In this work, the modeling of the graphene strip structure with attached nitrogen and boron atoms at different boundaries of the strip and in different positions at the boundary is conducted. Quantum-chemical modeling of the formation of simple and resonant groups on a solid substrate is carried out using the HyperChem program 8.0. The energies of the simulated systems are calculated by the methods of molecular mechanics and Monte Carlo. As a result, two boundaries of graphene of the "zigzag" type and two boundaries of the "armchair" type, located perpendicularly, are obtained. The bonds with hydrogen atoms are added to the carbon atoms located on the boundary. Minimal energy is possessed by graphene systems with attached nitrogen and boron atoms, and in the case of nitrogen the energy of the system is less than in the case of boron. A promising graphene element for electronics can be a strip whose lateral boundaries have a configuration more or less similar to the "armchair", with short sides having the zigzag boundary. Accordingly, the direction of carrier propagation in the graphene active layer is desirable in the direction parallel to "armchair" boundaries. It is shown that in the technological conditions, in

the presence of nitrogen and boron atoms in the environment, the growth of boron nitride will occur predominantly at the "armchair" boundary with addition of nitrogen atoms. To use graphene strips as active layers of nanoelectronics, it is desirable to use strips with the long side, having the "armchair" boundary with an appropriate direction of current carriers along these boundaries.

Keywords: *graphene, boron nitride, modeling, interface, band structure, electronic properties.*

Квантовая динамика безмассовых 2D-фермионов, с ультрарелятивистским энергетическим спектром, описывается уравнениями Вейля-Дирака или их двухдолинным обобщением для графена. Графен является полуметаллом, поэтому интенсивно обсуждаемые перспективы его использования в нанoeлектронике связаны с индуцированием запрещенной зоны в графеновых системах за счет размерного квантования квазиимпульса и энергии дираковских электронов.

Гексагональный нитрид бора является одним из наиболее анизотропных слоистых материалов. В обычных условиях его кристалл состоит из графитоподобных слоев, ориентированных перпендикулярно главной кристаллографической оси. В каждой плоскости три атома азота окружают каждый атом бора и наоборот. Частично ионный характер связей нитрида бора приводит к энергетическому разделению свободных и занятых состояний. По этой причине объемный гексагональный нитрид бора является широкозонным полупроводником. Ширина запрещенной зоны имеет значения от 3 до 7.5 эВ. Благодаря своей химической инертности и температурной стабильности нитрид бора широко используется в различных отраслях промышленности. Большой интерес вызывает возможность совместного использования графена и монослоя гексагонального нитрида бора для нужд нанoeлектроники [1–4].

Гетероструктуры на основе графена рассматриваются в настоящее время как основное направление развития тонкопленочной электроники. Гексагональный нитрид бора представляет интерес как комплементарный материал для графена, который, в частности, при использовании его в качестве подложки обеспечивает существенное увеличение подвижности носителей в графене. Расхождение в параметрах решетки графена и нитрида бора составляет 1,7%. Гексагональный нитрид бора является относительно инертным материалом, на поверхности которого отсутствуют ловушки заряда и свободные связи, присутствующие, например, в подложках из кремния и диоксида кремния [5–6].

Графеновые наноленты представляют собой узкие полосы графена шириной несколько нанометров. В отличие от графена, являющегося полуметаллом, квантовые-размерные эффекты в такой квазиодномерной системе приводят к

появлению запрещенной зоны, отсутствие которой существенно ограничивает возможности для применения графена в нанoeлектронике [7]. Электронная структура нанолент находится в непосредственной зависимости их атомного строения, что может быть использовано для управления электронными свойствами наносистем на основе графеновых нанолент [8–10].

Для описания размерного квантования необходимо знать поведение эффективной многокомпонентной волновой функции дираковского электрона вблизи латерального края образца [11–12]. Известен общий класс краевых условий, которые описывают влияние непроницаемого края системы на огибающие функции. В [13] в общем виде найдено дисперсионное уравнение для определения спектра краевых состояний в полубесконечном образце графена с учетом междолинных процессов, проведен анализ ряда частных решений этого уравнения.

Рассмотрим полосу графена шириной d в однодолинном приближении. Считаем, что края полосы имеют разную микроструктуру, т.е. характеризуются различными значениями параметра a . Параметр a на каждой границе будем считать постоянным (равным a_1 на левой границе и a_2 на правой) (рис. 1а). Решение уравнения Вейля, соответствующее квантовому состоянию на границах, приведено на рис. 1б.

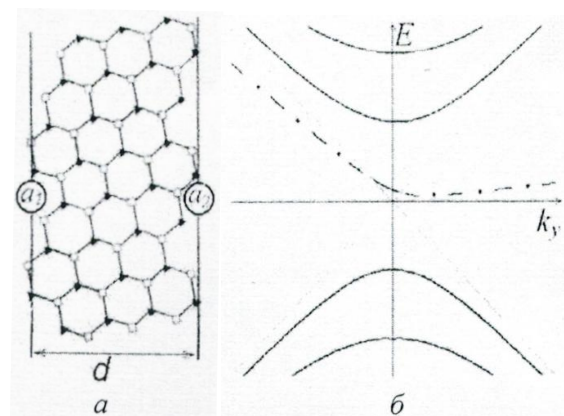

Рис. 1. Спектр $E_n(k_y)$ для нанополосы графена при $a_1 = 0.6$, $a_2 = 0.1$ [13]

На рис. 1б представлены две первые размерные подзоны для $a_1 = 0.6$, $a_2 = 0.1$. Для энергий подзон при $k_y = 0$ получим следующее выражение:

$$E_n(k_y = 0) = \left(\frac{1}{d}\right) \operatorname{arccctg} \left[\frac{a_1 a_2 - 1}{a_1 + a_2} \right] + \pi n.$$

При $|E| < |k_y|$, k_y принимает мнимые значения, что соответствует локализованным у границ состояниям, которые при k_y , стремящимся к бесконечности, переходят в обычные краевые состояния. Они обладают разной дисперсией на левой и правой границе полосы. При малых k_y эти состояния переходят в делокализованные.

В зависимости от значений параметров a_1 , a_2 полоса может быть как проводником, так и диэлектриком [11]. Таким образом, характер энергетического спектра в графеновой полосе определяется конфигурацией границ боковых сторон. В результате изменения конфигурации границ изменяются электрические свойства полоски графена и, как следствие, свойства прибора, сформированного с применением графена.

Изменяя конфигурацию границ графеновой полосы, например, с помощью присоединения отдельных атомов или их соединений, в том или ином месте, можно более точно подобрать электрофизические параметры устройств графеновой электроники [13–15].

Квантово-химическое моделирование процессов формирования простых и резонансных групп на твердой подложке осуществлялось с использованием программы HyperChem 8.0 [16].

Моделирование проводилось в следующей последовательности. В начале в программе HyperChem была собрана поверхность твердой подложки, представляющая собой полосу графена. В результате были получены две границы графена типа «зигзаг» и две границы типа «кресло», расположенные перпендикулярно. К атомам углерода, расположенным на границе, были добавлены связи с атомами водорода.

Затем в различные позиции на границах структуры последовательно присоединялись атомы бора либо азота по одному, либо по два атома, а также полукольцо нитрида бора, и проводились повторные расчеты. Все свободные химические связи замещались атомами водорода.

Схематически позиции, в которых встраивались атомы бора и азота на границах графена и вычислялись характеристики, показаны на рис. 2.

На рис. 3 представлены некоторые результаты, полученные при моделировании, рассчитанные значения полной энергии приведены в таблице 1.

По результатам моделирования построена качественная зависимость полной энергии систе-

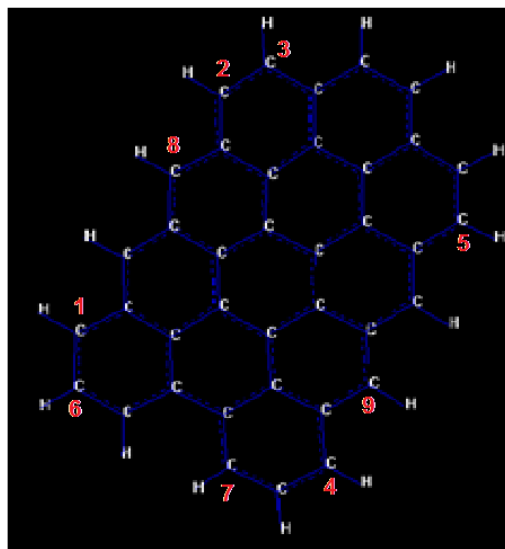

Рис. 2. Схема исследованных позиций присоединения атомов бора и азота к границам графеновой полосы

мы от позиции, занимаемой атомами на границах графеновой полосы, рассчитанной методами молекулярной механики и Монте-Карло (рис. 4).

Минимальной энергией обладают системы графена с присоединенными атомами азота (позиция 5 на рис. 4) и бора (позиция 14 на рис. 4), причем в случае азота энергия системы меньше, чем в случае бора.

Перспективным графеновым элементом для электроники может быть полоса, боковые границы которой имеют конфигурацию в той или иной степени похожую на «кресло», с короткими сторонами, имеющими границу типа «зигзаг». Соответственно направление распространения носителей в графеновом активном слое желательно в направлении, параллельном границам типа «кресло».

Сравнение полной энергии системы при присоединении двух атомов азота и двух атомов бора на границе типа «зигзаг» (позиции 8 и 11 на рис. 4) показывает, что минимум энергии системы наблюдается в случае атомов азота. Значительное уменьшение полной энергии системы наблюдается в случае присоединения полукольца нитрида бора, состоящего из двух атомов азота и одного атома бора, к границе графена типа «зигзаг» (позиции 17 и 18 на рис. 4). Причем энергия системы зависит также от места присоединения атомов азота к графену (позиции 4 и 9; 2 и 8 на рис. 4).

В результате моделирования показано, что в технологических условиях при наличии в окружающей среде атомов азота и бора рост нитрида бора будет происходить преимущественно на границе типа «кресло» с присоединением атомов азота. Для использования полос графена в каче-

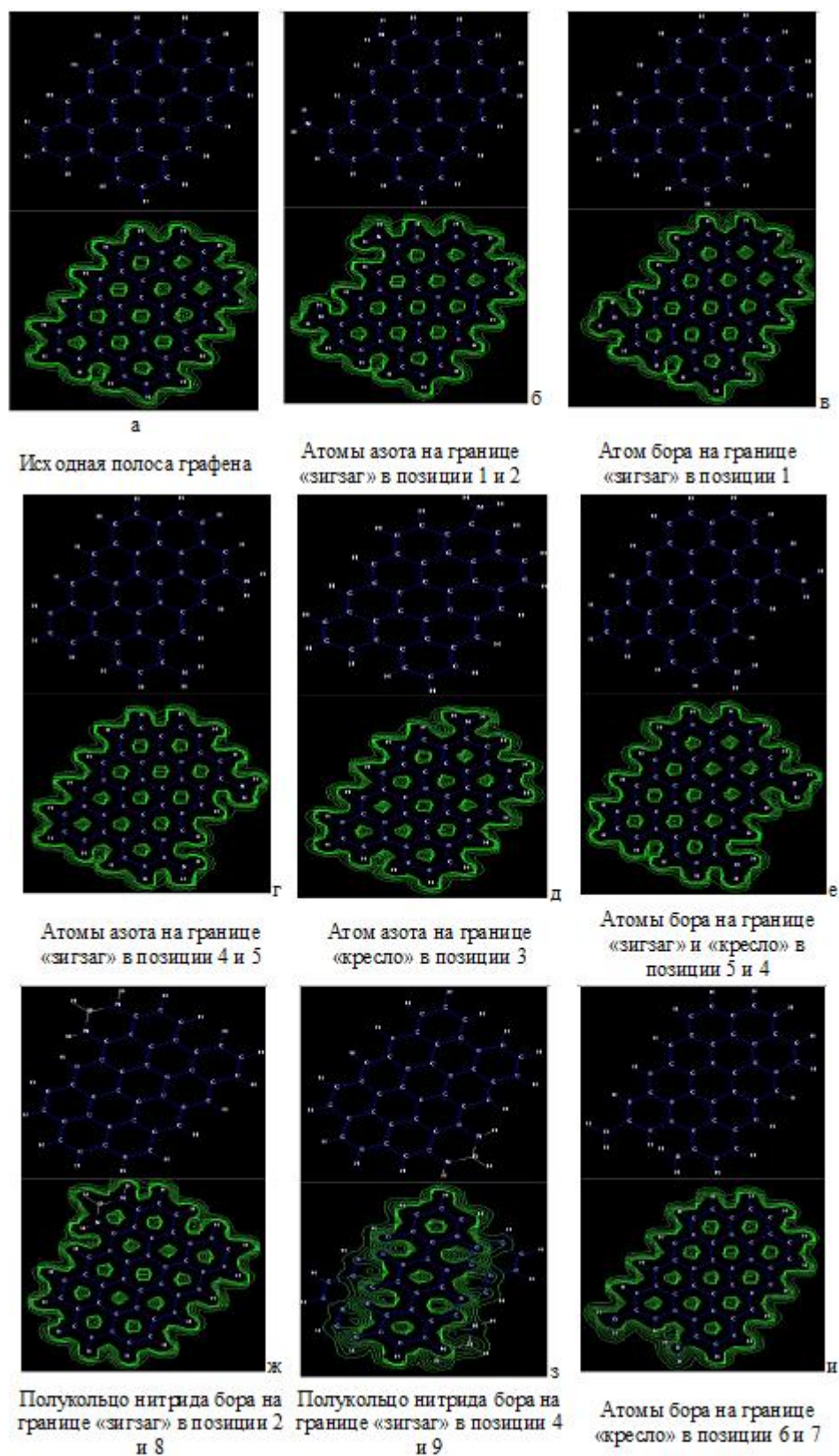

Рис. 3. Общий вид структуры и распределение электронной плотности в системе при различных позициях, занимаемых атомами азота и (или) бора на границах графеновой полосы

Значения рассчитанной полной энергии системы при различных позициях атомов бора и азота

№	Положение (из рис. 2)	Полная энергия, ккал/моль	
		Молекулярная механика	Метод Монте-Карло
1	Графен	52.0344	-36.7544
2	Азот на границе «зигзаг» в поз. 1	60.7406	-33.6016
3	Бор на границе «зигзаг» в поз. 1	65,8238	-34,0572
4	Азот на границе «зигзаг» в поз. 1 и 2	77.5641	-30.7249
5	Азот на границе «кресло» в поз. 3	60.0757	-33.856
6	Азот на границе «зигзаг» в поз. 4	64.6091	-33.5888
7	Азот на границе «зигзаг» и «кресло» в поз. 5	67.0012	-33.8512
8	Азот на границе «зигзаг» в поз. 4 и 5	64.8347	-30.7117
9	Бор на границе «зигзаг» в поз. 4	63.2327	-34.0642
10	Бор на границе «зигзаг» и «кресло» в поз. 5	60.8105	-34.3181
11	Бор на границе «зигзаг» в поз. 4 и 9	65.1669	-31.6726
12	Азот на границе «кресло» в поз. 6	60.7109	-35.9096
13	Азот на границе «кресло» в поз. 6 и 7	76.9349	-27.7324
14	Бор на границе «кресло» в поз. 6	60.3262	-36.4522
15	Бор на границе «кресло» в поз. 7	75.9909	-27.8633
16	Бор на границе «кресло» в поз. 6 и 7	79.6277	-27.6469
17	Полукольцо BN на границе «зигзаг» в поз. 2 и 8	61.5766	-41.4528
18	Полукольцо BN на границе «зигзаг» в поз. 4 и 9	50.6845	41.8404

Энергия системы, ккал/моль

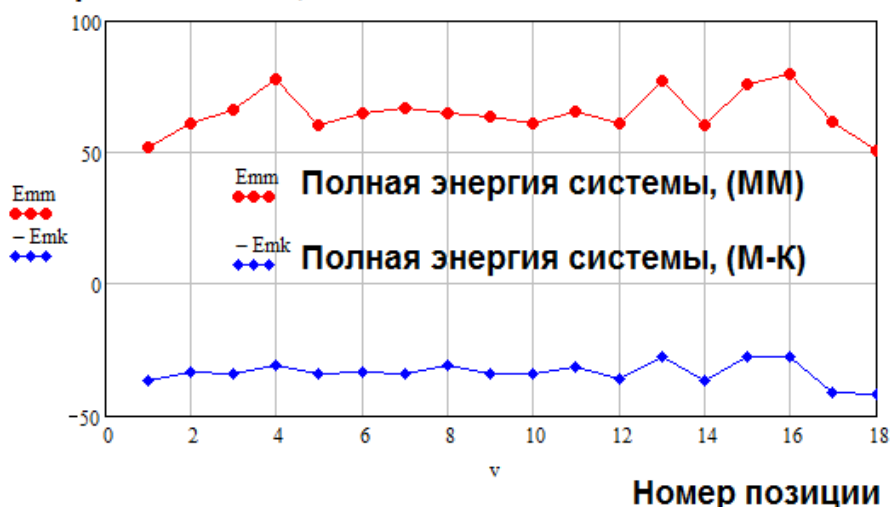

Рис. 4. Полная энергия системы с присоединенными атомами азота и бора в различных позициях на границах полосы графена, вычисленная методом молекулярной механики и методом Монте-Карло

стве активных слоев нанoeлектроники желательно использовать полосы с длинной стороной, имеющей границу типа «кресло» с соответствующим направлением тока носителей вдоль этих границ.

Работа выполнена на кафедре компьютерных технологий и интегральных микросхем Кабардино-Балкарского государственного университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moon P., Koshino M. Electronic properties of graphene/hexagonal-boronitride moir'e superlattice // Physical Review B, Vol. 90, 155406 (2014).

2. Haigh S.J., Gholinia A., Jalil R. et al. Cross-sectional imaging of individual layers and buried interfaces of graphene-based heterostructures and superlattices // *Nature Materials*, 2012, Vol. 11, pp. 764–767.
3. Лозовик Ю.Е., Меркулова С.П., Соколик А.А. Коллективные электронные явления в графене // *Успехи Физических Наук*, 2008. № 7. С. 757–776.
4. Бобринецкий И.И., Горшков К.В., Неволин В.К. и др. Формирование интегрированных наноразмерных графеновых структур при фокусированном ионном травлении // *Российские нанотехнологии*. 2010. № 5. С. 46–50.
5. Dean C.R., Young A.F., Eric I. Boron nitride substrates for high-quality graphene electronics // *Nanotech*. 2010. Vol. 5. P. 722–726.
6. Usachov D., Adamchuk V.K. Quasifreestanding single-layer hexagonal boron nitride as a substrate for graphene synthesis // *Phys. Rev. B*, 2010. Vol. 82. 075415.
7. Novoselov K.S. A roadmap for graphene // *Nature*. 2012. Vol. 490. P. 192–200.
8. Yazyev O.V. A. Guide to the Design of Electronic Properties of Graphene Nanoribbons // *Accounts of Chemical Research*, 2013. Vol. 46. pp. 2319–2328.
9. Barone V., Hod O., Scuseria G.E. Electronic Structure and Stability of Semiconducting Graphene Nanoribbons // *Nano Lett*. 2006. Vol. 6. P. 2748–2754.
10. Yang L., Park C-H., Son Y-W. et al. Quasiparticle Energies and Band Gaps in Graphene Nanoribbons // *Physical Review Letters*, 2007. Vol. 99. P. 186801.
11. Волков В.А., Загороднев И.В., Еналдиев В.В. Свойства графена: избранные результаты // *Труды XIV международного симпозиума «Нанопизика и нанопотоника»*. Нижний Новгород, 2010. С. 307–308.
12. Bonaccorso F., Lombardo A., Hasan T. et al. Production and processing of graphene and 2d crystals. *Materials Today*, 2012. Vol. 15. no 12. P. 563–589.
13. Волков В.А., Загороднев И.В. Электроны вблизи края графена // *Физика низких температур*. 2009. Т. 35. № 1. С. 5–9.
14. Son Y-W., Cohen M.L., Louie S.G. Energy Gaps in Graphene Nanoribbons // *Physical Review Letters*, 97, 216803.
15. Han M.Y., Özyilmaz B., Zhang Y. et al. Energy Band-Gap Engineering of Graphene Nanoribbons // *Physical Review Letters*, 98, 206805.
16. Hypercube, Inc [Электронный ресурс]: URL: <http://www.hyper.com> (дата обращения: 20.06.2016).

УДК 94 (479.24)

СТРАНЫ ПРИКАСПИЯ И ИХ НАСЕЛЕНИЕ В ОПИСАНИИ ИБН ХАУКАЛА

© Р.Э. АГАЕВ

Институт истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана, г. Баку

CASPIAN LITTORAL COUNTRIES AND THEIR POPULATION
IN IBN HAUKAL'S DESCRIPTION

© R.E. AGAEV

A.A. Bakikhanov Institute of History of the Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku

Аннотация. В статье анализируются сведения известного арабского путешественника и географа X в. Ибн Хаукала о прикаспийских странах, представленные им в труде «Китаб сурат ал-ард» («Книга об описании Земли»). Ибн Хаукал совершил продолжительное путешествие в страны Ближнего и Среднего Востока. Он побывал в Азербайджане и в ряде соседних стран. Оставил последующим поколениям личные наблюдения. Данный труд Ибн Хаукала носит географический характер. Говоря о прикаспийских странах и об островах Каспийского моря, Ибн Хаукал представляет нам определенные сведения о населении, этническом составе, языке населения этих стран и островов. В труде Ибн Хаукала предоставлено описание общего географического положения стран Прикаспия, определенные пределы отдельных стран, ведется речь о городах и путях, соединяющих их. Говоря о территории Азербайджана, Ибн Хаукал перевел вопрос об этническом составе местного населения страны на задний план и представил нам только некоторые сведения о распространенных языках на этой территории. В указанном труде путешественника-географа представлены обстоятельные сведения о границах Азербайджана. В сочинении Ибн Хаукала большое внимание уделено населению Хазарского Хаганата, вопросам языка и этнической принадлежности хазар. Таким образом, сочинение «Китаб сурат ал-ард» является одним из значительных источников для изучения различных вопросов истории прикаспийских стран. Мы убеждены в том, что дальнейшее изучение этого труда приведет к выявлению новых ценных фактов, углубленному исследованию истории Азербайджана и других прикаспийских стран, приобретению более полных знаний об этническом составе населения рассматриваемого нами региона.

Ключевые слова: Азербайджан, Арран, Каспийское море, Арабский Халифат, Дербент, хазары, Ибн Хаукал, население, язык.

Abstract. The article analyses information about the Caspian littoral countries given in the book "Kitab Surat al-ard" ("The description of the Earth") by the famous Arab traveler and geographer of the 10th century Ibn Haukal. Ibn Haukal travelled to the Near and Middle East countries. During his travels he also visited Azerbaijan and neighbouring countries and left his observations to the next generations. The Ibn Haukal's work was written in geographical style. In his book Ibn Haukal gave the general geographical description of the Caspian littoral countries, established the boundaries of individual countries and described the cities and roads between them. A number of interesting facts are found about ethnic origin and language of the population of the Caspian littoral countries. Regarding the Azerbaijan, Ibn Haukal put the question on ethnic composition of the country on the back burner and gave few information on widely spoken languages in this territory. However, there is an extensive information on boundaries of Azerbaijan. In his work, Ibn Haukal paid considerable attention to the population of the Khazar Khaganate, Khazar language and ethnic origins of Khazars. Thus, grounding on the research, one can come to such a conclusion that the famous Arab traveler and geographer Ibn Haukal's book "Kitab Surat al-ard" is one of the most important sources for studying the history of Caspian littoral countries. We are convinced that the further study of his work can lead to new valuable facts on the history of Azerbaijan and other Caspian littoral countries, and the ethnic composition of the population of the considered region.

Keywords: Azerbaijan, Arran, Caspian Sea, Arab Caliphate, Derbent, Khazars, Ibn Haukal, population, language.

Углубленное изучение истории, этнического состава населения прикаспийских стран в период существования и упадка Арабского Халифата имеет важное научное значение. Это исследование приобретает особую актуальность в эпоху современной глобализации. Комплексное изучение данной проблемы дает нам возможность восполнить определенные пробелы в области исследования истории прикаспийского региона VII–X вв. С другой стороны, углубленное исследование указанной проблемы может сыграть огромную роль в создании правильного представления о современных странах и народах Прикаспия и в установлении взаимоотношений между государствами региона на научной основе.

Для изучения различных вопросов истории прикаспийских стран в VII–X вв. исключительное значение имеют исторические и географические труды, написанные на арабском языке. Большой интерес к историческим и географическим сочинениям в Арабском Халифате был обусловлен растущей потребностью в практических знаниях, необходимых для управления огромной империей [1, с. 17–21].

X в. был этапом процветания арабской географической литературы [1, с. 23]. На этом этапе развития появился ряд ценных географических трудов, имеющих большое научное значение. Сочинение «Китаб сурат ал-ард» («Книга об описании Земли») Абульгасима Мухаммеда Ибн Хаукала является одним из таких первоисточников. Этот труд известен научной общественности также под именем «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»). Подробных сведений о жизни и деятельности Ибн Хаукала нет [1, с. 198].

Ибн Хаукал совершил продолжительное путешествие в страны Ближнего и Среднего Востока, во время которого он побывал в Азербайджане и в ряде соседних стран. Из предисловия следует, что автор начал свое путешествие в месяц рамадан 331-го г.х. (май 943 г.) [2, с. 3], а завершил его в 367-м г.х. (977 г.) [3, с. 101]. В 340-м г.х. (951 г.) он встретился со своим предшественником ал-Истахри, отредактировал его сочинение «Китаб масалик ал-мамалик» («Книга путей стран»), или «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»), и добавил свои сведения в этот труд.

Сочинение Ибн Хаукала является «вершиной арабской географической» литературы» [3, с. 101]. Известны два полных издания труда Ибн Хаукала. Его сочинение впервые было издано де Гуге во II томе серии «Bibliotheca Geographorum

Arabikorum». Второй раз труд Ибн Хаукала был издан И.Х. Крамерсом. Во время нашего исследования мы в основном опирались на второе издание сочинения Ибн Хаукала [2, 4]. Кроме полных изданий труда Ибн Хаукала, научной общественности известны также неполные публикации этой работы, переведенные на различные языки [3, с. 102].

В исторической науке Азербайджана труд «Китаб сурат ал-ард» Ибн Хаукала до сих пор не был объектом специального исследования. Однако многие азербайджанские историки и востоковеды, наряду с другими сочинениями арабских географов, обращались также к труду Ибн Хаукала и особо отмечали значимость его труда [5, с. 21–22; 6, с. 6–7; 7, с. 103].

Н.А. Караулов, опирающийся на Лейденское издание де Гуге, перевел важные части сочинения Ибн Хаукала, связанные с историей Азербайджана, на русский язык [8, с. 7–118], а Н.М. Велиханлы – на азербайджанский тюркский язык [7, с. 105–118].

Сочинение Ибн Хаукала состоит из двух частей, каждая из которых в свою очередь состоит из отдельных параграфов. Первая часть включает в себя введение и 11 параграфов, вторая часть состоит из 12 параграфов и хатиме (заключение, послесловие). Сведения, связанные с историей прикаспийских стран, представлены в основном во второй части сочинения Ибн Хаукала. Опираясь на сведения, представленные в трех параграфах во второй части труда – «Эрминия, Азербайджан и Арран» [4, с. 331–355], «Дейлем и Табаристан» [4, с. 375–385] и «Каспийское море» [4, с. 386–398], можно выдвинуть определенные представления об Азербайджане, исторической географии, государственности, городах, этническом составе, языках населения прикаспийских стран. Сведения, связанные с Каспийским регионом, представлены в первом параграфе первой части труда под названием «Описание Земного шара» [2, с. 5–17].

Ибн Хаукал написал сочинение «Китаб сурат ал-ард» в географическом стиле. Но, несмотря на это обстоятельство, автор в необходимых случаях ведет речь о социально-политических событиях, представляет сведения о государствах, правителях, эмирах, видных деятелях своего времени, купцах прикаспийских стран. В книге Ибн Хаукала наряду с Азербайджаном и Арраном представлено также интересное географическое описание других прикаспийских стран. Сведения Ибн Хаукала о прикаспийских странах подробны и с научной точки зрения очень ценны.

В первом параграфе автор представляет общие сведения о Каспийском море. Он отмечает, что если начать путешествие с Азербайджана вдоль берега моря, пройти Дейлем, Табаристан, Джурджан, исключая впадающие в море реки (Итиль, Кюр, Араз), можно вернуться в место начала путешествия, не встретив никакого препятствия [2, с. 13].

В параграфе под названием «Каспийское море» последовательно представлено географическое описание прикаспийских территорий. Автор труда указывает, что на восточной части Каспийского моря расположены часть области Дейлем, Табаристан, Джурджан, часть пустыни между Джурджаном и Хорезмом, а на западной части моря находятся Арран, Сарир, страна хазаров и часть степи ал-Гузийа. Ибн Хаукал отмечает, что на севере Каспийского моря находится степь ал-Гузийа, а на юге моря расположены Джиль (Гилян) и Дейлем [4, с. 386]. Автор включил в этот параграф карту под названием «Каспийское море». Комментируя представленную карту, Ибн Хаукал представил нам более точные и ценные сведения. Таким образом, он представил описание прикаспийских стран с севера на юг. При этом Ибн Хаукал указывает на то, что «территории Аррана и Ширвана входят в состав именно Азербайджана». Обратим особое внимание на описание Ибн Хаукала: «На верхней части моря, вдоль берега написано «ал-Гузийа», а далее, вдоль (всего) побережья следуют «ал-Хазар», «Азербайджан», «Джиль», «Табаристан» [4, с. 386].

Ибн Хаукал представил здесь Арран как область в составе «страны Азербайджан». Речь идёт именно о «стране Азербайджан», которая в X в. понималась как чисто географическое понятие. При внимательном рассмотрении представленной автором карты мы замечаем, что до Дербента простираются границы «Страны Хазар», а от Дербента до Семирана, расположенного на границе Джиль (Гиляна), – границы «страны Азербайджан» [4, с. 387]. Баб ал-Абваб (Дербент), реки Кюр и Араз, территория Мугана и прикаспийский регион, гора «Габг» («Кавказ») на карте показаны именно в составе Азербайджана. Для подтверждения выдвинутых нами предположений обратим внимание на первый параграф первой части книги под названием «Описание Земного шара». После описания ряда прикаспийских стран автор отмечает: «После этого я составил карту Азербайджана, описал горы, пути, такие пресноводные реки, как Кюр и Араз, а также озера Хилат и Кабузан. Эти озера не объединяются с морем, там же показал гору Габг» [4, с. 7].

Ведя речь о прикаспийских кавказских регионах, Азербайджане, Арране, Эрминийи, автор так объясняет причину того, почему он представил эти территории в качестве одного, единого «иглима» (региона): «Я отношусь к ним как к единому иглиму. Ибо этот иглим находится под властью одного человека» [4, с. 331].

Далее Ибн Хаукал уточняет свою вышеупомянутую мысль и отмечает, что «эти правители были правителями именно Азербайджана». Автор пишет, что «в горах Кавказа и в близлежащих территориях правят мелкие правители». Он продолжает свою мысль нижеследующими словами: «Большинство этих правителей ежегодно предоставляет правителям Азербайджана постоянный налог и другие принадлежности в определенном количестве» [4, с. 348].

Ибн Хаукал сообщает, что территория от Дербента до Гиляна находится под властью Саджидов. Автор труда несколько раз отмечает, что «правители Саджиды являются азербайджанскими правителями» [4, с. 347].

И на карте Дейлема и Табаристана Ибн Хаукал ведёт речь о «стране Азербайджан» как о территории, расположенной по соседству с этими территориями, представляет земли, находящиеся севернее (на левом берегу) реки Араз именно в составе Азербайджана [4, с. 374].

Ибн Хаукал отмечает, что на юге Каспийского моря находится город Семиран, а дальше к северу (с правой стороны) расположены города Шалуш, Айнул-Хам и Абескун. Он сообщает, что на правом берегу (т.е. в восточной части) Каспийского моря населенных пунктов мало. Например, от Абескуна до «Страны Хазар» почти не было городов и деревень. Только в 50 фарсах от города Абескун находилось село под названием «Дехистан» [4, с. 388].

Ибн Хаукал сообщает, что на территориях от Абескуна до «Страны Хазар», вдоль всего левого побережья Каспийского моря до Баб ал-Абваба (Табаристан, Джиль (Гилян), Муган, Арран, Ширван) населенных пунктов много и они смешались друг с другом [4, с. 389].

Территория Хазарского Хаганата находилась в основном у побережья Каспийского моря и реки Итиль (Волга), тем самым занимая важное место в морской торговле своей эпохи. Города «Страны Хазар» играли особую роль на торговых путях, ведущих с севера на юг и обратно. Эти города являлись значительными населенными пунктами, важными портами IX–X вв., были главными посредниками в торговле Хазарского Хаганата с мусульманскими странами [4, с. 388].

Ибн Хаукал ведет прежде всего обобщенную речь о торговых путях прикаспийского региона, расстояниях между более отдаленными странами и Хазарским Хаганатом. По сведениям автора, расстояние от Абескуна до «Страны Хазар» с правой стороны (т.е. вдоль восточного побережья на север) составляет 300 фарсахов, а с левой стороны (т.е. вдоль западного побережья на север) – также 300 фарсахов. От Абескуна до Дехистана можно пройти приблизительно в течение 6-ти дней, а из Табаристана до Баб ал-Абваба (Дербента) можно доплыть в течение одной недели. Ибн Хаукал указал также расстояния между городами Хазарского Хаганата [4, с. 398].

Автор отмечает, что «Хазар» – это страна, столицей которой является город Итиль (автор представляет его в форме «Этул» (اٲل)). Город Итиль взял свое название от одноименной реки, впадающей в Каспийское море [4, с. 389]. Вообще автор труда, говоря о «Стране Хазар», округе «Хазар», а также о городе Итиль, допустил определенную путаницу. Он указывает, что город Итиль состоит из двух частей, именуемых «Итиль» и «Хазаран».

Ибн Хаукал особо отмечает в составе «Страны Хазар» округа Итиль, Хазар и Сарир [4, с. 386]. Однако в некоторых случаях представляет округ Сарир в качестве отдельного «мамлаката» (царства) и размещает этот округ справа (севернее) Дербента. Название округа Хазар Ибн Хаукал относит также ко всей «Стране Хазар».

Автор труда «Китаб сурат ал-ард» представляет также сведения о городах и путях областей (стран) Азербайджан, Дейлем, Табаристан, Джурджан [4, с. 349–354, 383–385].

Говоря о прикаспийских странах и об островах Каспийского моря, он представляет нам определенные сведения о населении, этническом составе, языке населения этих стран и островов. Однако эти сведения автора разрозненны и в некоторых случаях не дают нам возможность высказать решительное мнение. В сочинении Ибн Хаукала сведения о населении представлены в традиционном, присущем арабоязычным источникам стиле: население разделено на «мусульман» и «немусульман», а вопрос об этническом составе населения перешёл на второй план.

Автор отмечает, что в Каспийском море нет заселенных островов с городами. Ибн Хаукал ведёт речь о двух островах в Каспийском море: Ал-Баб и Сиях-Куя [4, с. 388]. Он отмечает, что остров ал-Баб находится перед устьем реки Кюр, вблизи Дербента [4, с. 388]. Конечно, это «сведение» Ибн Хаукала не соответствует дей-

ствительности. Многие арабоязычные авторы, в том числе предшественник Ибн Хаукала – ал-Истахри, также отмечали, что вблизи устья реки Кюр находится остров, но они не упомянули название этого острова [9, с. 128]. Конечно, остров ал-Баб, упомянутый Ибн Хаукалом, не мог находиться одновременно в устье реки Кюр и вблизи Дербента. В действительности, в представленной им карте Ибн Хаукал более точно указывает место расположения острова Ал-Баб и считает, что он находится напротив Дербента [4, с. 387]. Ибн Хаукал представляет нам более подробные сведения об острове Сиях-Куя. Он отмечает, что на этом острове живут тюрки-огузы [4, с. 389].

В сочинении Ибн Хаукала большое внимание уделено населению Хазарского Хаганата, вопросам языка и этнической принадлежности хазар.

По сведениям Ибн Хаукала, число мусульман, живущих в Хазарском Хаганате, превышает 10 тысяч человек, здесь имеются 30 мечетей [4, с. 390]. Автор труда отмечает, что правитель хазаров был приверженцем иудаизма. Число приближенных хагана (правителя) хазаров достигает 4 тысяч человек [4, с. 390]. По сообщению Ибн Хаукала, несмотря на то, что большинство населения Хазарского Хаганата составляют мусульмане, правитель и его приближенные приняли иудаизм. Однако поведение, нравственность населения «Страны Хазар» – идолопоклоннические. Как и в древние времена идолопоклонничества, при встрече хазары поклоняются друг другу. А это противоречит нормам ислама, христианства и иудаизма [4, с. 390].

Несмотря на то, что официальной, государственной религией Хазарского Хаганата был иудаизм, число приверженцев иудаизма было меньше числа мусульман и христиан. Поэтому хаган был вынужден считаться с большинством населения государства. Помимо Ибн Хаукала, этот факт подтверждают и другие арабоязычные авторы.

Хаган имел семь специальных судей (газы), представляющих евреев (иудаистов), христиан, мусульман и идолопоклонников. Если происходили определенные события, недоразумения, связанные со знатью или простыми подданными, эти судьи принимали соответствующие решения. Жалобщики и нуждающиеся люди не имели право непосредственно обращаться к хагану. Они должны были обращаться к этим судьям. А посредником между этими судьями и хаганом являлся особый представитель – хаджиб. Обращение жалобщиков и нуждающихся людей государю доставлял хаджиб. Только после этого хаджиб извещал судей о решении хагана [4, с. 390].

Одно сведение о хазарском хагане, представленное Ибн Хаукалом, особенно интересно для изучения этнической принадлежности хазаров. Он сообщает, что в случае непредусмотренного происшествия или войны хазарского хагана уведут в такое место, где бы его не увидел ни один тюрк, живущий по соседству [4, с. 395]. Из этого сообщения можно прийти к заключению, что автор отличал хазар от других соседних тюркских племен.

Следует отметить, что Ибн Хаукал нерешителен в вопросе, связанном с этнической принадлежностью хазар. Большинство арабоязычных авторов включает хазар в число тюркских народов. Однако они отличают их от других тюркских народов. Арабоязычные авторы неоднократно пользовались бинарным понятием «хазары и тюрки» и отличали хазар от тюрков. Например, в сочинении Ибн ал-Факиха наше внимание привлекает такое сведение: «Тюрки захватят Куфу, хазары – ал-Джазиру, а византийцы – аш-Шам» [10, с. 23]. Как видно, здесь автор сочинения отличает хазар от других тюрков.

Исследование письменных источников, а также научной литературы, освещающей историю Азербайджана и Хазарского Хаганата VII–IX вв., свидетельствует о том, что в вопросах, связанных с этнической принадлежностью хазар, с приходом их в Кавказский регион, нет единого мнения. По мнению З.М. Буниятова, «в Хазарском Хаганате тюркоязычные племена занимали важное место, видимо и сами хазары принадлежали к отдельной тюркской группе» [5, с. 172].

Многие арабоязычные авторы порой отождествляют хазар с тюрками-сабирами. Например, ал-Масуди писал: «Хазары на тюркском языке называют их «сабир», а на персидском – «хазаран». Они относятся к тюркскому роду» [11, с. 83].

По мнению ряда исследователей, раньше сабиры и хазары были отдельными народами, а впоследствии сабиры растворились среди хазаров и исчезли. Авторы армяноязычных и византийских сочинений, составленных в раннем средневековье, также включают хазар в число тюркских народов [12, с. 562–563].

Опираясь на сведения различных арабоязычных авторов, можно сделать вывод, что большинство этих авторов относит хазар к тюркским племенам, однако отличает их от народов, представляемых под общим названием «тюрки». Кстати, для выяснения вопроса, связанного с происхождением хазар, следует упомянуть ответное письмо (X в.) Хазарского хагана Йосифа, адресованное

еврейскому везиру Кордовского халифа Хасдаю. Содержание этого письма дает нам возможность однозначно решить вопрос, связанный с этнической принадлежностью хазар. В этом письме хаган заявляет, что хазары, барсилы, авары, булгары, савиры – народы, имеющие единый корень [13, с. 91–92].

Многие учёные считают, что Хазарский Хаганат, превратившийся в главную военно-политическую силу Прикаспийского региона, значительно замедлил процесс распространения ислама севернее Дербента. В действительности же хазары приостановили движение на север не ислама, а процесс территориального расширения Арабского Халифата в этом направлении. Хазарские хаганы были в основном приверженцами идолопоклонничества и иудаизма. Однако, несмотря на все их старания, ислам постепенно распространился и на подвластных хаганам территориях. Уже в VIII–IX вв. значительная часть хазар приняла ислам. Впоследствии хазары подверглись естественной этнической ассимиляции и слились в основном с азербайджанскими и поволжскими тюрками.

В сочинении Ибн Хаукала также говорится о языках населения прикаспийских стран. Однако эти сведения крайне противоречивы: «Язык хазаров отличается от персидского и тюркского, этот язык не имеет никакой связи с языками других народов [4, с. 393]. С аналогичным заключением мы встречаемся в сочинении ал-Истахри [9, с. 130], который отмечает, что «язык булгар подобен языку хазаров» [9, с. 131].

Ибн Хаукал, говоря о населении Хазарского Хаганата, отмечает, что внешне они не похожи на тюрков. Хазары в основном смуглые и делятся на две группы. Одну часть хазар называют «Гарахазар» (فراخزر), потому, что они смуглые (чернявые), похожи на индусов. Другие хазары – белолицые и красивые [4, с. 394].

В сочинении Ибн Хаукала говорится: «По соседству с хазарами живут буртасы. На территории их проживания, кроме языка буртасов, другого языка нет. Хазар, Буртас, Сарир и Рус являются названиями ни племен и народов, а стран и округов» [4, с. 394]. Эти слова Ибн Хаукала вызывают большой интерес и заставляют нас глубже задуматься об этносах и странах раннего средневековья.

Ибн Хаукал, представляющий сведения о башкирах и биченеках (печенегах), особо отмечает, что они тюркского происхождения [4, с. 396]. Он представляет сведения о булгарах и указывает, что «Булгар» является одновременно

названием округа и города. В городе Булгар имеется Соборная (Джума) мечеть. Вблизи города Булгар находится другой город, именуемый «Сувар» (سوار). Ибн Хаукал отмечает, что в каждом из этих городов живет по 10 тысяч жителей [4, с. 396]. Можно предположить, что название города Сувар связано с названием племени «Сабир».

Говоря о территории Азербайджана, Ибн Хаукал перевел вопрос об этническом составе местного населения страны на задний план и представил нам только некоторые сведения о распространённых на этой территории языках. Автор анализируемого нами сочинения связывает языки населения страны не с этнической принадлежностью жителей Азербайджана, а с географическими названиями мест их проживания. Именно поэтому Ибн Хаукал, говоря о языке населения Южного Азербайджана, отмечает, что «в Азербайджане говорили на языке «азери», а в Арране (в северной части страны) – «аран» («арани»)» [4, с. 348–349]. К сожалению, автор не представил нам ответов на вопросы: какие этносы говорили на этих языках? к каким языковым семьям относились вышеупомянутые языки?

Ибн Хаукал также отмечает, что в иглиме «Эрминийа, Азербайджан и Арран» персидский язык был распространён как общее средство общения, население говорило и на арабском языке. Автор также указывает, что жители страны, говорящие на персидском языке, не понимают арабский. «Арабский язык хорошо понимают только купцы и собственники имущества» [4, с. 348]. Действительно, здесь речь идёт не об общеразговорном (общеупотребляемом) языке, а о персидском языке, превратившемся в общее средство общения для населения страны, говорившего на различных языках, и употребляемом в основном господствующими кругами и собственниками имущества. Ал-Мугаддаси также заявляет, что в Азербайджане был распространён хорасанский диалект персидского языка, «на этом языке (диалекте. – Р.А.) умели говорить купцы и собственники имущества» [14, с. 378].

Ибн Хаукал, рассказывая о странах на западном побережье Каспийского моря, отмечает, что население, живущее в горах Кавказа и близлежащих территориях, говорит на более чем 300-х языках. Он отмечает: «Сначала я не поверил этому сведению и опровергал это сведение до той поры, пока не увидел, что жители многочисленных сёл, расположенных у горы Савалан вблизи Ардебилля, кроме персидского языка и азери, говорят ещё на своеобразном языке» [4, с. 347]. Ибн Хаукал, говоря о различных, многочисленных языках Кавказа и близлежащих территорий, вводит современного читателя в заблуждение: «Большинство их (жителей этих территорий. – Р.А.) имеет единый, общий язык» [4, с. 349]. К сожалению, автор этого сведения не ответил на резонный вопрос: какой именно язык был «общим»?

Говоря о горах Дейлем, Ибн Хаукал называет население этого региона «дейлемцами» и заявляет, что язык дейлемцев отличается от персидского и ранийского (аранского) языков [4, с. 376]. Он представляет нам сведения о племени, живущего в Джиле (Гилян) и язык которого отличается от дейлемского и джильского (гилянского) языков [4, с. 377]. Указывая на то, что «в регионе Дехи-стан живут тюрки», Ибн Хаукал заявляет: «Здесь имеется пограничная крепость, принадлежащая огузским тюркам» [4, с. 383].

В сочинении «Китаб сурат ал-ард» Ибн Хаукала уделено определенное внимание и взаимоотношениям русов с народами Волжско-Каспийского бассейна, первым военным походом русов в прикаспийские страны [4, с. 339, 391].

Таким образом, сочинение «Китаб сурат ал-ард» известного арабского географа X в. Ибн Хаукала является одним из значительных источников для изучения различных вопросов истории прикаспийских стран. Мы убеждены в том, что дальнейшее изучение этого труда приведёт к выявлению новых ценных фактов, углубленному исследованию истории Азербайджана и других прикаспийских стран, приобретению более полных, совершенных знаний об этническом составе населения рассматриваемого нами региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. Изб. сочинения. В 7-ми томах. Т. IV. М.-Л., 1957.
2. Ибн Хаукал. Китаб сурат ал-ард. Ал-гисм ал-аввал. Лейден, 1967.
3. Ratazan Şeşen. Muslumanlarda tarih-coğrafiya yazıcılığı. İstanbul, 1998.
4. Ибн Хаукал. Китаб сурат ал-ард. Ал-гисм ас-сани. Лейден, 1939.
5. Буниятов З.М. Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1989 (на азерб. языке).
6. Шарифли М.Х. Феодалные государства Азербайджана во второй половине IX – XI вв. Баку, 1978 (на азерб. языке).

7. *Велиханлы Н.М.* Арабские географы-путешественники X–XI вв. об Азербайджане. Баку, 1974 (на азерб. языке).
8. *Ибн Хаукаль.* Книга путей и царств / Перев. Н.А. Караулова // СМОМПК. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.
9. *Ал-Истахри.* Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Ал-Гахира, 1381 х.г.
10. *Асадов Ф.М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993.
11. *Ал-Масуди.* Китаб ал-танбих ва-л-ишраф. Лейден, 1893.
12. *Раисния Р.* Азербайджан дар сейр-е тарих-е Иран. Бахше аввал. Табриз, 1368 х.г.
13. *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
14. *Ал-Мугаддаси.* Ахсан ат-таксим фи марифат ал-агалим. Лейден, 1967.

ИДЕОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В СССР В 1920-Е ГГ.

© А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ

Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба ВС РФ, г. Москва

THE IDEOLOGY OF BUILDING OF NATIONAL MILITARY FORMATIONS IN THE USSR IN THE 1920S

© A.YU. BEZUGOLNY

Research Institute of Military History of the Military Academy
of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow

Аннотация. Статья посвящена анализу поиска идеологических и политических обоснований развертыванию мощного процесса строительства национальных воинских частей в составе Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) в 1920-е гг. Национальные формирования мыслились советскому руководству одновременно и как средство максимально быстрого втягивания народных масс национальных окраин в советское строительство, и как возможный авангард для дальнейшего развития мировой революции. Национальные части РККА должны были способствовать советизации сопредельных с СССР родственных личному составу этих формирований народов. Что не менее важно, их создание отвечало требованиям эмансипировавшихся в результате революции национальных окраин, понимавших национальные части как один из ключевых символов национального суверенитета. Перечисленные задачи декларировались как важные политические цели, реализация которых в 1920-е гг. допускала даже временное ослабление боеспособности Красной армии. Строительство национальных формирований РККА шло в рамках общего курса на коренизацию местных кадров, учрежденного XII съездом РКП(б) в апреле 1923 г. В национальных регионах местные кадры во всех сферах общественной жизни получали приоритет перед славянскими, считавшимися на данных территориях некоренными. Одновременно резко повышался статус местных языков. Идеологом и главным проводником идеи широкого строительства национальных формирований в составе РККА и привлечения в ее ряды представителей различных народов СССР являлся народный комиссар по военным и морским делам (наркомвоенмор) М.В. Фрунзе. Именно его стараниями развитию национальных формирований был дан мощный толчок. Однако, возможно, из-за его преждевременной кончины это движение не было должным образом институализировано. В частности, в структуре военного ведомства так и не был создан руководящий орган, который бы отвечал за развитие этого сегмента РККА, в связи с чем само это развитие пошло, хотя и бурно, но достаточно хаотично и уже к середине 1930-х гг. зашло в тупик.

Ключевые слова: Красная армия, национальные формирования, М.В. Фрунзе, мировая революция.

Abstract. This article analyses the search for ideological and political grounds for the development of a powerful building process of national military units in the Workers 'and Peasants' Red Army in the 1920s. National formations were conceived by the Soviet leadership at the same time as a means to quickly draw the masses of the national borders in the Soviet development, and as a possible vanguard for the further development of the world revolution. The national parts of the Red Army were to contribute to the Sovietization of nations neighboring the USSR. Equally important, their creation met the requirements of the emancipated national suburbs as a result of the revolution and which were understood the national parts as one of the key symbols of national sovereignty. The listed tasks were declared as important political goals, the realization of which in the 1920s allowed even a temporary weakening of the Red Army's combat capability. The construction of the national formations of the Red Army went under the general policy of indigenization of local personnel, established by the 12th Congress of the RCP (b), held in April 1923. In the national regions, local personnel in all spheres of public life took precedence over the Slavic which were considered non-indigenous in this area. At the same time, the status of local languages sharply increased. The People's Commissar for Military and Naval Affairs (People's Commissariat for

Foreign Affairs) M.V. Frunze was the ideologist and main conductor of the idea of broad building of national formations in the Red Army and the involvement of representatives of various peoples of the USSR in its ranks. It was his efforts to develop national formations that gave a powerful impetus. However, perhaps due to his premature death this movement was not properly institutionalized. In particular, in the structure of the military department a governing body responsible for the development of the segment of the Red Army was not created. Thus, by the middle of the 1930s, this development reached a deadlock.

Keywords: Red Army, national formation, M.V. Frunze, world revolution.

В годы Гражданской войны многие национальные окраины бывшей Российской империи поддержали советскую власть и стали опорой большевиков в вооруженной борьбе с интервентами и белогвардейцами. Однако опыт Гражданской войны был связан в основном с формировавшимися из представителей различных народов партизанскими формированиями с присущими им недостатками (отсутствие регулярного комплектования и руководства, непостоянство состава, локальность действий, политическая неустойчивость и т.д.). Для основанной на строгих организационно-штатных началах армии, какой являлась Красная армия уже в начале 1920-х, такой опыт был неприемлем. До революции более четырех десятков народов Российской империи в армию не призывались и исторического опыта обязательной военной службы не имели. Пренебрегать использованием нерусских народов в рядах вооруженных сил большевистское руководство не желало ни по военным, ни по политическим причинам. Однако необходимо было определить их роль и место в новой армии. Пока что армия по соображениям экономии государственных средств только сокращалась. С 1920 по 1923 г. ее численность уменьшилась почти в десять раз. Однако никто не исключал, что война с капиталистическим окружением разгорится вновь и застрельщиком в ней может стать уже советская держава.

Следует иметь в виду, что с образованием СССР в конце 1922 г. численность населения страны составила около 131,3 млн. человек, из которых только 68,6 млн. человек (52,6%) являлись русскими. По расчетным данным, к этому моменту воинская повинность распространялась только на 92,5 млн. советских граждан, в основном славян (73,3%) [1, с. 113]. Остальные – представители десятков народов – к военной службе не привлекались и военной подготовки не имели. Потенциально они составляли многомиллионный мобилизационный резерв Красной армии.

Вопрос о возможности очередных призывов или мобилизации представителей нерусских народов в течение 1920–1922 гг. несколько раз обсуждался в различных высших инстанциях – Совете Труда и Оборона, Всероссийском главном

штабе, Народном комиссариате по делам национальностей (Наркомнаце). Запрашивались мнения местных властей и руководства военных округов, но определенного мнения и твердого политического решения выработано не было. Осенью 1922 г., когда был объявлен первый ограниченный призыв мирного времени, СНК освободил от него «граждан, кои по своим национальным, бытовым и экономическим условиям не призывались в ряды армии при ранее бывших призывах» [2, с. 69]. Вскоре эта отсрочка приобрела законодательный характер. Однако национальный вопрос в армии вовсе не был снят с повестки дня.

Одним из первых программных заявлений по национальному вопросу в РККА стало письмо народного комиссара по военным делам и председателя Революционного военного совета Республики (РВСР) Л.Д. Троцкого начальнику Политуправления РВСР (ПУ РВСР) В.А. Антонову-Овсеенко, распространенное в копиях также и среди остальных членов РВСР. В форме директивы ПУ РВСР оно было разослано политуправлениям всех округов и получило, таким образом, широкую известность в среде военно-политического руководства РККА. Письмо было датировано 20 марта 1923 г. и предвещало обсуждение национального вопроса на открывшемся через месяц XII съезде РКП(б): то, что национальный вопрос станет одним из основных в повестке дня съезда, уже было известно [3, л. 53].

Троцкий признавался, что до сих пор «мы не следили за этим вопросом достаточно пристально», «а между тем, малейшее невнимание, малейший фальшивый тон в этом вопросе грозит тягчайшими последствиями» [4, л. 40] (имелась в виду острота национального вопроса в молодой Советской России вообще). В этот период Троцкий еще не обсуждал проблемы строительства национальных частей, а ратовал лишь об «особой чуткости» и «товарищеском внимании» со стороны русскоязычных военнослужащих, чьи части расположены в национальных регионах, по отношению к «туземному населению», «не забывшему старых обид». То есть, прежде всего, ставился вопрос о позиционировании РККА в регионах, населенных нерусскими народами, а не о вовлечении этих народов в ряды РККА. Крас-

ная армия не должна была, по мысли Троцкого, уподобиться армии колониальной, как это было в дореволюционный период. Для этого необходимо было лучше узнать местное население, его историю, проникнуться идеями подлинного равенства и братства [4, л. 40].

Политуправление РВСР немедленно подхватило указания Троцкого. Оно дало практические рекомендации каждому из окружных политуправлений в соответствии с их национальной спецификой, сформулировав небольшую программу «поднятия» знаний по национальному вопросу в тех воинских частях, которые дислоцируются в национальных регионах [4, л. 45–46об.].

XII съезд РКП(б), проходивший 17–25 апреля 1923 г., стал важнейшим водоразделом в определении стратегии строительства национальных частей в РККА. Это был первый съезд большевистской партии после образования Союза Советских Социалистических Республик. На нем развернулась оживленная дискуссия вокруг ленинской концепции автономизации, в основу которой лег тезис о том, что формальное равенство всех наций в социалистическом государстве нивелируется самим существованием преобладающей по численности нации. Незадолго до съезда В.И. Ленин критиковал великорусский шовинизм. Он предпочитал ему как меньшее зло «национализм нации угнетенной»: местный национализм представлялся оборонительным средством в борьбе с «большим» национализмом [5, с. 118].

Ленин проанализировал поведение большевиков в период Гражданской войны и убедился в том, что российские коммунисты вполне унаследовали от царизма психологию великодержавного шовинизма. В нерусских регионах большевики, опираясь почти исключительно на российский пролетариат и русское крестьянское меньшинство, часто занимали по отношению к местному населению откровенно шовинистические позиции [6, с. 18]. Предвидя перерождение большевистского аппарата в типичную российскую бюрократию, Ленин и ряд других вождей партии активно выступили в защиту «российских инородцев от нашествия того, истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» [5, с. 118]. Ленин считал, что в условиях исторической несправедливости в отношении инородцев восстановить доверие к русской пролетарской власти нужно не просто учреждением национального равенства, но и предоставлением существенных уступок: «Лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к

национальным меньшинствам, чем недосолить» [5, с. 120].

По мнению Ленина, особенно важно было завоевать авторитет среди «своих националов», ввиду перспектив *мировой революции*, поскольку на Советскую Россию смотрели «сотни миллионов народов Азии, которым предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем» [5, с. 122].

Ленину оппонировал И.В. Сталин, выступивший 23 апреля с большим докладом «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве», а затем вернувшийся к национальному вопросу в заключительном слове к делегатам 25 апреля. Сталин ставил национальные проблемы меньшинств в зависимость от решения государственных задач. По его мнению, местные большевики слишком всерьез приняли «игру в независимость», предложенную слабым еще центром в 1917 г., и теперь «упорно требуют от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик» [7, с. 78]. Сталин предлагал Ленину прекратить «демонстрации либерализма Москвы», определив, что «во всем основном окраины, безусловно, должны подчиняться центру» [7, с. 78]. «Кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение», – однозначно заявлял Сталин [8, с. 275]. Такой взгляд имел тенденцию к политической и культурной ассимиляции национальных меньшинств.

Тем не менее в резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» был подтвержден ленинский курс на добровольное и равноправное участие советских республик в государственном и культурном строительстве новой державы. Достижение этой цели было возможно лишь в результате преодоления наследия царизма – великорусского шовинизма и местного национализма. Этим явлениям в резолюции было уделено основное внимание. Причем первое из них считалось главным злом, а второе – «своеобразной формой обороны» против первого, реакцией на великорусские настроения в начале царских, а теперь и советских чиновников. Со стороны «значительной части» последних констатировалось стремление рассматривать новый Советский Союз как «шаг к ликвидации» республик, как «начало образования так называемого единого-неделимого» – с намеком на воспроизведение белогвардейской идеи унитарного государства в старых имперских границах [9, с. 439–441].

Съезд брал под свою защиту национальные меньшинства СССР, потребовав карать «со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав» [9, с. 441]. В резолюции отмечалось, что «пережитки прошлого» представляют собой «сильнейшее препятствие» и «не могут быть преодолены в короткий срок одним ударом» [9, с. 435, 437].

В военной сфере съезд рекомендовал, с одной стороны, «усилить воспитательную работу в Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза», а с другой – предпринять «практические мероприятия по организации национальных войсковых частей (выделено мной. – А.Б.) с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик» [9, с. 441]. В коммунистическом воспитании нерусских народов через национальные формирования большевистским властям и виделось «практическое разрешение национального вопроса в Красной армии» [10, с. 87] – в этом была важнейшая стратегическая миссия национальных формирований.

Проходившее вскоре после окончания XII съезда, в июне 1923 г., IV совещание ЦК РКП(б), посвященное национальному вопросу, подтвердило и конкретизировало неотложные меры в области решения национального вопроса в военном строительстве. В своей резолюции совещание потребовало взять курс на «создание военных школ в республиках и областях для выработки в известный срок командного состава из местных людей, могущих послужить потом ядром для организации национальных воинских частей» [11, с. 285].

Также по итогам XII съезда партии 9 мая 1923 г. председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий разослал членам РВСР и начальнику Политуправления РВС СССР В.А. Антонову-Овсеенко письмо, в котором изложил свои соображения о национальных формированиях. Он считал, что в дальнейшем «этот вопрос будет играть все возрастающую роль». Однако, по его мнению, здесь была возможна ошибка: «забежать вперед, т.е. попытаться наспех импровизировать национальные части, не имея для этого необходимых личных и импровизационных предпосылок» [12, л. 1]. Троцкий обоснованно склонялся к принципу постепенности, считая, что в разных частях Советского Союза этот вопрос должен решаться по-разному – в зависимости от массы существенных обстоятельств: состояния вооруженных сил в данной республике, отношения населения к военной повинности в прошлом, степени его со-

ветизации, уровня образования и культуры и т.д. [12, л. 1].

XII съезд фактически положил начало курсу на *коренизацию*, когда национальные кадры во всех сферах общественной жизни и профессиональной деятельности получали приоритет перед славянскими, считавшимися в национальных регионах некоренными. Одновременно резко повышался статус местных языков. Как отметил на съезде И.В. Сталин, «для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятной для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт нерусских национальностей» [13, с. 240–241]. Строительство армии на новых началах на ближайшие годы стало одним из важнейших пунктов воплощения в жизнь новой национальной политики коренизации.

Начало широкого национального строительства в РККА совпало с масштабным переходом на территориальную систему комплектования и организации войск, вызванной соображениями экономии государственных средств. Личный состав таких частей проходил действительную службу дольше, чем в кадровых частях, однако призывался лишь на кратковременные сборы по месту приписки, совпадавшему с местом жительства. Развитие территориальных и национальных формирований шло бок о бок, поскольку немалая часть национальных частей комплектовалась именно по территориальному принципу. Можно сказать, что национальные формирования были плотью от плоти территориальной системы, поскольку она воплощала в себе принципы постепенности вовлечения гражданина в военный быт и обеспечивала минимальный его отрыв от родных мест и образа жизни.

Решения XII съезда РКП(б) в значительной степени стимулировали настрой национальных политических элит на создание национальных формирований. Более того, на этой волне многие работники на местах толковали создание национальных формирований как свое имманентное право и как обязанность союзных властей. Уже спустя три месяца после съезда начальник Политуправления РВС СССР В.А. Антонов-Овсеенко вынужден был разослать в округа циркулярное письмо, в котором указывал, что «местные гражданские работники, часто не сознавая всей сложности этого вопроса (т.е. строительства национальных частей. – А.Б.), выдвигали перед командованием и Политуправлением совершенно

неосуществимые в данный момент требования, которые, в конечном счете, могли бы не только подорвать обороноспособность Республики, но и скомпрометировать само дело национальных формирований» [3, л. 89–90].

Кроме того, руководство страны опасалось, что национальные формирования могут стать ядром местного сепаратизма. Так, по данным наркомвоенмора М.В. Фрунзе, «у некоторых товарищей на местах» уже «имеются тенденции к превращению национальных формирований в ядро национальных армий» [15, с. 191].

Однако в целом большевистское руководство в начале 1920-х гг. было настроено весьма оптимистично в отношении перспектив национальных формирований. Уже в июне 1923 г. на IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, посвященном в основном разбору дела М.Х. Султан-Галиева*, на тему национальных формирований высказался И.В. Сталин, отметивший, что «начать это дело и двигать его дальше абсолютно необходимо» [11, с. 103]. В принятой совещанием резолюции предлагалось немедленно начать подготовку национального командного состава и приступить к формированию национальных миллионных частей там, где имеются национальные командные кадры.

29 августа 1923 г. было утверждено преобразование высшего военного органа страны – Реввоенсовета Республики в Реввоенсовет СССР, вследствие чего состав этого органа существенно расширился (с 6 до 13 членов) за счет представителей вошедших в состав нового государства союзных республик. С конца августа 1923 г. в состав РВС СССР входили Л.Д. Троцкий (председатель), Э.М. Склянский (заместитель председателя), С.С. Каменев, В.А. Антонов-Овсеенко, С.С. Данилов, С.М. Буденный, В.А. Богучкий, И.С. Уншлихт, А.П. Розенгольц, И. Хыдыралиев, Ш.З. Элиава, А.Ф. Мясников и Г.С. Везиров. Четверо последних представляли Среднюю Азию и Казахстан, Грузию, Армению и Азербайджан. 5 марта 1924 г. на Военной комиссии Пленума ЦК РКП(б) от Грузии был утвержден Элиава, от Армении – Мясников, от Азербайджана – Караев. Северный Кавказ представлял Г.К. Орджоникидзе [14, с. 102].

* Султан-Галиев М.Х. (1892–1940) – член коллегии Наркомнаца, выступавший за расширение политических прав мусульманских окраин и самую широкую культурную автономию мусульманских народов. Впервые был арестован в 1923 г. В 1940 г. расстрелян.

8 сентября 1923 г. РВСР издал приказ №2066, в котором указывалось, что при развертывании национальных формирований необходимо учитывать три фактора: опыт партизанских отрядов Гражданской войны в продолжавшейся на тот момент борьбе с басмачеством; конкретные особенности каждого народа; состояние подготовки национальных военных кадров [16, с. 535].

Первой конкретной программой действий, основанной на установках XII съезда РКП(б) по национальному вопросу стала резолюция «Национальный вопрос и Красная армия», принятая III Всесоюзным совещанием политработников Красной армии и Красного флота, проходившем 21–26 октября 1923 г. Резолюция основывалась на констатации общего роста «всего советского строительства» в национальных регионах СССР. Армии в этом процессе отводилась ключевая роль по обеспечению идейной смычки (в рамках армейского коллектива) преимущественно русскоязычного пролетариата и нерусского крестьянства.

По определению участвовавшего в совещании И.В. Сталина, Красная армия являла собой «сборный пункт рабочих и крестьян» разных «губерний и культур», которые, сходясь вместе, «выковывают свою политическую мысль» [17, с. 329]. Резолюция, принятая участниками совещания, требовала всемерного культурного сближения между народами путем интенсивного изучения истории, культуры и языка друг друга, а также «обеспечения отдельным национальным группам внутри Красной армии необходимых национально-бытовых и культурных условий: речь на родном языке, национальные празднества и развлечения, связь с родными» [10, с. 89].

В области языковой интеграции совещание ставило заведомо трудновыполнимые задачи. К ним, например, можно отнести требование к командному и политическому составу «изучить один из языков основных национальностей района расположения» войсковой части или рекомендацию обучать красноармейцев нерусских национальностей на родных языках [10, с. 89]. А ведь в тот период далеко не все народы страны имели даже письменность.

В начале 1920-х гг. позицию военного ведомства в вопросе о национальном строительстве Красной армии в значительной мере формулировал и озвучивал М.В. Фрунзе, с марта 1924 г. – заместитель председателя РВС СССР и заместитель наркомвоенмора, а с января 1925 г. – председатель РВС СССР и наркомвоенмор. Вплоть до своей смерти 31 октября 1925 г. Фрунзе был ини-

циатором и двигателем всех коренных реформ послевоенной армии.

Вопроса о национальных формированиях Фрунзе касался во многих своих выступлениях этого периода. На совещании руководящих армейских политических работников 17 ноября 1924 г. Фрунзе определил место национальных формирований в структуре Красной армии, каким он его видел в обозримом будущем: «Национальные контингенты займут в Красной армии очень видное место и будут заметно влиять на ее общую боеспособность... Национальные формирования для нас – не пустая забава, не игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов Союза. Это – серьезная задача, вытекающая из всего характера нашего государства... Строить армию иначе мы не можем» [15, с. 140].

Многочисленные в перспективе нерусские контингенты он расценивал как «источник дополнительной мощи» Красной армии. Выступая перед слушателями Военной академии РККА 20 декабря 1924 г., Фрунзе определял национальные формирования как своего рода материальное олицетворение национальной политики государства и мост между народами (не только советскими), способный «связать теснейшим образом эти бывшие колониальные народы царской империи с нами, а через них – связать судьбу колониальных народов других стран с судьбой Советского Союза» [15, с. 190].

Фрунзе ставил перед собой задачу практической реализации самых радикальных экспансионистских утопий периода Гражданской войны, в тот период не имевших шансов воплотиться в жизнь, таких, например, о которых в 1919 г. ведущий татарский большевик М.Х. Султан-Галиев сказал: «Быстрее помочь встать на ноги татарам, башкирам, киргизам, мусульманам Туркестана и Кавказа... Вооружив и объединив эти народы, направить их через Иран и Афганистан... в Турцию, арабские страны, Индию для того, чтобы освободить их от западноевропейского капитала» [18, с. 61].

Ввиду перспектив дальнейшего развития мировой революции, как их в первой половине 1920-х гг. оценивало большевистское руководство, Фрунзе считал необходимым «центр тяжести в деле национального военного строительства перенести на Туркестан», под которым в тот период понимались Узбекская ССР с Таджикской автономной областью, Туркменская ССР, Кара-Киргизская (с 25 мая 1925 г. – Киргизская) и Кара-Калпакская автономные области. Туркестан, в котором много лет жил и работал Фрунзе,

по его мнению, был важен как регион, лежавший на перекрестке путей между Европой, Индией и Китаем. Поэтому «Туркестан будет иметь колоссальное значение с точки зрения закрепления всех позиций: и советско-союзной, и наших позиций на Востоке» [15, с. 190].

Вообще при обосновании необходимости того или иного национального воинского формирования Фрунзе одновременно исходил как из соображений дальнейшей борьбы Советского Союза за выживание в агрессивном окружении, так и из оценки перспектив новой волны советизации сопредельных Советскому Союзу стран. Например, в Армении, которая являлась приграничным регионом СССР и которой предстояло, в случае войны с Турцией, «выдержать первый напор врага», несмотря на относительно незначительные мобилизационные возможности, он предложил содержать одну дивизию в составе двух кадровых и одного территориального полка вместо одного кадрового и двух территориальных, существовавших на тот момент. В Бурят-Монгольской республике, так же «небольшой по своему населению», но имеющей «колоссальное значение» в связи с близостью родственной ей по языку и «полукрасной» по политическим настроениям Монголии, Фрунзе полагал необходимым содержать кавалерийскую бригаду, желательна кадровую, и т.д.

Политическая целесообразность содержания нацформирований в том или ином регионе отодвигала на второй план вопросы, связанные с возможными трудностями их боевого применения. Допускалась возможность временного «ущерба для обороноспособности Советского Союза» [17, с. 320] в связи с более низкой боеспособностью по сравнению с *номерными* (т.е. обычными, имевшими номер) частями РККА. Однако их целевое предназначение в тот период виделось иным. 29 декабря 1924 г. М.В. Фрунзе замечал: «Переброска... на театр военных действий национальных дивизий, расположенных на окраинах, противоречила бы упомянутому выше их *предназначению* (выделено мной. – А.Б.). Кроме того, оперативное использование этих дивизий, как вполне заменяющих номерные части, представляется мыслимым лишь по истечении довольно длительного промежутка времени, когда идея обязательной военной службы и необходимость защиты СССР в целом будут надлежащим образом восприняты населением, в армии никогда не служившим» [19, л. 27об.].

Характерно, что, ратуя за первоочередное создание нацформирований на *окраинах* страны, М.В. Фрунзе в то же время не находил «той

важности этой работы» для «внутренних» и политически лояльных советской власти народов, например, поволжских татар [15, с. 191].

На высшем уровне вопросы нацформирований обсуждались как раз в период работы на руководящих должностях в РККА М.В. Фрунзе. С 1923 г. и до конца 1927 г., когда в основном оформилась территориальная система комплектования Красной армии, проблемы национальных формирований поднимались на заседаниях высших партийно-советских и военных органов неоднократно. На заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) вопросы национальных формирований специально рассматривались трижды (два раза – в 1923 г. и один раз – в 1925 г.) на заседаниях Реввоенсовета Республики (СССР) – 14 раз (четыре раза – в 1923 г., девять – в 1924 г., один раз – в 1927 г.). В дальнейшем проблемы национальных формирований на этом уровне не обсуждались.

Стараниями М.В. Фрунзе развитию нацформирований был дан мощный толчок. Однако, возможно, в связи с его преждевременной кончиной это движение не было должным образом институализировано. В частности, в структуре военного ведомства так и не появился руководящий орган, который отвечал бы за развитие этого сегмента РККА, в связи с чем развитие это, хотя и пошло бурно, но довольно хаотично. Реввоенсовет СССР в начале 1925 г. принял пятилетний план национального строительства, однако он выдерживался лишь условно; допускались многочисленные отступления от него и инициатива на местах.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. налицо превалирование политической функции нацформирований в планах военно-политического руководства страны. Соображения, озвученные Фрунзе, в то время витали в воздухе. Так, в резолюции IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. содержалось положение о национальных частях «в смысле обороны со стороны Турции, Афганистана, Польши и т.д. ... и в смысле возможного вынужденного выступления Союза [Советских Социалистических] Республик против соседних государств» [11, с. 279]. Таким образом, в контексте господствовавших в среде советского руководства в тот период надежд на скорую мировую революцию, национальным формированиям отводилась важная роль застрельщиков и проводников международного коммунистического движения. Один из немногих практических примеров этого – короткая исто-

рия Персидской Красной армии в 1920–1921 гг., с помощью которой российские большевики пытались свергнуть шахское правительство и изгнать из Персии англичан, установив в стране советский строй. В Персидскую Красную армию набирались в основном местные жители, а также советские граждане иранского происхождения. В то же время наиболее боеспособными частями Персармии были отряды, укомплектованные русскими моряками. Управление армией было сосредоточено также в руках русского персонала [20, с. 157–171].

Справедливости ради следует сказать, что в 1920-е гг. вся советская армия была поставлена на алтарь считавшейся почти неизбежной мировой революции. Как справедливо отмечает современный исследователь территориально-милиционной системы комплектования войск Л.А. Бурцев, «спецификой военного строительства данного периода была в большей степени необходимость подготовки через армейские ряды идеологически выдержанных апологетов советской власти, а не высокопрофессиональных воинов» [21, с. 180]. По его мнению, в целом вся территориальная система «рассматривалась советским руководством и военным ведомством в качестве многоаспектного социально-гражданского и политико-воспитательного института: как мощная школа, готовившая активных строителей социализма, как армия нового типа для нового социального строя» [21, с. 180]. Молодое советское государство не только готовилось к обороне едва ли не по всему периметру своих границ, но и могло, если бы на то была политическая воля большевистского руководства страны, вооруженной силой поддержать революционные выступления в зарубежных странах. Например, вполне реальным представлялось выступление советских войск в поддержку германского пролетариата осенью 1923 г. Боеспособность Красной армии учитывалась тогда в последнюю очередь. По образному выражению И.В. Сталина, «если бы бог нам не помог... и нам пришлось бы впутаться в войну, нас распушили бы в пух и прах» [14, с. 80]. В этом контексте заостренность внешнеполитической функции нацформирований в первой половине 1920-х гг. нельзя считать уникальной. К мировой революции готовилась вся РККА, а ее национальный сегмент считался удобным инструментом на тех направлениях борьбы, где национальный состав советских войск и советизируемых народов совпадали или были бы близки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кадыров Б.Г.* Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002.
2. Цит. по: Сиднев. Призыв национальностей // *Война и революция*. 1927. №5. С. 69–83.
3. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 324.
4. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501.
5. *Ленин В.И.* КПСС о борьбе с национализмом: документы и материалы. М., 1985.
6. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР: 1923–1939. М., 2011.
7. ЦК ВКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1939 гг. М., 2005.
8. Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1923.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917–1924. М., 1970.
10. Всеармейские совещания политработников: 1918–1940: Резолюции. М., 1984.
11. Тайны национальной политики ЦК РКП(б): Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г.: стеногр. отчет. М., 1992.
12. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 197.
13. *Сталин И.В.* Соч. Т. 5. М., 1947.
14. Вестник Архива Президента РФ. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007.
15. *Фрунзе М.В.* Собр. соч. Т. 2: 1924 г. М., 1926.
16. Партийно-политическая работа в Красной Армии: 1920–1929 гг. М., 1981.
17. ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). М., 1928.
18. *Ланда Р.Г.* Мирсаид Султан-Галиев // *Вопросы истории*. 1999. № 8. С. 53–70.
19. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476.
20. *Генис В.Л.* Красная Персия: Большевики в Гиляне: 1920–1921: док. хроника. М., 2000.
21. *Бурцев Л.А.* Территориально-милиционная система в РККА в 1923–1928 годы (на материалах Московского военного округа): дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2009. С. 180.

**ЖЕНСКИЙ ГОЛОВНОЙ УБОР – ГЛАВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА ЧЕЧЕНЦЕВ**

© Л.М. ГАРСАЕВ

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный
Чеченский государственный университет, г. Грозный

WOMEN'S HEADWEAR – A KEY ELEMENT OF CHECHEN NATIONAL COSTUME

© L.M. GARSÆV

Institute for Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny
Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny
Chechen State University, Grozny

Аннотация. Статья посвящена основным типам и способам повязывания головных уборов чеченки и их месту в культурно-нравственных традициях и обычаях чеченцев, сравнению их ношения с иудейско-христианской традицией. Подробно описан хиджаб – платок мусульманок. В статье отмечается, что женский костюм чеченцев не был доступен для любых влияний извне, а если даже от некоторых народов что-то и заимствовалось, то очень осторожно. Головной убор – это основной элемент народного костюма чеченцев, содержащий многообразную информацию о месте жительства владельца, его статусе в обществе, профессии и т.д. В традиционной культуре чеченцев платок – знак целомудрия, чистоты женщины, имеющий огромную сакральную силу. Головные уборы замужней девушки, старой деви, вдовы, старой женщины имели отличия. Головной убор явно отличает девушку от замужней женщины. Замужняя женщина носила нижний платок или чухту с верхней шалью. Популярными у чеченских женщин были покрывала, представляющие собой полотнище разных оттенков, в основном белого. В статье особое внимание уделено головному убору мусульманки – хиджабу. Хиджаб в исламе – это знак благочестия, ценности личности женщины. Самой главной задачей, которую он осуществляет, является закрытие тела одеждой полностью, оставляя видимыми только кисти рук и лицо. Итак, традиционный женский головной убор является исторически сложившимся компонентом национальной культуры и важным элементом народного костюма.

Ключевые слова: чеченский традиционный костюм, головной убор, способы ношения, хиджаб, чухта, платок.

Abstract. The article deals with the basic headwear styles of the Chechen woman and their place in cultural and moral traditions and customs of the Chechens in comparison with Judeo-Christian tradition. A hijab, the headscarf of Muslim women, is described in detail. The article notes that the Chechen women's costume was not influenced by outside. The headwear is a key element of the national costume of the Chechens, containing various information on the owner's place of residence, status in the society, profession, etc. In the traditional culture of the Chechens, wearing a headscarf is a sign of women's chastity, purity, and devotion, possessing great sacred power. The headwear of proposed girls, old maids, widows, and old women was different. The headwear of unmarried and married women obviously differs in order to distinguish them from one another. The main element of unmarried women's headwear is a big scarf or a shawl. Married women wore a low headscarf or a chukhta covered by the shawl. A veil that is a white color cloth, sometimes a bright or dark one, was widespread among Chechen women. The article focuses on the traditional Muslim headwear – a hijab. The hijab is a sign of piety, which shows the value of a woman's personality. Hence, the most important task, which it carries, is to cover all the body, leaving only the hands and face visible. Thus, the traditional women's headwear is a historical component of national culture and an important element of national costume.

Keywords: Chechen traditional costume, headwear, ways of wearing, hijab, chukhta, headscarf.

Данная работа является предпосылкой более полного осмысления роли женского головного убора в чеченском социуме, являющегося во все времена наиболее устойчивым и необходимым элементом национального костюма.

Актуальность темы статьи, помимо ее научно-исследовательского значения, обусловлена значимостью самобытной одежды и ее функциональной направленностью в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения.

Как отмечают кавказоведы, женщина на Кавказе всегда являлась главной хранительницей общинных культурно-нравственных традиций и обычаев, а также традиционного костюма, текстильного ремесла и шитья, тем самым не выходя из круга архаичной монокультуры.

Чеченский национальный костюм стал объектом сохранения локальных этнических особенностей народа, оставаясь самобытным вплоть до XX в. **Закрытость быта горянки, внутриобщинные браки, жесткие вековые нравы и обычаи** оказывали влияние на сохранение исконно национальных форм одежды. Комплекс женского костюма был неприступен для любых влияний извне, а если даже что-то и заимствовалось, то очень осторожно.

Более точно о типе женской одежды можно судить по сохранившимся ее образцам, относящимся к XIX – началу XX вв. **Большое количество артефактов** находится в республиканских музеях, у хранителей и в частных коллекциях.

Головной убор – это самый интересный элемент народного костюма чеченцев. Костюм вместе с языком, мифами и обрядами почти всегда образует единую знаковую систему и являет собой своеобразный социокод, сохраняющий некоторые характеристики конкретной культуры. В знаковой системе традиционной одежды именно головной убор, кроме эстетической и практической нагрузки, содержит, пожалуй, самый сложный смысл, являясь определением половозрастной, социальной и этнической принадлежности человека [1, с. 147].

Любой головной убор несет также информацию о месте проживания носителя, его статусе в обществе, роде занятий, религиозных убеждениях. В традиционной культуре чеченцев головной убор – своеобразный знак чести и достоинства у мужчин, а платок – символ целомудрия и чистоты у женщин. Подарить папаху считалось стать побратимами, тогда как платок женщины имел еще большую сакральную силу.

В национальной культуре чеченцев платки во все времена составляли основную и неотделимую часть их традиционной одежды.

Женский головной убор представляет собой довольно сложный комплекс, несущий в себе важную информацию. Он дает возможность отличить девушку от замужней женщины, а часто дает и более точные подробности (различались головные уборы засватанной девушки, старой девы, молодухи, вдовы, старой женщины и т.п.). Во многих случаях головной убор показывал сословные различия, материальное положение, место жительства (город или село). В нем часто устойчиво сохранялись архаические черты, некоторые его элементы имели охранно-магические функции [2, с. 183].

Главной частью девичьего традиционного головного убора чеченцев был большой платок или шаль. В начале XX в. в **гардероб вошли также шарфы**.

Е.Н. Студенецкая пишет: «Способы ношения платков или шалей разнообразны. Шаль или большой платок всегда складывали углом, но надевали по-разному: а) шаль накладывали на голову углом на спину, два других конца свешивали спереди на грудь; б) правый конец проводился под подбородком и закидывался на спину через левое плечо; в) оба конца проводились под подбородком, а иногда завязывались полуузлом, а затем закидывались на спину; г) закинутые на спину концы завязывали сзади на шее (эти способы наблюдались у всех народов Северного Кавказа, но особенно у адыгейцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев и осетин); д) платок (шаль) складывали углом и накидывали на голову, все концы спускались на спину и висели свободно (такой способ ношения платка чаще встречался в Осетии, Чечне и Ингушетии, реже в других местах); е) платок складывали углом, один конец спереди проводили под подбородком на спину, другой закидывали на темя (этот способ характерен для чеченок и адыгеек)» [2, с. 185]. Концы шарфа почти всегда спускали спереди или один из концов закидывали назад через левое плечо, иногда предварительно обмотав вокруг шеи. Таков был самый популярный девичий головной убор, который позволял видеть волосы. Их заплетали в косы, количество которых зависело от густоты волос, но преобладали две косы [2, с. 188].

Е.Н. Студенецкая отмечает: «Головной убор замужней женщины у народов Северного Кавказа включал в себя небольшой платок обычно черного цвета, но в XX в. появились платки с каймой или мелким узором. Его складывали углом, спустили довольно низко на лоб, закрывая волосы. Концы проводили назад под косы, не закрывая уши, и завязывали на темени особым узлом с выпущенной вниз одной петлей. Этот платочек не

<p>Женский головной убор шаль – чилланкортали (из коллекции Чечено-Ингушского государственного объединенного музея)</p>	<p>Легкий летний головной убор – гульмаьнда (из той же коллекции)</p>	<p>Легкий летний головной убор – гульмаьнда (из той же коллекции)</p>
<p>Женский головной убор – чухта с бахромой (<i>чечакхийолуш</i>), вид спереди (из той же коллекции)</p>	<p>Женский головной убор – чухта без бахромы (<i>чечакхийоцуш</i>) (с. Элистанжи Веденского района ЧР)</p>	<p>Женский головной убор – чухта. Способ ношения (общий вид) (из коллекции Государственного музея этнографии (Ленинград))</p>

Чеченские женские головные уборы

снимали ни днем, ни ночью. На него, выходя из дома, обязательно надевали большой платок или шаль» [2, с. 188].

В Чечне вместо платка, покрывавшего волосы, замужняя женщина обязательно носила чухту, но, по свидетельствам информаторов, в особо религиозных семьях ее носили и девушки.

Таким образом, головной убор замужней женщины представлял собой комплект нижнего платка или чухты с верхней шалью.

Обычно квадратные платки, нередко являвшиеся подлинными произведениями искусства, одевали поверх «чухты» – нижнего головного убора. Способов ношения платка несколько, но самый популярный – «по-горски», когда сложенный по диагонали платок накидывают на голову, а один свисающий впереди конец (правый) закидывается через левое плечо за спину поверх свисающего впереди левого конца. Пожилые женщины объясняют такой прием тем, что, перекидывая конец платка, они якобы смахивают этим шайтана, постоянно находящегося рядом с человеком с

левой стороны. Ныне платок не вышел из употребления еще и потому, что в Чечне основная масса населения исповедует ислам, требующий, чтобы голова у женщины была покрыта [3, с. 107].

Основная часть платков XIX – начала XX вв. в зависимости от качества ткани и вышивки представляет собой огромное многообразие: большие квадратные шерстяные платки, вышитые в технике «двухсторонней глади»; шелковые – с вышивкой «белая гладь» нитками в тон платка; шерстяные – с вышивкой золотой или серебряной нитью. Скорее всего, вышитые шелковой нитью платки проникли к нам на Северный Кавказ по Великому шелковому пути из Китая; у кумыков такой платок так и называется – «китейявлукъ» [3, с. 107].

Чеченские женщины, освоив «восточную» технику вышивания, за долгие годы привнесли в нее свое новое национальное звучание, и мы уже воспринимаем эти изделия как сугубо чеченские.

Квадратные платки были популярны во всей Чечне; более всего славились привозные из Азербей-

байджана (город Гянжа) шелковые «гульмаьнда». Носили их, сложив треугольником и накиннув поверх чухты, один конец пропускали под подбородком, поверх другого закидывая за плечо. Иногда свисающий конец также закидывали за плечо, а пожилые женщины вообще могли обмотать этот конец вокруг головы. Девушки чаще носили платок, скрестив концы под подбородком и завязав их на затылке. Иногда углы платка, накинутаго на голову, просто свисали вниз спереди или по плечам [3, с. 108].

В Чечне и других регионах Северного Кавказа, кроме квадратных, были также известны платки треугольной формы. Шили их из одноцветной тонкой ткани. Ценились платки из тюля или гипюра, две стороны (угол) которого обшивались кружевом или оборкой из той же ткани.

Наибольшее распространение среди чеченских женщин (XIX – начало XX вв.) имели покрывала. Длинное и широкое полотнище ткани (сукна, шелка, льняной или хлопчатобумажной ткани) иногда имело рисунок в виде каймы. В основном покрывало представляло собой полотнище белого цвета, хотя могло быть и других оттенков.

Согласно полевым этнографическим материалам, чеченские и ингушские женщины носили чухту – плотный волосяной мешок, покрывающий женские волосы. Многие ученые едины во мнении, что слово «чухта» заимствовано из дагестанских языков, ср. авар., анд. – *чухтмлы*, лезг. – *шуткью, чохту* [4, с. 20, с. 189].

По материалам, зафиксированным автором в ходе полевых работ в Назрани, Ножай-Юрте, Ведено, Самашках, Шатое, чухту шили из коричневого или черного атласа или ластика размером 100 см на 80 см. Прошив вдоль, ей придавали форму мешка, куда вкладывали заплетенные в две косы волосы. Один конец чухты был раскрыт на 18 см и с обеих краев имел пришитые шнуры, фиксировавшие ее на голове. По кромке конца ее пришивали бахрому – *чечакх*. Поверх нее надевали шаль из такой же ткани, называемую *чухтанкортали*, предназначение которой было укрытие от посторонних глаз волос, как того требовала мусульманская религия [5, с. 15–18].

Данный элемент хорошо описан у Л.Ю. Маргошвили, которая отмечала, что после принятия ислама северокавказскими народами все вайнахские женщины по достижении 15-летнего возраста были обязаны носить чухту [6, с. 74].

Женский головной убор, как известно, в чеченском социуме подвергся изменениям в различных слоях населения. Состоятельные жен-

щины носили головные уборы, которые выгодно отличались от носимых малоимущими, однако в способах повязывания и практическом применении их большой разницы не было. Поверх *чухты* пожилая или старая женщина обматывала голову *кIеда болу кортали* (ящичная шаль) или *чечакх йолу тIерзIа кортали*, или *йовлакх* (головная шаль с бахромой), *шера кортали* (шаль из белого шелка), *бой* (головная шаль из ткани большого размера, выполняющая роль пальто). И молодые, и пожилые женщины надевали *бой* зимой поверх платья. Незамужние девушки и невесты носили цветной шелковый головной платок: по-чеченски – *гульмаьнда*, по-ингушски – *гурмули*, по-кистински – *шаулакх* [5, с. 15–18]. Е.Н. Студенечка отмечает, что название *кортали* (головной платок) произошло от *корта* – голова, *йовлакх* (тюрск. *яумукъ*) – платок [7, с. 65]. Подобного же мнения и профессор И.Ю. Алироев.

Мы же считаем, что слово *йовлакх* ‘платок (головной, носовой)’, инг. *йоллакх*, пришло из тюркских языков: кум. *явлукъ*, карач.-балкар. *явлуукъ* ‘головной платок’, ног. *явлык*. Дифтонг *ав* в чеченском изменился на *ов*.

Разнообразие головных платков появилось в Чечне вместе с появлением на Кавказе хороших фабричных тканей, а головные платки, изготовленные из местных кустарных тканей, носились до начала XX в. и позже. Головные шали прочно вошли в гардероб чеченских женщин и высоко ценились не только как элемент женского гардероба, но и как символ большой знаковой силы. Головная шаль не всегда решала вопросы кровничества, но во время стычки по какому-либо поводу платок, брошенный женщиной между противниками, обычно сразу усмирлял их.

Любая женщина выбирала цвет шали соответственно своему возрасту. Пожилые носили черные, синие, коричневые, темно-голубые тона, а молодые – белые, красные, желтые, светло-голубые. Молодые повязывали шелковые узорчатые шали, гладкие шали без узоров, с бахромой. Шали считались наиболее ценными свадебными покупками.

Платок – это очень важный элемент одежды женщины, независимо от её возраста, общественного статуса, свидетельствующий о ее нравственности, семейном положении, степени приверженности духовным и культурным ценностям.

Очень отрадно, что в настоящее время многие представительницы слабого пола носят платок со школьной скамьи без всякого давления со стороны родственников. Для них это духовная и душевная потребность. У чеченцев женщина с

непокрытой головой не пользовалась уважением в обществе, для них платок всегда являлся символом нравственности.

Платок – это показатель нравственного равновесия общества, гармонизации взаимоотношений между мужчинами и женщинами не только старших, но и младших поколений.

Так почему же платок обладал такой магической силой?

Исследователь Э. Исаев считает, что «в период матриархата у предков чеченцев и ингушей возникли женские общества, которые в фольклоре народа «дожили» до современности.

У них были три богини (три гурии) – Маълха Аьзни (Богиня красоты), Дика (Богиня добра, аналог Древнегреческой Богини), Богиня Дари де Куока, или Маша бузу Куока (Богиня мира), которая ткала «материю», т.е. мир.

По преданию, когда у богини Маша бузу Куоки обрывалась нить, между народами начиналась война и длилась до тех пор, пока она не соединит нить. То есть своим ткачеством она поддерживала мир между народами. Кусок материи (или женский платок), брошенный между противниками, поэтому означал, что в конфликт вмешалась Богиня мира. Люди очень верили в волшебство женского платка, символизировавшего Богиню мира, и положительно на него реагировали. Он был самым нужным звеном в регулировании взаимоотношений людей, это была крайняя возможность остудить гнев и остановить смерть. Этот прекрасный вайнахский обычай – использование белого платка для примирения враждующих сторон – переняли все кавказские народы и умело им пользовались. В последний раз, как фактор примирения, платок был брошен чеченкой в один из напряженных дней 1994 года [8, с. 74].

Ирония сегодняшнего мира – отношение к женскому головному убору в культурах разных народов. В случаях, когда его надевают католические монахини, платок почитается как знак *святости*, а в других – подвергается брани, как знак *унижения и притеснения*, когда его видят на голове мусульманских женщин, надетый ими из соображений скромности и благочестия [9].

Определенные европейские страны прилагают максимум усилий, чтобы законодательно ввести запрет или ограничение на ношение хиджабов. Такие законы подрывают основы равенства в обществе, борющемся за плюрализм и свободу вероисповедания. Сегодня Франция рассматривает вопрос полного запрета на ношение платков в школах. В двух землях Германии также иницируется законопроект, исключающий ношение платков в школах [9].

Рассмотрим вопрос о хиджабе в сравнении с иудейско-христианской традицией ношения головных уборов женщинами.

На Западе многие считают головной платок, традиционно носимый мусульманками, символом их притеснения и зависимости. Как же дело с этим обстоит в иудейско-христианской традиции? Попытаемся установить историческую правду. Как говорит иудейский раввин Мэнхэйм М. Брэйер (профессор библейской литературы в университете Иисуса Навина) в своей книге «Еврейские женщины в раввинской литературе», выходя на люди, еврейские женщины покрывали голову, закрывая всё лицо и оставляя открытыми только глаза. Он цитирует известных древних раввинов, говоривших, что *«не подобает дочерям израильтянам ходить с непокрытой головой»*, и проклинали тех, *«кто позволит жене своей ходить с непокрытой головой, ...а женщина, которая откроет свою голову для украшения да будет ввергнута в нищету»*. Иудейские законы категорически запрещали испрашивание благодати или чтение молитв в присутствии непокрытых замужних женщин, поскольку это рассматривалось как нагота [9].

Доктор Брэйер также говорит о том, что *«в эпоху танаим непокрытие головы иудейкой считалось верхом бесстыдства. Если она была без платка, она должна была заплатить за этот проступок 400 цузимов»*. Доктор Брэйер поясняет, что платки у иудеек не всегда считались только признаком благочестия. Иногда платок символизировал особое положение в обществе и достаток в большей степени, чем благочестие. Он показывал достоинство и превосходство высокородной женщины, недоступность женщины как священное владение её мужа. Платок олицетворял женское чувство собственного достоинства и её статус в обществе [9].

Женщины низшего уровня посредством платка часто пытались произвести впечатление, что принадлежат к более высокому классу. То, что платок был признаком благородного происхождения, являлось причиной того, что в древнееврейском обществе его запрещалось носить женщинам лёгкого поведения. Но они все же часто носили специальный головной шарф, чтобы смотреться в обществе внушительнее и респектабельнее. Еврейки, живущие в Европе, продолжали носить платки до XIX в., пока их жизнь не стала более тесно сплетаться с светским окружением [9].

Влияние европейского образа жизни в XIX в. позволяло им появляться в обществе с непокрытой головой. Некоторые еврейские женщины бо-

лее удобной для себя посчитали замену традиционного платка на парик как на другую форму головного покрытия. Сегодня многие иудейки не носят платки, но посещать синагогу без них им непозволительно. Некоторые же из них, например, входящие в секту хасидов, до сих пор пользуются париками [9].

Хорошо известно, что по христианской традиции католические монахини носят платок уже на протяжении сотен лет, но это ещё не всё. Апостол Павел в Новом Завете сделал несколько интересных замечаний об этом: *«Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог. Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая. Ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижётся; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается. Итак, муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа. Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для ангелов»* (1 Коринф. 11:3-10).

Аргументация апостола Павла в доказательство необходимости ношения платка женщинами заключается в том, что платок символизирует знак власти мужчины, который является образом и славой Бога над женщиной, которая была создана для мужчины.

Среди канонических законов католической церкви есть закон, требующий от женщин прикрытия своих волос в церкви. Христианские конфессии, аманиты и менониты, заставляют своих женщин носить платок и по сей день. Главной причиной ношения платка в соответствии с высказыванием лидеров их церкви заключается в том, что *«покрытие головы – это символ подчинения женщин мужчинам и Богу»*, что соответствует словам христианского апостола Павла в Новом Завете. Из этого следует, что ношение женского головного убора является признаком не только исключительно мусульманского вероисповедания [9]. Ислам вменил это ей в обязанность.

Коран призывает верующих мужчин и женщин опускать взоры к земле и хранить скромность, обязывает женщин закрывать голову, шею и грудь: *«Скажи верующим, чтобы они потупляли свои взоры; хранили бы себя от чувственных*

пожеланий: в этом для них наибольшая чистота. Бог ведает их дела. Скажи также и верующим женщинам, чтобы они потупляли свои взоры; хранили бы себя от половых пожеланий; показывали бы только те из своих нарядов, которые наружу, накладывали себе на грудь покрывала...» (Коран 24:30, 31). Священный Коран поясняет, что платок – это благопристойность: *«Пророк! Скажи супругам твоим, дочерям твоим, жёнам верующих: плотнее опускали бы они на себя покрывала свои: при таком опускании они не будут узнаваемы, и потому не будут оскорбляемы. Бог прощающий, милосерд»* (Коран 33:59) [9].

Благонравие предписывается женщине для ее же блага, т.е. защиты от оскорблений, иначе говоря, благочестие – это защита для женщины. Хиджаб отличается от платка в христианской религии тем, что он не является символом власти мужчины над женщиной и не знак ее непротивления мужчине. И, в отличие от платка в иудейской вере, не знак материального превосходства или отличия состоятельных замужних женщин благородного сословия. Хиджаб в исламе – это символ благочестия, ценности личности женщины.

В западных странах хиджабом называют традиционный женский мусульманский платок, полностью скрывающий волосы, уши и шею. В последнее время вошло в моду ношение платков и накидок. Общественные вкусы иногда непредсказуемы. В разных странах женщины против запретов ношения хиджаба, так как считают это нарушением своих женских и человеческих прав. Вокруг этой проблемы кипят политические дискусионные страсти. В *«Справочнике мусульманской женщины»* указано, что ношение хиджаба – одно из важнейших условий жизни мусульманки, что хиджаб – не просто одежда, а нечто большее и сакральное.

Можно говорить о «внешнем» хиджабе, но все равно нужно иметь в виду, что существует еще и «внутренний» хиджаб – поведение, скромность, манера держаться...

Одежда считается исламской, если выполняются следующие необходимые условия: она должна полностью покрывать голову и тело, кроме лица и кистей рук, это значит, что шея, предплечья, уши и вдетые в них серьги не должны быть видны. Представители некоторых школ исламской юриспруденции говорят, что ступни ног можно не закрывать, но большинство исламских ученых одобряют общую точку зрения, что ноги должны быть закрыты.

Одежда должна быть не прозрачной, чтобы не был виден цвет кожи. Наряд должен быть

безупречно свободным, чтобы скрывать контуры тела. От одежды не должно пахнуть парфюмерией, она не должна походить на мужской костюм. Нельзя, чтобы одежда выделяла женщин из основной массы людей, не должна быть светлых и ярких тонов или вычурного покроя. Некоторые мусульмане советуют женщинам избегать излишне «экзотических» видов мусульманской одежды, таких, как арабская *абайяс* или иранский *чадор* (виды верхней одежды). Лучше выбрать для себя приближенные к мусульманской форме варианты современной одежды, например, костюм, состоящий из длинного прямого жакета и длинной юбки прямого покроя.

Женщины во времена пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), выходя из дома, обычно надевали *джилбаб* (плащ, верхняя одежда) и *химар* (головная накидка). Позднее стали популярны разные виды верхней женской одежды, такие, как *абайяс* в арабских странах, *чадор* в Иране, *бурка* в Пакистане, *чадра* в Дагестане и т.д. Не все они практичны в разных климатических условиях, но в каждой стране можно носить длинный плащ или пальто соответствующего стиля, покроя, цвета [10, с. 6].

Ученые ведут споры о том, в какой степени женщина должна закрывать свое тело. Некоторые из них (в основном представители школ *шафиитов* и *ханбалитов*) считают, что нужно закрывать лицо и кисти рук. Мазхаб Малики считает, что все тело, кроме лица и кистей рук, является *аурат* (то, что должно быть скрыто). Представите-

ли школы ханафитов одобряют эту точку зрения. Но ученые этой же школы более позднего периода разрешили не прикрывать и ступни ног. Однако среди ученых этому есть противники, считающие это мнение ошибочным, так как оно не подтверждается мусульманскими источниками. Таким образом, мы понимаем, что полное покрытие тела одеждой, кроме кистей рук и лица, является самой важной задачей, которую выполняет хиджаб.

Есть мнение, что хиджаб мешает женщине выполнять некоторые виды работ. Выдвигаются доводы против школьниц, пожелавших его носить. Один из них – платки якобы создадут угрозу возгорания во время работы в химической лаборатории. Но их ведь можно заправить в горловину блузки или свитера.

В реальности ношение хиджаба не представляет собой какой-либо большой проблемы. Сегодня женщин, носящих его, можно встретить где угодно: на улицах, в торговых домах, в офисах фирм, на телевидении, к чему люди уже привыкли и не удивляются.

Таким образом, традиционный женский головной убор – это исторически сложившийся компонент национальной культуры, связанный с образом жизни, обычаями, природно-климатическими условиями, историческими событиями, религиозными, мифологическими верованиями, разнообразными ремеслами, традициями и особенно – внешним обликом человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калашишникова Н.М. Музееведческие аспекты изучения и показы традиционной одежды // Жизнь и одежда как феномен этнической культуры. СПб., 2008.
2. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: «Наука», 1989.
3. Гаджиханова Р. Дагестанский костюм. Махачкала: «Эпоха», 2010.
4. Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда. Нальчик, 2005. С. 20; Гарсаев Л.М. Одежда чеченцев и ингушей XIX – начала XX веков. Саратов, 2010.
5. Полевой материал, собранный автором в Чечено-Ингушетии. 1981. Тетр. №1, 2.
6. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические отношения между Грузией и Чечено-Ингушетией. Тбилиси, 1990.
7. Студенецкая Е.Н. Одежда чеченцев и ингушей в XIX–XX вв. // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985.
8. Исаев Э. Вайнахская этика. Назрань, 1999.
9. Головной убор и свобода вероисповедания // <http://www.islam.ru> / [Электронный ресурс] <http://www.islam.ru/content/obshchestvo/41432>.
10. Бочарова И.А. Хиджаб – как особенность мусульманской культуры // Исламоведение при ДГУ. №2. Махачкала, 2010.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ЧЕЧЕНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.

© К.Г. ДЕНДИЕВ

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, г. Грозный

POLITICAL REPRESSIONS IN THE CHECHEN AUTONOMOUS OBLAST IN THE FIRST HALF OF THE 1920s

© K.G. DENDIEV

Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences, Grozny

Аннотация. На примере Чеченской АО освещается дискуссионная тема, раскрывающая становление на периферии страны тоталитарного режима. Рассмотрена методика работы репрессивных органов. Развитие репрессивной политики в Чеченской автономии протекало так же, как и во всей советской России, но здесь она имела свои особенности. В отличие от других национальных областей, ее технология была достаточно хорошо отработана еще в период Кавказской войны, а впоследствии значительно усовершенствована. Навязываемая центром политика «советизации» Чечни, осуществляемая без учета местных особенностей, столкнулась с неразрешенными еще с имперских времен проблемами. Одна из них – наличие оружия у населения, способное поставить под угрозу проведение политического курса правящей партии в регионе, а значит, и ее стратегической задачи – тотального контроля. Показательно, что свое знакомство с Чечней военно-политические органы начинают именно с «демилитаризации» населенных пунктов, принцип которой сводился к окружению предполагаемого района с последующим массовым разоружением и изъятием т.н. «порочного» элемента. Успешное завершение тотальной чистки 1925 г. положило начало целенаправленному процессу устранения с политической арены реальных и вероятных носителей национальной идеологии. Черты, характеризующие ментальность народа, равно как и горское традиционное право «адат» и мусульманское судопроизводство «шариат», «были объявлены «буржуазно-националистическими» и религиозными предрассудками, пережитками прошлого». По мере укрепления властных позиций правящая партия освобождалась от политических лидеров, пришедших к власти на революционной волне, чтобы дать дорогу своим ставленникам.
Ключевые слова: партийный аппарат, чекистско-войсковые операции, ОГПУ, Эльдарханов, Митаев.

Abstract. The article deals with the controversial question that reveals the emergence of a totalitarian regime in the periphery of the country on the example of the Chechen Autonomous Oblast. The operation method of repressive bodies is examined. The development of repressive policy in the Chechen Autonomy proceeded as well as in the whole Soviet Russia, but it had its own peculiarities here. Unlike other national areas, its technology was sufficiently well developed in the period of the Caucasian War and later significantly improved. The policy of Chechnya's "Sovietization", imposed by the centre and carried out without taking into account local circumstances, was faced with unresolved problems since imperial times. One of them is the presence of weapons among the population that can jeopardize the conduct of the political course of the ruling party in the region, and hence its strategic goal - total control. It is significant that the military-political bodies began their acquaintance with Chechnya precisely with the "demilitarization" of settlements, the principle of which is to encircle the intended area, followed by a massive disarmament and the withdrawal of the so-called "vicious" element. Successful completion of the total purge in 1925 marked the beginning of a focused process of elimination from the political scene of real and probable carriers of the national ideology. The features characterizing the mentality of the people, as well as the Chechen customary law (adat) and the Sharia law were declared "bourgeois nationalist" and religious prejudices, the vestiges of the past." With consolidation of power, the ruling party was freed from the political leaders, who came to power during the revolution, to make way for his proteges.

Keywords: party apparatus, chekist-army operations, OGPU, Eldarkhanov, Mitayev.

Актуальность работы. Изменения политической системы, отказ от тоталитарных тенденций явились мощным импульсом в осмыслении вопросов, ранее изучавшихся в рамках политической идеологии. Исследуемая тема приобретает особую остроту в связи с известными событиями в Чечне на рубеже XX–XXI вв., однако, несмотря на обилие разнообразных по проблематике работ, все еще продолжает оставаться малоисследованной. Следовательно, рассмотрение вынесенной в заголовок статьи темы представляется вполне обоснованным.

Исходя из актуальности темы, мы ставим *целью настоящей работы* – анализ практики политических репрессий первой половины 1920-х гг.

Реализация данной цели предполагает решение следующих задач:

- выявить методiku «работы» ОГПУ;
- рассмотреть подготовительный этап разоружения Чечни 1925 г.;

- раскрыть характер репрессивной политики.

Данная проблема в силу существовавших в стране идеологических ограничений не получила должного освещения, отдельные ее аспекты рассматриваются в трудах Д.Ж. Гакаева, Ю. Эльмурзаева, С. Магамадова, однако более полно изучаемая тема представлена в работах А.Г. Авторханова [1].

Развитие репрессивной политики в Чеченской автономии протекало в тех же условиях, что и по всей советской России. Однако здесь она имела и свои особенности. В отличие от других национальных областей, ее технология достаточно хорошо была отработана еще в период Кавказской войны, а впоследствии значительно усовершенствована. В начале 1920-х гг., после очищения территории края от денкинской армии, опыт репрессий оказался вновь востребованным.

Навязываемая центром политика «советизации» Чечни, осуществляемая без учета местных особенностей, столкнулась с неразрешенными еще с имперских времен проблемами. Одна из них – наличие оружия у населения, способное поставить под угрозу проведение политического курса правящей партии в регионе, а значит, и ее стратегической задачи – тотального контроля.

Показательно, что свое знакомство с Чечней военно-политические органы начинают именно с «демилитаризации» населенных пунктов, принцип которой сводился к окружению предполагаемого района с последующим массовым разоружением и изъятием т.н. «порочного» элемента.

Укажем, что только с «1921 по 1924 г.» на территории Чеченской АО «проведено 30 боевых командировок» [2, л. 551]. И при этом уместно

подчеркнуть, что выполнение силовиками т.н. «операций» с использованием боевой техники и артиллерии против мирного населения, заложниками которых оно, бесспорно, являлось, логически подпадает под дефиницию «политические репрессии».

В 1923 г. партийный аппарат при содействии силовых ведомств проводит более масштабную, чем в предыдущие годы, операцию. «Это насильственное разоружение, конечно, глубоко встревожило чеченцев, которые не без основания усматривали в этой акции подготовку к будущим репрессиям, – пишет Джон Данлоп, – и, кроме того, попытку лишить их права, гарантированного шариатской конституцией, с которой Сталин и Советское правительство незадолго до этого согласились» [3, с. 51].

Симптомом грядущих изменений стал арест популярного в народе шейха Али Митаева. Кооптированный 10 апреля 1923 г. в состав Чечоблревкома А. Митаев последовательно отстаивает политику, направленную на достижение мира и согласия в регионе. Однако подобная линия шейха не могла встретить понимание со стороны некоторых руководителей Чечни, заинтересованных в сохранении напряженности.

На данный тезис проливает свет письмо-обращение Митаева ко «Всем русским организациям». В нем с большой логикой и знанием сложившейся обстановки автор изложил обстоятельства, порождающие среди чеченцев анти-советские настроения. Раскрывая проводимую большевиками под лозунгом продналога политику экономического грабежа населения, шейх высказал идею «от имени беднейшей части и с ведома центральной власти созвать съезд представителей горских народов с целью совместного разрешения наболевших проблем» [4, с. 75].

В заключении письма Митаев пишет: «...Я обращаюсь... с просьбой помочь Чечне, которая и при царе была объявлена автономией, но так и не узнала, что это такое, и теперь, когда все народы получили свободу, продолжает влачить ту же беспросветную жизнь, ибо некоторые высокопоставленные лица стоят между Чечней и Центром, утверждая, что ей нет доверия. Чем же провинилась Чечня? Верно, она еще темна, ее нужно просветить, но никто об этом не печется. Наши ожидания – вот получим автономию, и сами будем строить свою жизнь, не оправдались. Мы просим только то, что дала Россия другим народам...» [4, с. 76–77].

Показательно, что схожие мысли были высказаны Т.Э. Эльдархановым на IV **секретном** совещании ответработников в Москве (9–12 июня

1923 г.). «Слащавые речи по адресу трудящихся, улыбки по их адресу, хватание за бороды мулл, выколачивание продналога штыком, чтобы, в конечном счете, получить 5–6% задания, излишний военный нажим, от которого страдало мирное население...» [5, с. 197] – так констатировал глава Чечоблревкома политику центра, реализуемую партийно-советскими органами в Чечне.

В условиях утвердившегося режима обращения популярных деятелей к «чеченской» проблеме остались гласом вопиющего в пустыне. Но это могло так показаться только неискушенному в тонкостях большевистской политики обывателю.

Последующее развитие событий показало, что деятельность не в меру независимых Т.Э. Эльдарханова и Али Митаева стала предметом особой заботы со стороны ГПУ. Собственно, тогда и начинается интенсивная работа чекистов по сбору и анализу информации, поступавшей из различных каналов.

Так, военный комиссар 9-го стрелкового корпуса СКВО Н. Соколов информирует начальника политуправления Ланда: «Мое глубокое убеждение, что Облревком Чечни в его теперешнем составе /Эльдарханов – Али-Митаев/ ведет политическую линию не ЦК Р.К.П., а Панисламистского комитета...» [6, л. 10].

23 апреля 1923 г. С.Н. Миронов (Король Мирон Иосифович), начальник Восточного отдела полномочного представительства ГПУ Юго-Востока России, пишет «Докладную записку о Чечне» своему непосредственному начальнику Петерсу. Характеризуя политическую обстановку в регионе, автор заостряет внимание на состоявшемся совещании и достигнутом соглашении между «шейхами Гоцинским, Али Митаевым, Ансалтинским и Белохаджи» образовавшими «Высший Шариатский Совет» для «борьбы с совластью за религию», что, естественно, «означает подготовку к газавату» [6, л. 3].

Для ослабления набиравшего силу шариатистского движения и созданий условий для нейтрализации шейха автор предлагает следующую схему действий: «образовать немедленно партийное ядро из национальных коммунистов, разбросанных по СССР, снять Эльдарханова, делая ставку на национальную интеллигенцию, стоящую на советской платформе (таковые имеются), и затем разрешение земельного вопроса».

Поясняя изложенные соображения, в частности, касаясь болезненного для горца, испытывавшего земельный «голод», вопроса, автор резюмирует: «Когда процесс взаимного ослабления дойдет до предельной точки, то тогда разрешить

земельный вопрос в отношении Нагорной Чечни, но не через Ревком, а через партийное ядро, авторитет которого значительно поднимется в беднейшей Нагорной Чечне...» [6, л. 5].

В последующем после детальной проработки оперативная комбинация С.Н. Миронова легла в основу плана советизации Чеченской АО.

Руководствуясь излюбленной тактикой «разделяй и властвуй», органы ГПУ сумели нарождавшееся глухое недовольство населения репрессиями обратить вовнутрь религиозных братств.

«Видя, что третий этап не закрепляется, мы по собственной инициативе делаем ставку на «К-Х», посылаем мануфактуру шейхам Ю-Х. М., Т. и другим; приезжаем к ним, приглашаем к себе, т.е. дали почувствовать, что с ними считаемся, что революционность этой секты известна Соввласти и что преследованию они не подвергаются» [7, л. 20], – отмечают Е.Г. Евдокимов и упомянутый выше Миронов.

Разложенческая политика, успешно опробованная большевиками на РПЦ, как видим, была успешно использована и в Чечне.

Объединяя в одной связке Эльдарханова-Митаева, ГПУ при содействии партаппарата разыгрывает новую комбинацию, сущность которой можно свести к следующему: убрать руками предЧечЦИКа своевольного и слишком независимого шейха, само оставаясь в стороне. Что, в сущности, и произошло в 1924 г.

По свидетельству Эльдарханова, задержанию шейха предшествовали следующие обстоятельства, о чем он 20 мая т.г. подробно информирует в докладной И.В. Сталина.

В этом поистине бесценном документе впервые на региональном уровне приоткрывается методика чекистской работы очевидцем тех событий. Без изменения авторского стиля приводим выдержку из письма Т.Э. Эльдарханова в части касающейся задержания: «Так как гражданин Митаев на основании указанных своих подозрений не решался явиться в город без гарантии с моей стороны, обеспечивающей его неприкосновенность, то я, заручившись уверениями Оргбюро, что гражданину Митаеву не грозит никакая опасность, и, веря в незыблемость этого, послал брата своего с письмом, в котором я ему честным словом гарантировал неприкосновенность и требовал явки.

Али Митаев явился. В связи с этим было устроено заседание ревкома, на котором с особым усердием секретарь оргбюро и заместитель начальника ГПУ подчеркивали, что член ревкома не может быть арестован без предварительного об этом уведомления председателя ревкома и

упрекали Митаева в незнании своих гражданских прав по занимаемой должности...

После заседания, вполне успокоенный уверениями высказавшихся товарищей, Али Митаев в сопровождении моего заместителя Шерипова отправился в ГПУ, куда его пригласили для заполнения какой-то анкеты, и там был арестован с формальным нарушением параграфа 69 положения о губернских съездах советов и губернских исполнительных комитетов» [6, л. 66–66об].

Секретарь Оргбюро М.А. Энеев и замначальника ОГПУ Г.Г. Крафт сумели усыпить бдительность шейха, не раз выходившего с честью из ранее устроенных чекистами ловушек. Истинная подоплека партийно-чекистской импровизации кроилась в стремлении дестабилизировать обстановку накануне выборов в ЧечоблЦИК; подорвать авторитет Эльдарханова, возложив на него всю ответственность за арест шейха; разжечь вражду между духовными братствами, в которую окажутся втянутыми широкие массы приверженцев той и другой стороны.

Как и предполагал Т.Э. Эльдарханова, ситуация в Чечне обостряется.

«В Шатоевском и Веденском округах» усиливается движение против Т.Э. Эльдарханова», инспирируемое членами совпартаппарата «Д. Акаевым, А.-Х. Саламовыми и А. Сайхановым». Одновременно низовые советско-партийные органы власти проводят в селах сходы-обращения в поддержку предоблревкома и предотвращения возможных эксцессов, связанных с арестом шейха. В приговоре жители Верхнего Наура Надтеречного округа (30 апреля) нашли: «действия Отдела ОГПУ ни в коем случае не допустимыми и подрывающими авторитет Центральной власти Чечни» [7, л. 44].

В этих условиях 20 августа Президиум ЧечоблЦИКа постановил по докладу заместителя начальника Чечоблотдела ГПУ Крафта «...считать необходимым продление срока функционирования тройки по внесудебному слушанию на два месяца» с 17/IX-24 г. [8, л. 26].

Руководство страны для придания большей эластичности в проведении политической линии обязал «Юго-Восточное Бюро ЦК следить за тем, чтобы намеченные экономические мероприятия сочетались с проводимыми военными мероприятиями» [9, л. 4].

Показательно, что аналогичное предложение со стороны высших партийных органов ранее не встречалось даже в проектах постановлений.

Изучение партийных документов позволяет сделать вывод о том, что силовой способ решения

проблемы в Чечне был санкционирован в высших эшелонах власти. Данный тезис подтверждает протокол №68 заседания Политбюро ЦК РКП(б) [9, л. 4], состоявшегося 8 февраля 1924 г., где и принимается решение об ужесточении репрессивной политики на Северном Кавказе ввиду усиливавшегося бандитизма. В исследуемое время, по мнению чекистов, эпицентром бандитизма являлась Чеченская область, «которая в силу своих географических, стратегических и других особенностей представляла из себя политическую вышку, определявшую и влиявшую на политическое настроение всех отдельных горских народов...» [10, л. 7].

Отсюда процент «выкорчевки» потенциальных носителей политической воли и национальной идеи в Чечне был выше, чем в других областях Северного Кавказа. Однако столь смелое утверждение мы не можем подтвердить документальными данными ввиду их отсутствия, по крайней мере, в открытых архивах. Те немногочисленные цифры, которыми мы оперируем, не являются исчерпывающими. Основанные на чекистских донесениях они, как правило, недостаточно полно отражают реальное состояние дел, сложившихся в Чеченской автономии. Проблему усугубляет также отсутствие в ЧР своей «Книги памяти» жертв политтеррора.

В конце 1924 г. – первой половине 1925 г. в Чеченской Автономной области устанавливается относительное затишье, оптимально использованное органами ОГПУ для подготовки тотального «разоружения» населения и изъятия потенциальных противников советской власти. Собранный оперативная информация ложится в основу решения комплекса задач, выполнение которых и предопределяет успешность завуалированной под «окружные маневры» чекистско-войсковой операции. В целях повышения эффективности выполнения намеченных задач привлекается имеющийся наличный агентурный и агентурно-информационный ресурс, в том числе и по линии госбезопасности.

Аналитические обобщения, визуально дающие представление о предполагаемой к зачистке территории, ее политико-экономических и топономических особенностях, наличия оружия, оформлялись в специальные анкеты [11, л. 17], которые затем тщательно и всесторонне прорабатывались составом опергруппы и командиром войсковой части [11, л. 15].

Важно при этом подчеркнуть, что подобные «новшества» по ранее проводимым в Чеченской автономии «разоружениям» нам не встречались.

Сосредоточение войск для участия в «учениях» начинается с конца июля 1925 г. С мест дислокации 9-го корпуса прибывают наряды войск для выполнения секретного задания из Краснодара, Дагестана, Новочеркасска и других городов СКК. Костяк ударной группы составили 13-я, 22-я, 28-я стрелковые и 5-я Ставропольская кавалерийская дивизии. Общее число введенных полевых частей в Чечню вместе с войсками ОГПУ насчитывает 9993 военнослужащих: «бойцов – 3136 чел., сабель – 6857 чел.» [12, л. 117]. Малая численность объединенной группировки войск, задействованных в осенних «окружных играх», объясняется специфическим отбором наиболее проверенных, политически и морально выдержанных бойцов. Наше предположение подтверждают ныне рассекреченные документы. Так, согласно архивному источнику, личный состав входящих в 28-ю стр. Горскую дивизию частей: 82-й стр. полк состоял из 360 чел., 83-й стр. полк из 540 чел., а в 84-м стр. полку насчитывалось 310 чел. [13, л. 114].

При разработке плана и разворачивании сил организаторами «маневров» принимаются меры к полной сохранности военной тайны. Вплоть до начала акции руководство ЧечЦИКа во главе с Председателем находилось в полном неведении. Единственно, кто был посвящен в детальный план предстоящих «маневров» был секретарь Чечоргбюро М.А. Энеев.

Разумеется, выбор кандидатуры Энеева был не случаен. Возможно, здесь сыграли свою роль определившиеся в 1924 – первой половине 1925 г. «внутрипартийные трения» за доминирование во властных структурах «партии Эльдарханова» с «партией Энеева», вероятного претендента на роль первого лица в Чечне [14, с. 339].

В подготовке операции организаторами были до мельчайших деталей учтены возможные нюансы. Так, с целью отвлечения внимания населения от передвижения воинских частей «в ходе учений предусматривались общение с населением, вечера самодеятельности, концерты, сближение с местной молодежью».

Таким образом, сочетая организационные вопросы с культурно-массовыми мероприятиями, ОГПУ совместно с военным командованием к середине августа завершили блокирование районов, включая и самые отдаленные села, перекрывая возможные пути сообщения между ними.

С 22 августа войска приступают к выдвиганию на позиции согласно утвержденному «на заседании бюро Сев. Кав. Крайисполкома от 25 июля» плана операции. В течение почти трех не-

дель, с 25 августа по 12 сентября, Чечня представляла собой «учебный» полигон, где развернутые в боевом порядке крупные соединения отрабатывали двухсторонние тактико-специальные задачи над «условным» врагом.

Сущность проводимых «войсковых учений» была предельно проста и эффективна с точки достижения конечного результата. Стремительное окружение сел с последующим ультимативным требованием выдать указанное в «анкетах» оружие не вызывало сомнения в решимости командования выполнить приказ.

При этом важно подчеркнуть, что согласно инструкции, инициатива ввода полевых войск на территорию Области исходила от Чеченского исполкома, от имени которого велись «все переговоры с местным населением, приказы и распоряжения...» [13, л. 102].

Тем самым ЦИК, как официальный орган, в глазах общественности, бесспорно, дискредитируется. Политическое новаторство, примененное центром, переводит т.н. «разоружения» в новое качественное состояние – в политическую плоскость. Это обстоятельство, впрочем, быстро уяснили местные товарищи. «Они думают: вам /командованию/ хорошо быть настойчивым в отношении репрессий, вы сделали свое дело и ушли, а нам придется здесь оставаться и работать» [15, л. 45]. В этой фразе прослеживается сложившаяся из конъюнктурных соображений ситуация, в которую волей судьбы оказалась втянута местная власть.

В ходе чекистско-войсковой операции 101 из 242 селений подверглось артиллерийско-пулеметному обстрелу, а 16 – бомбоштурмовым ударам с воздуха. Арестованные при осуществлении операции свыше трехсот человек почти все были расстреляны. Среди них в основном были сдобородые старики, один из которых, Гайтаев Белан-Хаджи, разменял уже восьмой десяток лет [16, с. 117].

Следует подчеркнуть, что основная масса репрессированных «бандитов» не только не совершала инкриминируемых им преступлений, но и была весьма далека от политики.

Д.Ж. Гакаев, один из первых среди чеченских ученых затронувший в своих «Очерках» «разоружение» 1925 г., так оценил сущность военной кампании: «Результаты действия войск против чеченского народа... без всякого сомнения, могут быть отнесены к разряду этноцида» [17, с. 88].

Собственно бандитизм в Чечне не превышал в процентном отношении показатели уголовной

статистики по СКК. По данным ПП ОГПУ на 1 августа 1925 г. в ЧАО значились две банды с уголовно-политической окраской: Саид-Хасана Кагирова и Хожи Эстамирова (15 сабель с двумя пулеметами).

Кроме того, на сопредельной с Ингушетией границе действовала политбанда «залетного» Темирхана Шипшева при восьми саблях. Всего в обозначенный период в Северо-Кавказском крае чекистскими аналитиками отмечено 17 банд (12 на твердом учете, 5 на условном) [18, л. 29–30].

15 сентября 1925 г. на заседании бюро Северо-Кавказского краевого комитета были заслушаны итоги чекистско-войсковой кампании. Обращает внимание выдержка из постановления: «Считать, что с арестом Шериповых и Гайсумовых кампания массовых репрессий может быть закончена. По поводу Гоцинского и Али Митаева внести в ЦК предложение о расстреле, не предвешая по суду или во внесудебном порядке. Считать политически нецелесообразным освещение в печати и докладах вопроса об операции в Чечне, обратив внимание на сохранение участниками военной тайны.

О расстрелянных ОГПУ в Грозном объявлять устно только членам их семей, если со стороны таковых будут вопросы» [19, л. 3].

Итак, успешное завершение тотальной чистки 1925 г. положило начало целенаправленному процессу устранения с политической арены реальных и вероятных носителей национальной идеологии. Черты, характеризующие ментальность народа, равно как и горское традиционное право «адат» и мусульманское судопроизводство «шариат», «были объявлены «буржуазно-националистическими» и религиозными пред-рассудками, пережитками прошлого» [17, с. 84].

В новых условиях востребованными становятся работники, о которых еще на XII съезде РКП (б) говорил Сталин: «умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь» [20, с. 210].

Таким образом, по мере укрепления властных позиций, правящая партия освобождалась от политических лидеров, пришедших к власти на революционной волне, чтобы дать дорогу своим ставленникам, меньше всего занимавшихся проблемами многострадального края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гакаев Д.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2 частях. М.: Издательство ЧКЦ, 1997. 474 с.; Эльмурзаев Ю. Страницы истории чеченского народа. Грозный: «Книга», 1993. 104 с.; Магамадов С.С., Месхидзе Дж.И. Из истории повстанческого движения на Северо-Восточном Кавказе (20-е гг. XX в.) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №2(15). 2011. С. 91–102; Авторханов А.Г. Мемуары. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1983. 609 с.
2. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 246.
3. Данлоп Джон. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. М.: «Р. Валент», 2001. 235 с.
4. Заурбеков М.Д. Шейх Али Митаев: патриот, миротворец, политик, гений – эталон справедливости и чести. Элиста, 2008. 240 с.
5. Тайны национальной политики ЦК РКП. «Четвертое совещание ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г.»: стенографический отчет. М.: Инсан, 1992. 296 с.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 538.
7. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 144.
8. ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 26.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 416.
10. ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 140. Д. 1132.
11. АУП ЧР. Ф. Р-1299. Оп. 1. Д. 17.
12. ЦДНИРО. Ф. Р-1206. Оп. 1. Д. 26.
13. АУП ЧР. Ф. Р-1299. Оп. 1. Д. 23.
14. Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. Политическое развитие Чеченской автономии в первой половине 1920-х годов // Труды КНИИ РАН. №6. 2013. С. 335–341.
15. АУП ЧР. Ф. Р-1299. Оп. 1. Д. 24.
16. Дендиев К.Г., Осмаев А.Д. К вопросу о репрессивной политике в Чечено-Ингушетии в 1920–30-х гг. // История науки и техники. №7. 2012. С. 116–120.
17. Гакаев Д.Ж. Очерки политической истории Чечни (XX век). В 2 частях. М.: Издательство ЧКЦ, 1997. 474 с.
18. ЦДНИРО. Ф. Р-1206. Оп. 1. Д. 22.
19. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6.
20. Сталин И.В. Собр. соч. Т. 5. ОГИЗ. М., 1950. 446 с.

О РИТУАЛЕ «УМЕРЩВЛЕНИЯ СТАРИКОВ» В НАРТИАДЕ

© З.В. КАНУКОВА, Е.Б. БЕСОЛОВА

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра РАН, г. Владикавказ

ON THE RITUAL OF "MORTIFICATION OF OLDER PEOPLE" IN NARTIAD

© Z.V. KANUKOVA, E.B. BESOLOVA

V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies,
The Branch of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS, Vladikavkaz

Аннотация. В статье речь идёт об архаическом ритуале «добровольной смерти», существовавшем почти у всех народов, в том числе и кавказских. В эпоху повышенной военной активности на закате первобытнообщинного строя, когда в мужчине ценилась в основном только военная доблесть, стариков за бесполезность убивали. В оценке данного явления авторами статьи прочитывается как увязка с суровыми условиями жизни архаических и примитивных обществ, так и фольклорно-мифологический мотив. Эпос осетинского народа «Нарты кадджытæ», или «Нартовские сказания», донес до современности явления духовной и материальной жизни народа, корни которых тянутся в ранних архаических ритуалах и временных напластованиях, обусловленных языческими верованиями и религиозной мифологией. Авторы, убедившись, что утрачены не все символы древнего ритуального обряда убийства старцев, попытались реконструировать его более древние семантические структуры в цикле сказаний об Урызмаге, символически прочитав ритуал и рассмотрев обряд в типологическом аспекте.

Ключевые слова: Нартовский эпос, добровольная смерть, ритуал, рождение через смерть, напиток бессмертия.

Abstract. The article deals with the archaic ritual of "voluntary death", which existed in almost all nations, including the Caucasus. In the era of increased military activity at the decline of the primitive communal system, when only the military valour was valued in men, older people were killed for uselessness. The authors of the article attribute this phenomenon to the harsh conditions of life of archaic and primitive societies, as well as a folklore and mythological motive. The epic of the Ossetian people, "Narty kadjyt" or "Nartovsky legends", brought to the present day the phenomena of the spiritual and material life of the people, whose roots lie in the early archaic rituals and temporary strata caused by pagan beliefs and religious mythology. The authors make an attempt to reconstruct ancient semantic structures of the ritual ceremony of the mortification of older people in the cycle of legends about Uryzmag, reading the ritual and considering it in typological aspect.

Keywords: Nart epos, voluntary death, ritual, birth through death, immortality drink.

Обряд ритуального убийства стариков в Нартиаде, встречающийся в эпосе многих народов, и ритуал умерщвления правителей по причине их одряхления [3, с. 299–332] типологически, несомненно, сходны. В этой традиции нартов исследовательский интерес вызывают древнейшие представления и первобытное мировосприятие, переданные мифом. Исходя из положения, что мифологическое мышление не всегда следует за рациональным сознанием, порой даже опережает, и что «истоки религии находятся не на небе, а на земле» [4, с. 25], мы рискнули «прочитать» сохранившиеся сюжеты о «добровольной смерти» стариков.

Из всех национальных версий Нартиады удалось извлечь два самостоятельных сюжета по обычаю умерщвления старцев.

В адыгских, абхазских и абазинских версиях сказаний самого старого нарта сбрасывали живым в пропасть. Когда нарт Бадына (вариант: дед) одряхлел, то сын (вариант: внук) посадил его в корзину, поднялся на вершину Горы старости и скинул её в глубокую расщелину. Но корзина с отцом зацепилась за пенёк, и старик, засмеявшись, заметил сыну, что и для него наступит тот день, когда и его сын сбросит его с этой самой горы, и, возможно, корзина с ним также зацепится за этот пень. Сын призадумался над словами отца, под-

нял его и отнёс в горную пещеру, а пустую корзину бросил в пропасть. Ежедневно приносил отцу еду, и когда нартов постигли несчастья, то только мудрый совет старца-отца помог нартам возродить потерянное. И вот с тех пор нарты перестали убивать стариков [6, с. 149–150].

Смех старца на пороге смерти существовал также в традиции многих народов: ср. «У древнейшего населения Сардинии <...> существовал обычай убийства стариков. Убивая стариков, громко смеялись» [5, с. 188]. В ней, по мнению учёных, запечатлены «следы семантики архаичного обряда» [6, с. 150].

Нартовский эпос сохраняет лишь далёкий отголосок древнего обряда, надлежащего рассмотрению в типологическом контексте древнего ритуала. К примеру, сардонический смех имеет аналогии и в адыгских версиях нартовского эпоса: «Нарты, прежде чем убивать своих стариков, устраивали пир, развлекались, причём и сами старики, обречённые на смерть, веселились на этом пиру» [6, с. 147].

В.Я. Пропп утверждает, что «смех создаёт жизнь, он сопутствует рождению и создаёт его. А если это так, то смех при убивании превращает смерть в новое рождение, уничтожает убийство. Тем самым этот смех есть акт благочестия, превращающий смех в новое рождение» [5, с. 187]. Смех сардов при смерти стариков, как и поздние случаи смеха на похоронах у других народов, по мнению известного фольклориста, объединены общей закономерностью, дающей право считать смех магическим средством создания жизни [5, с. 188].

В адыгских версиях нартовских сказаний сохранился и суровое осуждение этого жестокого обряда: «...суть обычая убивать стариков <...> вряд ли можно свести лишь к презрению к смерти» [6, с. 147], и поэтому нартам адыгских версий удаётся упразднить обычай убийства стариков, используя их же ум и мудрость. Эпосоведы замечают, что исключение составляет «одно сказание, записанное у адыгов, проживающих в Сирии. Согласно этому сказанию (содержащему инновационные элементы), после длительной жизни (до тысячелетнего возраста) немощные старики сами обращаются к главе нартов с просьбой созвать совет, где они во время пира добровольно уходят из жизни» [6, с. 148].

Ж. Дюмезиль в книге «Скифы и нарты» приводит записи древних греков (Плиния, Помпония Мелы), свидетельствующие о том, что скифы, не желая стареть, бросались в море с высоты скалы, а у Валерия Флакка зафиксировано, что у сарма-

тов старики заставляли убивать себя мечами своих же сыновей [7, с. 199].

В оценке данного явления, воспринимаемого большинством исследователей отнюдь не как фольклорно-мифологический мотив, лежит, по мнению Ю.Ю. Карпова, не только увязка с суровыми условиями жизни архаических и примитивных обществ, но преимущественно с особенностями хозяйственного и общественного укладов жизни, а также сопутствовавшими им культурами и ритуальной практикой [2, с. 138–139]. Не лишено аргументации и народное объяснение обычая убийства стариков, согласно которому, только души тех, *кто умирал достойной смертью, обретали своё повторное существование*. К примеру, в эпоху повышенной военной активности на закате первобытнообщинного строя, когда в мужчине ценилась в основном только военная доблесть, стариков за бесполезность убивали. В частности, у алан считался «счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов» [1, с. 224].

В Нартовском эпосе осетин инициатива *добровольной смерти* исходит от самого нарта – стареющего Урызмага:

«Одряхлел нарт Урызмаг, надломилась его силы, не ходил он больше в походы. Перестала нартская молодёжь спрашивать у него совета, а нашлись и такие юноши, что смеялись над Урызмагом. С утра уходил нарт Урызмаг на ныхас и проводил там целые дни, слушая новости, которые рассказывали люди. Глядел, как состязается в стрельбе из луков нартская молодёжь, вспоминал свои молодые годы и грустил о том, что никогда они не вернуться.

– Эх, если бы ещё раз сходить мне в поход! – воскликнул раз Урызмаг и пошёл на большой нартский ныхас. Тут сидела нартская молодёжь. И сказал ей Урызмаг:

– С детства до самой старости все силы разума своего щедро отдавал я вам, а теперь старая голова моя стала для вас обузой, и нет от меня больше проку. Потому прошу я вас: сколотите большой и крепкий сундук, положите меня в него и бросьте в море. Нельзя меня хоронить на кладбище нартов.

Тут некоторые юноши сказали:

– Как станем мы жить, если не будет с нами мудрого Урызмага, который наставлял нас на разум?

Но слышны были и другие голоса:

– Совсем уже состарился он и ни на что теперь не годен.

Никто не решился исполнить волю Урызмага. И на следующий день, придя на ныхас, Урызмаг опять стал просить, чтобы сделали сундук, положили его туда и бросили в море.

Видят молодые нарты, не уговоришь старика.

На третий день сколотили они сундук, положили туда Урызмага, дали ему на неделю еды, плотно закрыли крышку и бросили сундук в море» [8, с. 108–109].

Наше внимание в данном отрывке привлекла лексема сундук «чырын», которая в осетинском языке встречается также в значении «гроб» в сказании «Уырызмаджы фæстаг балц» («Последний поход Урызмага»): «Нарты ныхасмæ рацыдис Уырызмаг дьууæ лæдзæджы 'нцой æмæ загъта Æртæ Нартæн:

– Мæ чысылæй мæ зæронды бонмæ уын мæ зонд нукуы бахæлæг кодтон. Гъе ныр уын мæнæй пайда нал ис, æмæ мын саразут æнгом цæнгæтæй чырын æмæ мæ уым нывæрут æмæ мæ денджызы баппарут: мæнæн нарты уæлмæрдты нæй ныгæнæн.

Кæстæртæ загътой:

– Нæ зондамонæг Уырызмаг нæ уæлийæ куы нæ уа, уæд цæрынæн ницы бакæндзыстæм.

Æмæ нæ бакастысты йæ коммæ. Уæд та сæм рацыдис дыккаг хатт Уырызмаг æмæ та сын загъта:

– Цæмæн мæ фыдæбонæй марут? Саразут мын чырын æмæ мæ баппарут денджызы.

Гæнæн куы нæуал уыд, уæд ын Æртæ Нарты саразынц цæнгæтæй чырын, сифтындынц ын хæдзарæн цæд, аласынц æй æмæ йæ дынджыр денджызы баппарынц Уырызмаджы» [9, с. 139]. – «Вышел Урызмаг на нартовский ныхас, опираясь на две палки, и сказал Трём [фамилиям] Нартов:

– С юности до старости никогда не жалел я для вас своего ума, теперь же нет вам от меня больше пользы, и сделайте мне из плотного чугуна гроб, положите туда и в море киньте: нельзя меня хоронить на нартовском кладбище.

Младшие сказали:

– Не будет во главе нас мудрого [наставника] Урызмага, так и жизни для нас не будет. – И не послушались его.

Во второй раз к ним вышел Урызмаг и снова сказал:

– Зачем вы меня мучаете? Сделайте мне гроб и в море бросьте!

Делать нечего, делают нарты [из Трёх фамилий] ему чугунный гроб, с каждого дома по паре быков запрягают, отвозят Урызмага и в большое море бросают» [10, с. 80].

Но в роли вместилища в разных вариантах и версиях сказаний о нартах выступает, помимо сундука, гроба, **бурдюк из кожи коня** Урызмага:

«Когда снежнобородый Урызмаг пришёл в глубокую дряхлость и перестал участвовать в наездах нартовских, то он только тем развлекал себя, что выходил на нартовский ныхас и целый день слушал рассказы и смотрел, [как] стреляет нартовская молодёжь. Урызмаг под старость стал посмешищем нартов, молодёжь стала плевать на него и обтирать [об него] грязь своих стрел. Наскучили Урызмагу насмешки нартов. С досадой приходит он к своей жене Сатане и говорит ей:

– Я был главой нартов, водил их во все наезды, а теперь я состарился и одряхлел. В наездах с нартами я не участвую, сижу по целым дням в ныхасе, и нарты надо мной смеются. Желал бы я видеть свою смерть, но бог мне её не даёт.

– Да что ты так сильно горюешь и досадуешь, – сказала Сатана, – ведь есть же поговорка: и камень стареет, и дерево стареет. Ты в своё время жил между нартами мужем, а теперь дошёл до старости. Что тебе горевать и тужить, что ты живёшь так много, наш старый муж, – сказала Сатана.

Тогда Урызмаг отвечал:

– Такая жизнь среди нартов для меня будет невыносимой, а если смерть моя ещё будет далека, то, чтобы не подвергаться ежедневно насмешкам нартов, я готов, прежде чем настанет час смерти, утопить себя в море и там закончить свои последние старые дни!

И вот, таким образом, Урызмаг приказал зарезать своего коня, сделать из кожи бурдюк, зашить его [в бурдюк] и забросить в море. Засадили Урызмага в бурдюк, зашили бурдюк и забросили в море» [10, с. 83].

Или из **шкуру** самого большого **буйвола (быка)**: «...Мæнæн мæ цардæй мæ мард хуыздæр у. Нæ къамбецтæй стырдæр чи у, уый мын аргæвдут. <...> Йæ царм ын къупристыгъд бакæнут, боньцъæхмæ мын дымстæй куыд лæууа, афтæ. <...> Райсомы бон æрбацъæх, афтæ мæ къуприйы æд хæринагтæ цæвæрут. Ахæссут мæ æмæ мæ дæлæ фурды баппарут: æз сæфинаг дæн, æмæ куыд фесæфон, афтæ» [11, с. 398]. – «Мне лучше умереть, чем так жить. Зарежьте самого большого из наших буйволов. <...> Шкуру его счистите как для бурдюка, так, чтобы до рассвета она стояла надутой. На рассвете положите меня с едой в бурдюк. Отнесите меня и закиньте в море: я достоин гибели, и я должен исчезнуть»;

Или из **молодого бычка**, пригодного к упряжи: «(Сатана) <...> сыстадис æмæ бавнæлдта

лагма ама йа лаппудаст аеркодта, лаппуйы хуызан ай аргацаразта: аенгом аэгънаг, аенгом саетаггай. Аргавста ифтындзинаг уаеныг ама йа лалымыстыгъд бакодта. Лаппуйы хуызан ай (Уырызмаджы – Авт.) уым цаваердта ама йа доны баппарста. Дон ай аласта лалымы...» [11, с. 417]. – «(Сатана) встала и принялась за мужа, и побрила его под мальчика, принарядила словно парня: наглухо застёгнут, плотно обтянут (букв. без зазора застёгнут, без зазора закрыт). Зарезала молодого бычка, пригодного к упряжи, и очистила шкуру для бурдюка. Словно парня (мальчика) положила его в него и бросила в воду. Вода унесла бурдюк» (перевод наш. – Авт.).

При внимательном прочтении сохранившегося «осколка» древнего ритуального обряда в цикле сказаний об Урызмаге выявляется, что утрачены не все символы ритуала. Это делает возможной не только реконструкцию его более древних семантических структур, но и даёт надежду на рассмотрение его в типологическом плане и на символическое прочтение ритуала добровольной смерти стариков.

Анализ мифов, как известно, есть средство выявления первичных структур сознания.

Во всех вариантах сказания о последнем балце Урызмага рядом с *вместилищем*, сундуком, гробом, бурдюком, везде и всегда *фурд* «вода», «море», «большая река». Выходит, что жизнь человека, его желания и чувства олицетворяются образом воды-реки, текущей по земле и впадающей в море, воды которого воспринимаются не только как источник жизни, где течение воды ассоциируется с течением времени, но и как цель. К морю, к этой таинственной бесконечности, устремлена жизнь, и из неё она и проистекает. Культ воды – самый священный: она имеет спасительную силу; древние говорили о возрождающем и омолаживающем её действии.

В мифопоэтическом мышлении все боги, живущие в море, являются солнечными символами. Чтобы совершить переход, они, боги, пользуются сундуком, корзиной с крышкой, стволом дерева или лодкой, то есть предметами, которые символизируют *материнскую утробу* и готовятся перенести соответствующие лишения.

Мифологема «*возвратиться в море*» равнозначна другой – «*вернуться к матери*» – и имеет смысл: *умереть, чтобы родиться вновь*.

Известно, что путешествие, направление которого всегда противоположно видимому дневному движению солнца, представляет собой эволюцию, переход от одного состояния к другому. Именно по этой причине обряды инициации ча-

сто принимают форму «символических путешествий», начинающихся во тьме нижнего мира (или даже в утробе матери). Испытания, отмечающие стадии путешествия, считаются обрядами очищения.

Заметим, что в мифопоэтическом мышлении и сундук, и гроб, и бурдюк, представляющие собой *вместилища, которые можно закрыть*, считаются женскими символами и часто связываются с рождением и символом воды; например, во многих мифах новорождённых, поместив в корзину, бросают в воду, но, чудесно спасённые, они становятся царями и т.д.

Предполагаем, что в приведённых отрывках из сказаний и конь, и буйвол (бык), и молодой бычок приносились Урызмагом в жертву богам как искупительная жертва: «Искупительными ритуальными убийствами, сопровождаемыми различного рода унижениями жертвы: бранью, плевками, ударами хлыста и т.д., обеспечивали себе спасение, одновременно очищаясь от позора» [12, с. 184].

Кожа коня, шкуры быка-буйвола, молодого бычка ассоциируются с идеями рождения и возрождения. Количество шкур соотносится с тройной природой человека – телом, душой и духом, причём символизм шкур появился из ритуала, известного как «проход через шкуру», который фараоны и жрецы использовали, чтобы омолаживаться [13, с. 211].

Путь от рождения к смерти, как известно, пролегает в видимом человеком земном мире. Конечно же, труднее всего постичь обратный путь, *тот путь от смерти к рождению*, который, с позиций гарантий бессмертия, намного значимее. И тогда возникает *образ матери*, лишь в *чреве* которой человек защищён от всех невзгод земного мира с его жестоким фрондерством: «Только в лоне матери эти оппозиции гармонично слиты и способны даровать состояние абсолютного комфорта и покоя» [14, с. 42]. Но чрево матери не только укрывает человека, но и вновь рождает, выпуская его из невидимого рая в этот земной мир с его вечными противопоставлениями [15, с. 82]. В итоге, «*конец путешествия выражает возрождение и преодоление смерти*» (выделено нами. – Авт.) [13, с. 324].

Миф о рождении через смерть ясно просматривается во всех вариантах сказания о последнем походе за добычей Урызмага.

Образ коня, как известно, в индоиранской традиции имеет солнечную природу или тождественен солнцу. Заметим, что, по В.В. Иванову и В.Н. Топорову, «символическое значение коня

значительно шире с точки зрения его ассоциации с огнём (Агни) в его всевозможных проявлениях, в том числе с жертвенным огнём в обрядовой церемонии» [16, с. 48]. Бык же в мифопоэтическом сознании представляет собой зооморфный символ луны, темноты и жидкой субстанции – божественного напитка сомы/хаомы. В разных вариантах сказания «Последний поход (балц) Урызмага» мы столкнулись с символическим соединением образа коня и образа быка, что в космогоническом отношении прочитывается как единство двух изначальных природных стихий: света и мрака, огня и воды, а в ритуальном плане выражает взаимосвязь жертвенного огня и жертвенных возлияний. Но конь и бык соотносятся также и с двумя противоположными социальными группами: конь – с воинами, а бык – с фигурой жреца. Данное обстоятельство даёт право предположить, что в образе Урызмага слиты три функции: *родоначальника нартов, воинская и жреческая*.

Ещё М. Элиаде считал, что любой ритуал воспроизводит мифологический архетип [17]. В Калевале изобретение пива отнесено к временам родоначальника финских героев Калевалы, а в Авесте первым, изготовившим священный напиток хому (сому), оказывается родоначальник людей Йима <...> [1, с. 164], добавим, что в Нартиаде родоначальник нартов и людей Урызмаг первым изобрел «напиток бессмертия» – *æлутон, хмельной напиток нартов, приготовлявшийся из мёда*. С мёдом, символом мудрости, связывают возрождение или перемены личности после инициации, что сопоставимо с очищением огнём. О древности этого слова, означающего *божественное питьё, ритуальный напиток*, писал и проф. Т.А. Гуриев [18].

В языческом сознании наблюдается уравнивание жидкости с речью; это входило в состав понятий, группировавшихся вокруг культа Сомы: «Сома есть жидкость – текучая, очищающаяся, но Сома – не только жидкость, это и поэт, певец. Ср. в связи с этим: осет. *don* «вода», но латыш. *daina* «песня» [19, с. 76]. Воды невидимого высшего мира производят сому, напиток богов, нектар, необходимый элемент ведического жертвоприношения, жизненный сок; ср. как Индра завладел сомой; Один заполучил хмель поэзии.

Через обряды инициации, принявших в отрывках из сказаний о последнем походе Урызмага форму «символических путешествий», начинающихся в утробе матери, через обряды очищения мы констатируем его, Урызмага, родоначальника-старца, возрождение, а это символизировало

рождение столкновение морских волн, символов чистоты; ср. тох. *A war* «вода», но осет. *aryn* «рожать» [19, с. 78].

Но это рождение обеспечивает и *смех*, если понимать его в качестве *магического средства создания жизни*. Ср.: «Без него (пира) не обходится ни одно существенное смеховое действие. <...> Смех снижает. <...> Снижая, и хоронят и сеют одновременно, умерщвляют, чтобы родить сызнова лучше и больше» [20, с. 28, 308].

Таким образом, в обряде убийства стариков в его наиболее древних семантических структурах усматривается архаичная ритуальная функция их возрождения [21, с. 177]; наблюдается вхождение в мир через космогонические источники ритуала, через возвращение к первоначальному состоянию (воде), источнику рождения.

Бурдюк, упоминавшийся в вариантах сказания о последнем балце Урызмага, в мифопоэтическом мышлении представляет собой соединение двух начал: мужского и женского, а как вместилище олицетворяет женское лоно. Но *бурдюк* имеет ещё и прагматическое назначение: мешок из шкуры животного для хранения и перевозки жидкости, поэтому ассоциируется с жертвоприношениями в виде ритуального напитка (*сомы/хаомы, æлутона*) и восходит к жреческой функции.

Данный факт даёт основание для заключения, что именно Урызмаг является олицетворением трёхчленной мифологической и социальной структуры нартовского общества, соединяя в себе функции родоначальника нартов, воинское и сакральное начала.

Итак, анализ сюжетов о ритуальном убийстве старцев выявил, что для мифопоэтического, или космогонического, исторического периода типично наличие параллелей между макрокосмическими и человеческими принципами мироустройства.

В сказаниях о нартах изобретение целительного напитка живой воды, «напитка бессмертия» – *æлутон* – связано с сакральной фигурой воина и жреца, родоначальника нартов Урызмага.

Думаем, прав И.В. Манзура, заявляющий, что «человеческий фактор действительно должен занимать значительное место в мифологическом сюжете, потому что создание универсального мирового порядка подразумевает установление не только космических законов, но и соответствующих социальных, моральных и ритуальных норм, которые регулировали бы жизнь общества» [14, с. 42].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990.
2. *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк: мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
3. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1986.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-ое. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. III.
5. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Нартский эпос: язык и культура. М.: Наследие, 1998.
6. *Пропт В.Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.
7. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990.
8. Сказания о нартах: осетинский эпос // Пер. с осетинского Ю. Либединского. М.: Советская Россия, 1973.
9. Нарты. Осетинский героический эпос в трёх книгах. Кн. 1. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.
10. Нарты. Осетинский героический эпос в трёх книгах. Кн. 2. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.
11. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. I. Дзæуджыхъæу: Ирыстон, 2003.
12. *Жюльен Надя.* Словарь символов. Челябинск: Изд-во «Урал Л.Т.Д.», 1999.
13. *Кирло Х.* Словарь символов. 1000 статей о важнейших понятиях религии, литературы, архитектуры, истории. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.
14. *Манзура И.В.* Археология основного мифа // Стратум: структуры и катастрофы: сборник символической индоевропейской истории. СПб: «Нестор», 1997.
15. *Бесолова Е.Б.* Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
16. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.
17. *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.
18. *Гуриев Т.А.* Кто есть кто в аланской Нартиаде. Словарь. Владикавказ, 1999.
19. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1966.
20. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Изд. 2-ое. М., 1990.
21. *Налоев З.М.* Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик, 1985.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНСКОЙ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ

© М.К. ОСМАЕВ

Чеченский государственный университет, г. Грозный

ON THE ISSUE OF CHECHEN FOLK MUSIC HISTORY

© M.K. OSMAEV

Chechen State University, Grozny

Аннотация. Процесс формирования чеченской народной музыки рассматривается автором как часть более широких культурных процессов, происходивших в чеченском обществе в XVI–XVIII вв. Именно в указанный период (в основном) сложилась традиционная чеченская культура, в свою очередь, оказавшая определяющее влияние на формирование чеченской ментальности и национальной самосознания. Чеченская народная музыка представлена как органическая часть всей национальной культуры, соответствующая достигнутому на тот момент социально-культурному уровню развития чеченского общества. Кроме того, на развитие чеченской народной культуры, в том числе музыкальной, серьезно повлиял процесс широкой исламизации чеченского общества. В частности, это привело к исчезновению некоторых жанров, тесно связанных с исполнением языческих ритуалов, например, так называемых «врачевальных» песен. Вместе с тем, на основе старинных песенных традиций развился новый вид религиозных песнопений – назма, содержание которых полностью соответствует нормам исламской религии. Еще одним следствием исламизации чеченского общества стало усиление элементов развлекательности в чеченской народной музыке. В целом чеченская музыка отличается многообразием форм ладовой и ладотональной переменности, наличием ладов с варьирующимися ступенями, а также особым минорным ладом, объединяющим признаки дорийского и фригийского. Встречаются также лады мажорного наклонения, чаще всего миксолийский. Свои отличительные особенности имеет также чеченская танцевальная и вокальная музыка. Для последней характерна декламационная выразительность, простота и ясность мелодического очертания, четкость строфической формы и естественность ладового мышления, непосредственно связанного с интонационным своеобразием мелодии. Отметив отличительные черты чеченской народной музыки, выделяющие ее на фоне музыки других народов Кавказа, автор особое внимание уделил жанровому разнообразию чеченской музыки, что уже само по себе указывает на достаточно высокий уровень развития социальных отношений и насыщенности культурной жизни чеченского общества того времени. Например, наличие отдельного жанра маршевой музыки отражает не только общую военизированность быта, но и значимую роль военных предводителей бабчи. С другой стороны, появление жанра диалоговых песен, исполнение которых сопровождалось танцами и элементами театрализованного действия, подтверждает высокий для своего времени уровень развития народной культуры. В пользу этого говорит и наличие в чеченском языке развитой музыкальной терминологии, а также достаточно широкого набора музыкальных инструментов.

Ключевые слова: чеченская народная музыка, песенные жанры, вокальное искусство, песенный фольклор, музыкальный инструмент, обрядовые песни, лирико-эпические песни, народные новеллы.

Abstract. The process of forming Chechen folk music is considered by the author as part of broader cultural processes taking place in Chechen society in the 16th and 18th centuries. The traditional Chechen culture was developed during this period, which in its turn had a decisive influence on the formation of Chechen mentality and national self-consciousness. Chechen folk music is represented as an organic part of the entire national culture, corresponding to the socio-cultural development level of Chechen society that was reached at that time. In addition, the development of Chechen folk culture, including a musical one, was seriously influenced by the process of widespread Islamization of Chechen society. In particular, this led to the disappearance of some genres, closely associated with the performance of pagan rituals, for example, so-called "healing" songs. At the same time, on the basis of ancient song traditions, a new kind of religious hymns was developed – a nazma, the content of which fully corresponds to the norms of

*Islam. Another consequence of the Islamization of Chechen society was the enhancement of entertainment element in Chechen folk music. In general, Chechen music is distinguished by a variety of forms of tonal variability, the presence of tonality with varying degrees, and the special minor mode combining the signs of the Dorian and the Phrygian. There are also modes of the major mood, most often the Mixolydian. Chechen dance and vocal music also have their distinctive features. The latter is characterized by declamatory expressiveness, simplicity and clarity of the melodic outline, the clarity of the stanza form and the naturalness of the tonal thinking, directly related to the intonational originality of the melody. Noting the distinctive features of Chechen folk music, the author pays special attention to the genre variety of Chechen music that indicates a sufficiently high development level of social relations and the richness of the cultural life of Chechen society at that time. For example, the existence of a separate genre of marching music reflects not only the general militarization of everyday life, but also the significant role of the *baqchi's* military leaders. On the other hand, the emergence of dialogue songs, the performance of which was accompanied by dances and elements of the theatrical action, confirms a high development level of folk culture for that time. There are also a developed musical terminology and a sufficiently wide range of musical instruments in the Chechen language that speak in favour of it.*

Keywords: Chechen folk music, song genres, vocal art, song folklore, musical instrument, ritual songs, lyrical and epic songs, folk novels.

XVI–XVIII вв. стали важным этапом в истории развития чеченской музыкальной культуры. Достаточно сказать, что именно в этот период были заложены основы современного чеченского национального музыкального искусства. Вместе с тем, историю чеченской народной музыки XVI–XVIII вв. нельзя рассматривать в отрыве от общих культурных процессов, происходивших в чеченском обществе указанного периода. Народная музыка являлась частью более широкого феномена – чеченской традиционной культуры, которая, в свою очередь, сыграла определяющую роль в формировании национального самосознания. Такой подход, с одной стороны, позволяет рассматривать народную музыку как органическую часть всей чеченской культуры, с другой – показать соответствие чеченской культуры уровню социально-культурного развития чеченского общества в целом. Таким образом, история чеченской музыкальной культуры позволяет составить достаточно адекватное представление о менталитете чеченского народа, его мировоззренческих установках, верованиях и традициях.

Развиваясь в рамках общекавказской музыкальной культуры, чеченская народная музыка шла своим особым путем, что определило ее духовное, эстетическое, стилистическое и жанровое своеобразие. Самобытность чеченской народной музыки объясняется многими причинами, в том числе общего культурологического характера.

Все эти вопросы до настоящего времени оставались без должного внимания со стороны исследователей. Так же, как и вопрос о степени воздействия исламской религии и исламских традиций на развитие чеченской музыкальной культуры.

Художественные особенности и жанровое разнообразие, считающиеся характерными чер-

тами чеченской народной музыки, сформировались в XVI–XVIII вв., когда общее усиление влияния ислама на жизнь чеченского общества серьезно отразилось и на процессе развития народного творчества, в том числе музыкального. В этот период постепенно теряли свои позиции некоторые песенные жанры, тесно связанные с исполнением языческих ритуалов и обрядов. Но общая тенденция состояла в том, что древние жанры чеченской народной музыки (особенно песенные) обретали принципиально новое смысловое содержание, соответствующее исламскому мировоззрению.

Примечательно, что процесс «исламской» модернизации чеченской народной музыки одновременно привел к усилению в ней элементов развлекательности.

Достаточно высокий уровень развития чеченской народной музыки подтверждается использованием широкого набора разных видов музыкальных инструментов (духовых, струнных, ударных), а также наличием соответствующей разнообразной терминологии: *мукам* – музыкальный тон, мотив, мелодия; *илли* – героико-эпические песни, *узам* – мелодия, напев (термин *узам* употребляется также для обозначения отдельного жанра лирико-эпической песни), *назма* – песни религиозного содержания и т.д. Стоит обратить внимание на наличие, как минимум, трех терминов для передачи понятия «песня» – *йили*, *эшар*, *йир*, но очевидно, что в прошлом эти термины заметно различались. Высказывалось предположение, что термином *эшар* (мн. число – *эшару*) обозначались песни с закреплённым текстом, включая традиционные любовные женские песни, в то время как термин *йили* объединял песни, текст которых полностью или частично импровизировался исполнителями. Согласно же

другой версии, *эшарш* – это любовные песни с закрепленными текстами и песни шуточного содержания, типа частушек, которые поют только женщины, а *йиши* – песни, тексты которых созданы самими исполнителями. При этом общее мнение состоит в том, что термином *йир* обозначались песни нечеченского происхождения [10, с. 170; 15, с. 252].

По мнению специалистов, чеченская музыка отличается многообразием форм ладовой и ладотональной переменности, встречаются в ней и лады с варьирующимися ступенями. Преобладает особый минорный лад, объединяющий признаки дорийского и фригийского, также встречаются лады мажорного наклонения, чаще всего миксолидийский.

Преобладает диатонический склад, сопоставление гармоний соседних ступеней, кварто-квинтовые и секундо-квинтовые созвучия, двух- и трехголосие в хоровых и инструментальных произведениях. При трехголосном исполнении основная мелодия обычно проходит в среднем голосе и обрамляется квинтой (реже секстой) в крайних голосах. Хроматизмы и увеличенные секунды, характерные для музыки других народов Кавказа, в чеченских мелодиях отсутствуют. Ритмика остра, часто встречается смена размеров и чередование триолей с четным ритмическим делением, особенно в танцевальных мелодиях. В ансамблевом исполнительстве встречаются моменты полиметрии.

Согласно довольно широко распространенной точке зрения, в чеченской народной музыке можно выделить три основных жанра: 1) песни, 2) инструментальные произведения (*ладоглайиши* – «музыка для слушания»), 3) танцевальная и маршевая музыка [7, с. 297].

Согласно другой точке зрения, маршевая музыка (*дошлойнйиши* – «музыка всадников»), исполнявшаяся не только во время передвижения войск, но также на скачках и джигитовке, без которых не обходились крупные празднества) и танцевальная музыка (*хелхарйиши*) составляют два самостоятельных жанра.

Народная инструментальная музыка, как правило, глубоко лирична и нацелена на передачу возвышенных чувств. Существует как сольное, так и ансамблевое исполнение.

Для маршевой музыки характерен четкий «строевой» ритм, подчеркиваемый ударными инструментами в сопровождении духовых. Самая первая нотная запись чеченского маршевого напева сделана в 1847 г. русским офицером Иваном Клингером, попавшим в плен к чеченцам.

Чеченская танцевальная музыка характеризуется сменой трехдольного размера мелодией двухдольного размера и переходами от умеренного к быстрому, стремительному темпу. Оригинальны в танцевальных мелодиях неожиданные перемещения сильных долей тактов, а также смена гармоний на слабых долях такта. Часто встречаются переменные размеры, смена шестидольного размера трехдольным или смешанным размером [7, с. 299–300].

Чеченская народная вокальная музыка отличается декламационной выразительностью, простотой и ясностью мелодического очертания, четкостью строфической формы, естественностью ладового мышления, непосредственно связанной с интонационным своеобразием мелодии [11, с. 145].

В чеченском песенном фольклоре выделяют следующие основные жанры: 1) обрядовые песни, 2) *илли*, 3) *узамаш* (лирико-эпические песни), 4) народные новеллы, 5) лирика. В свою очередь лирика разделяется на: песни социально-политического содержания; бытовые песни; любовные песни; шуточные песни (*забарийнйиши*); сатирические песни; танцевальные песни; лирические плачи (*тийжамаш*) [13, с. 591–592].

Представляется, что приведенная классификация все же не охватывает былого жанрового разнообразия чеченской народной вокальной музыки. В XVI–XVIII вв. еще бытовали такие древние жанры, как: величальные, обрядовые (календарные и свадебные), застольные (*доттаглаллийнйиши*), трудовые, охотничьи, колыбельные (*аганйиши*), диалоговые песни, *белхамаш* или *тийжамаш* (песни-плачи по покойному) и песни-проклятия.

Отдельно стоит отметить существование специфического жанра врачевальной песни, истоки которого лежат в древних языческих представлениях, согласно которым болезнь являлась следствием деятельности потусторонних сил, стремящихся навредить человеку. Чтобы излечить больного, его следовало оградить от сил зла посредством исполнения магических ритуалов, из которых со временем развились врачевальные песни. Глубокая исламизация чеченского общества, происходившая в XVI–XVIII вв., привела к исчезновению врачевальных песен, взамен которых появилась традиция играть у постели больного на различных музыкальных инструментах. Существование в прошлом врачевальных песен косвенно подтверждается наличием «специализированных» мелодий, предназначенных для лечения конкретных болезней. Чеченскими этнографами

зафиксировано, по крайней мере, шесть «врачевальных» мелодий, в том числе мелодия, излечивающая от злокачественной опухоли, или мелодия, приостанавливающая нагноение фурункула или другого нарыва (*IaIarsoцуьйтушйолуйши*) [2, с. 153; 12, с. 170].

Более того, существовало представление о том, что некоторые болезни можно излечить игрой на определенных музыкальных инструментах. Например, чтобы избавиться от гнойных опухолей играли на *дечиг-пондаре* [6, с. 62].

Нельзя исключить возможность существования в прошлом жанра военной песни. В пользу этого предположения говорит тот факт, что некоторым известным чеченским военным маршам соответствовал текст (например, старинный марш Геза-Махьмы). Военные песни могли исполняться не только при движении в конном или пешем строю, но и непосредственно перед боем.

Некоторые из вышеупомянутых жанров исчезли сравнительно недавно. Так, песни-плачи (*тийжамаш*) исполнялись еще в 30-е гг. XX столетия [12, с. 89], а одна из последних исполнительниц песен-проклятий по имени Сапийат из селения Хой пережила депортацию [2, с. 156].

Вокальная чеченская народная музыка отличается разнообразием типов связи мелодии и текста. Исследователи говорят также о наличии сольной и хоровой, одноголосной и многоголосной, мужской и женской традиций исполнения народных песен [7, с. 297]. При этом чеченское многоголосное пение (как и у других народов Северного Кавказа) характеризуется ведущей и относительно самостоятельной партией солиста на общем музыкальном фоне, создаваемым хоровым сопровождением [3, с. 99]. А женское пение отличается глубоким лиризмом и утонченностью музыкальной формы.

В XVI–XVIII вв. дальнейшее развитие получил жанр *илли*, который определяется как героико-эпические объемные драматизированные поэмы [4, с. 94]. Обычно *илли* подразделяются на четыре вида: героические песни, героико-эпические песни, исторические песни, баллады [14, с. 8]. В XVI–XVIII вв. наибольшее распространение получили исторические песни, отразившие народное восприятие длительной героической борьбы против чужеземных и собственных феодалов. Зачастую героями *илли* становились реальные исторические личности, наиболее популярным из которых могли быть посвящены целые песенные циклы. Можно утверждать, что именно в этот период завершилось формирование жанра *илли*.

Главная особенность *илли* в том, что этот жанр вобрал в себя старинные традиции песен-

ного стихосложения, средства художественной выразительности, основной предметный арсенал и пространственно-временные категории [5, с. 37].

Илли (некоторые из них могли содержать более тысячи стихов) исполнялись одним певцом (*илланча*) под аккомпанемент струнного (*дечиг-пондар*) или смычкового инструмента в речитативно-декламационной манере. Причем их тексты не были закреплены за определенными мелодиями.

Успех у слушателей зависел не только от содержания *илли*, но и актерских способностей исполнителя, его умения интонацией голоса передать тончайшие душевные переживания героя. Так, русский исследователь Н. Семенов, в конце XIX в. непосредственно наблюдавший за исполнением *илли*, отмечал переживания сказителя за своего песенного героя, что находило живой отклик у слушателей [8, с. 5].

То обстоятельство, что в исполнении *илли* ведущую роль играла речевая интонация, привело к тому, что ритмика *илли* отличается большим разнообразием. *Илли* – исключительно мужской вокальный жанр.

Еще одним вокальным жанром, появившимся в результате многовековой эволюции народной поэтической традиции, является лирико-эпическая песня *узам* (буквально – «стенание души»). Заслуживает внимания тесная привязанность жанра *узам* к жанру *илли*. Являясь самостоятельным и оригинальным жанром чеченского фольклора, *узамы* зачастую вплетались в поэтическую ткань героико-исторической песни *илли* как своеобразное лирическое отступление главного героя или героини [9, с. 32].

Общая «исламизация» чеченской народной культуры в XVI–XVIII вв., вероятно, дала жизнь такому специфическому песенному жанру как *назма* (религиозное песнопение). Это, пожалуй, единственный жанр чеченской народной музыки, характеризующийся ярко выраженным религиозным содержанием. Но, несмотря на это, в его основе лежат древние традиции языческих хоровых ритуальных песнопений. Широкое распространение жанр *назма* получил со второй половины XIX в. в мюридских общинах кадырийского тариката, а их письменная фиксация относится ко второй половине XX в. *Назмы* традиционно исполняются мужским хором «а капелла» двумя-тремя голосами.

Как уже отмечалось, усиление роли ислама в жизни чеченского общества способствовало трансформации некоторых жанров народной песни. Так, жанр *домтагIаллийнийши* утратил харак-

тер чисто застольных песен и приобрел более широкое содержание.

Изменился характер и диалоговых песен, вероятно, в прошлом также являвшихся частью языческих ритуалов. Теперь эти песни стали частью народных празднеств и молодежных вечеринок (*синкьерам*), что кардинально изменило их содержание, придав им лирический, а подчас и шуточный характер. Вместе с тем, исполнение диалоговых песен приобрело элементы театрализованного действия, включающего также и народный танец. Группа мужчин, пришедших на празднество, заводила «разговор» с группой женщин. Каждую из сторон представляли по одному

певцу, которые поочередно исполняли куплеты, адресованные противоположной стороне. Окончание каждого куплета подхватывалось хором, соответственно, мужским или женским, а паузы между куплетами заполнялись танцами. В целом так завязывалось некое состязание, в котором каждая из сторон стремилась продемонстрировать высокую технику танца и мастерство исполнения песни [1, с. 53].

Таким образом, XVI–XVIII вв. стали периодом, когда сложились основные музыкальные жанры и отличительные черты, считающиеся традиционными для чеченской народной музыки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айдаев Ю.А. Народные истоки чечено-ингушской драмы // Известия ЧИНИИЯЛ. Литературоведение. Т. 5. Вып. 3. Грозный, 1968. С. 53–55.
2. Ахмадов Х.М. В поисках духовных сокровищ // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006. С. 152–158.
3. Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII в. // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006. С. 79–109.
4. Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1968.
5. Демелханов С. Некоторые вопросы типологии эпического творчества чеченцев и его относительная историческая хронология // Вестник ЛАМ. 2006. №32. С. 31–38.
6. Исламов А.А. К вопросу о первобытнорелигиозных представлениях у предков вайнахов // Известия ЧИНИИЯЛ. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т. IX. Ч. 1. Вып. 1. Грозный, 1972. С. 44–69.
7. Музыкальная культура // Чеченцы: история и современность / Сост. Ю.А. Айдаев. М., 1996. С. 297–305.
8. Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Илли. Чеченская народная поэзия [илли, узамы] / Сост. И.Б. Мунаев. Грозный, 2011. С. 4–18.
9. Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия в записях XIX–XX вв.: [илли, узамы]. М., 2005. С. 7–33.
10. Осмаев М.К. Чеченцы: обычаи, традиции, обряды (историко-культурные аспекты проблемы). Грозный, 2015.
11. Татаева С.В. К вопросу о записях и публикации произведений чеченского музыкального фольклора в первой половине XIX века // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XIX – начале XX вв. Грозный, 1981. С. 142–148.
12. Устное творчество чеченского народа. Учебное пособие. Часть первая (Нохчийн халкъан барта кхолларалла. Дешаран пособи. Хьалхарадакъа). Сольжа-Гала, 2012.
13. Чеченский фольклор (Нохчийн фольклор) / Сост., предисл. и коммент. Ш.А. Джамбеков. Грозный, 1991.
14. Чеченский фольклор / Сост. Х.М. Халилов. Махачкала, 1998.
15. Чеченцы / Сост. и общ. ред. С.-Х.М. Нунуев. М., 2008 (Серия «Культурное наследие народов России»).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.351.4

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОНОГРАФИИ Г. ГУМБА «НАХИ:
ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ДО Н.Э.)»

© А.И. ХАЛИДОВ

Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный
Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
Чеченский государственный университет, г. Грозный

THE LINGUISTIC COMPONENT OF G. GUMBA'S MONOGRAPH "THE NAKHS:
ISSUES IN AN ETHNO-CULTURAL HISTORY (THE 1ST MILLENNIUM BC)"

© A.I. KHALIDOV

Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny
Chechen State Pedagogical University, Grozny
Chechen State University, Grozny

Аннотация. В статье отмечается недостаточная аргументированность основных выводов автора (Г. Гумба) об этнокультурной истории нахов с первого тысячелетия до н.э. до позднего средневековья в той части, в которой он делает попытки подкрепить получаемые выводы данными языка. Тот языковой материал, который использует Г. Гумба для обоснования своих этнокультурных и этноисторических выводов (этнонимика и топонимика в особенности), явно недостаточен и не во всем убедителен. Во многих случаях очевидно стремление автора подвести анализ языкового материала под желаемые выводы в пользу определенного этноса, и такой подход привел, например, к многочисленным противоречиям в интерпретации одних и тех же этнонимов в разных частях книги. Предложенное Г. Гумба название древнего нахского государства **Нахаматия** является результатом авторского словотворчества на базе сложного слова **нахамат** (этим словом он заменил более известное в исторической и лингвистической литературе слово **нахчамат**), но ни в лингвистическом, ни в историческом смысле это его «новообразование» не имеет объяснения. Несмотря на это, книга в целом является существенным вкладом в кавказоведение в целом, в том числе и определенным вкладом в лингвистическое кавказоведение. Она производит впечатление фундаментального научного труда, основанного на привлечении большого числа источников, в том числе малоизвестных, но по большей части в смысле ценности привлекаемого материала, источников, а не их интерпретации, прочтений. Эти интерпретации, к сожалению, уже используются для достижения целей, которые имеют мало общего с настоящей наукой.

Ключевые слова: Кавказ, нахи, нахские племена в древности, этногенез, древняя история, древняя государственность.

Abstract. This article notes that, based on weak arguments, G. Gumba's general conclusions about the ethno-cultural history of the Nakhs from the 1st millennium BC to the late Middle Ages are not worthy of acceptance, in the part in which he makes attempts to corroborate the findings by language data. In many cases, the author obviously suggests a linguistic analysis to draw the desired conclusions in favor of a certain ethnic group, and this approach, for example, led to numerous contradictions in the interpretation of the same ethnonyms in different parts of the book. The name of the ancient Nakh state, **Nakhmatiya**, proposed by G. Gumba, is the result of the author's word-creation on the basis of the complex word **nakhamat** (by this word he replaced the word **nakhchamat**, better known in historical and linguistic literature), but neither linguistically nor historically his "new formation" has no explanation. Despite this, the book as a whole is a significant contribution to the Caucasus studies in general, including a definite contribution to the linguistic Caucasus studies. It gives the impression of a fundamental scientific work based on the attraction of a large number of sources, including little-known ones.

Keywords: Caucasus, Nakhs, Nakh tribes in ancient times, ethnogenesis, ancient history, ancient statehood.

Издание в 2016 г. впечатляющего не только своим внушительным объемом (545 с.) исследования известного абхазского историка Г. Гумба [1] – событие значительное в исторической науке, но особенно оно должно было бы стать важным и своевременным для нахских народов, вернее – вайнахских, так как о третьем нахском народе – цова-тушинах, или бацбийцах, – в книге материал очень скудный. В освещении истории нахов нет ни полноты ее охвата, ни единомыслия и, к сожалению, объективности и непредвзятости в освещении многих вопросов, поэтому появление каждой новой работы, базирующейся на источниках, вселяет надежду, что достоверности, объективности здесь прибавится.

Не будучи историком, не рискну высказывать свое отношение к тому, как освещает эту историю Г. Гумба, хотя смею предположить, что ученый, занимающийся историей нахских народов на протяжении, как мне известно, трех десятков лет и опубликовавший целый ряд серьезных исследований, в том числе монографических, предложил нам фундаментальный труд, подытоживающий многолетние исследования. К несомненным достоинствам книги, полагаю, следует отнести то, что опорным материалом для нее являются ранее не привлекавшиеся или мало привлекавшиеся источники, которые для многих были почти или вовсе не доступны – и по причине их малодоступности, и по причине невладения многими, кто желал бы к ним обратиться, языком оригиналов. Меня, как лингвиста, в первую очередь интересует та ее «составляющая», в которой история нахов исследуется на базе анализа лингвистического материала.

Приступая к чтению книги, я и не ожидал, что в ней будут предложены какие-то совершенно новые материалы и сделанные на их основе выводы, которые переворачивают наши представления об истории нахских языков, их древних связях с языками других народов, об их месте в генеалогической классификации. В принципе, таковых в книге действительно нет. В вопросах глоттогенеза Г. Гумба в целом придерживается концепции новых компаративистов (макроэстратиков), отказывающихся вслед за отдельными лингвистами более раннего времени (Н.С. Трубецкой и др.) в родстве между собой картвельским, с одной стороны, и северокавказским языкам – с другой (правильная ли эта позиция – другой вопрос, который я рассматривал в ряде своих публикаций [2–6]). В рамках сложившихся традиций представлено взаимное родство языков автохтонных народов Северного Кавказа. Нет в работе и особо

привлекающих к себе новых собственных этимологий автора. Их здесь, впрочем, и не должно было быть: предметом исследования являются вопросы этнокультурной истории, вообще – истории нахских народов с охватом самого интересного и вместе с тем самого малоисследованного ее периода – I тысячелетия до н.э., а собственно лингвистические вопросы в таких исследованиях играют вспомогательную роль, «добываются» и привлекаются для аргументации тезисов, предположений, выводов, имеющих отношение к предмету исследования – той или иной исторической проблеме.

«Лингвистическая составляющая», о которой у нас идет речь, занимает в книге Г. Гумба значительный объем. Это 2 параграфа во 2-й главе «Данные археологии, языка, топонимики, антропологии и фольклора о расселении нахских племен» («Язык», «Топонимика»). Понятно, о чем должна идти и идет речь во втором параграфе, поэтому разясним, что в первом параграфе даются и получившие наибольшее распространение известные данные о составе нахских языков, их месте в северокавказской «семье» и др. В основном на лингвистическом материале построены 1-й «Малхи» и 4-й («Махли») параграфы 3-й главы – самые значительные по объему (соответственно сс. 60–79 и 79–93) и самые информативные. К «лингвистической составляющей» я отнес также 1-й параграф 1-й главы («Нахские племена по «Ашхарауцу»»), в котором основной темой рассуждений является проблема нахской этнонимии. Вот с этой части работы и начну, пожалуй, изложение своего мнения о лингвистических аргументах, приводимых Г. Гумба в обоснование этноисторических выводов.

Ключевым в лингвистических изысканиях и рассуждениях Г. Гумба является, на мой взгляд, заявление, с которого, собственно, и начинается исследование, что этноним «нахчаматеанк» основан только на двух известных рукописях «Ашхарауца», тогда как этих рукописей в «Матенадаране» много и в них этноним передается несколько иначе – «нахаматеан». Говоря о том, что «сравнительный анализ всех дошедших до нас рукописей «Ашхарауца» (приписываемой Моисею Хоренскому «Армянской географии VII в. по Р.Х.», переведенной не в полном объеме К.П. Паткановым и изданной в 1877 г. в Венеции, и иностранной редакции, изданной ранее там же – в 1881 г. – мхитаристом Арсеном Сукрияном, или Сукри), хранящихся в Матенадаране (г. Ереван) и в книгохранилищах мхитаристов в Венеции и Вене, Г. Гумба выявляет, что во многих из них, в

том числе и в тех, которые относятся к древнейшей группе списков оригинала, рассматриваемый этноним передан в форме «*нахаматеанк*», т.е. без компонента *ча/чи*. Говоря о том, что именно форма *нахаматеанк* древнейших рукописей была включена и в основной текст критического издания «Ашхарацуйца» на современном армянском языке» (с. 15), Г. Гумба не уточняет, о какой именно рукописи идет речь, и отсылает к «Избранным трудам» Анания Ширакаци, который, видимо, придерживался того же мнения, но вряд ли также приводил соответствующий вариант рукописи, не называя при этом даже том и конкретную работу из этих «Избранных трудов» (указание страницы – 286 – не очень надежный ориентир). Видимо, Г. Гумба в своем анализе придерживается текста, изданного Сукри, поскольку называет его единственным известным на сегодняшний день экземпляром оригинала (вернее было считать, наверное, наиболее близким к оригиналу). Во всяком случае, ни на одну из других «нескольких рукописей» ссылок в книге я не увидел (существуют ли они вообще, мне, честно говоря, тоже неизвестно, но что их нет в самой книге, в этом убедился).

Изданный Сукри текст, надо полагать, надежнее, чем тот, который перевел, к тому же частично, К.П. Патканов, поэтому нужно отдать более близкий к оригиналу, надо полагать, вариант. Так вот, ссылки на этот текст дают Г. Гумба основание считать, что «в «Ашхарацуйце» нашло отражение первоначальное, древнейшее общее самоназвание чеченцев, ингушей и бацбийцев – *нах* (люди, народ), и термин *нахаматеанк* следует переводить не как *страна нахчоев* (или *те, которые говорят на чеченском языке*), а как *страна нахов* (или *те, которые говорят на нахском языке*)» (с. 15). На следующей странице Г. Гумба делает предположение, но достаточно уверенно: «По всей вероятности, две формы – первоначальная *нах*-(*аматеанк*) и более поздняя производная от нее *нахча*-(*матеанк*) – существовали параллельно еще с древних времен, во всяком случае, в «Ашхарацуйце» отражены обе эти формы – и *нахаматеанк*, и *нахчаматеанк* (т.е. здесь автор фактически отказывается от своего первоначального заявления о том, что в тексте Сукри «рассматриваемый этноним передан в форме «*нахаматеанк*», т.е. без компонента *ча/чи*. – А. Х.). При этом термин *нах* употреблялся, видимо, в качестве самоназвания нахов в целом, а *нахча* – для обозначения части этого целого, т.е. термины *нах* (*нахаматеанк*) и *нахчи* (*нахчуо*, *нахчаматеанк*) от-

носятся друг к другу как общее к частному». А за пару абзацев до этого, в принципе, другое, почти противоречащее такому мнению: «Судя по тому, что процесс выделения из общенахской этноязыковой общности и формирования двух нахских народов – ингушского и чеченского – начался, по мнению специалистов, в позднесредневековый период, применение этнонима *нахчуо* в качестве самоназвания чеченского народа следует отнести к тому же времени». Не совсем понятна логика автора: если форма «*нахча*» – «более поздняя» (без указания, впрочем, о чем идет речь – о более позднем просто хронологически или относящемся к средневековью), а первоначальная – «*нах*», как могло оказаться, что оба этнонима существовали параллельно с древних времен и уже тогда «*нах*» обозначало целое, а «*нахча*» – часть. Возможно, я ошибусь, но смею предположить, что основной целью Г. Гумба было именно превращение «*нахчи/нахчо*» в «*нах(и)*». Так как ни в «Армянской географии» («Ашхарацуйц»), ни в каких-либо других источниках иных этнонимов (автоэтнонимов или эктоэтнонимов), которые указывали бы на два других нахских этноса, не обнаруживается, а этноним «*нахчи*» ассоциируется в первую очередь с чеченцами, он счел предпочтительным другой вариант, который он нашел (и, скорее всего, там и присутствует) в полном издании «Ашхарацуйца». Ведь по выстраиваемой Г. Гумба логике должно было быть так: еще в I тыс. до н.э. было какое-то этническое (племенное?) объединение, имевшее общее название «*нах*», и среди нахов выделялись «*нахчи*», а раз так, должны были быть другие «части нахов» со своими названиями. Эти «части» Г. Гумба не обнаруживает: во всяком случае, в том разделе, в котором идет речь именно о «*нахчаматеанках/нахаматеанках*», мы их не находим. И, к его чести, Г. Гумба не старается, в отличие от некоторых историков и околоисториков, их «придумать». Но весьма утонченно заменяет «*нахчи*», означющее, по его же мнению, «*те, которые говорят на языке «нахчи»*, на «*нахи*» («*те, которые говорят на языке нахов*») и, соответственно, «*нахчаматеане*» на «*нахаматеане*». В результате для него, видимо, отпала необходимость поиска древних этнонимов исследуемого периода, использовавшихся для названия предков современных ингушей и цовадушин (бацбийцев). Логичнее и объективнее, однако, было бы другое предположение: «*нахчи*» и «*нахаматеане*» – общее древнее название предков всех трех нахских народов, начавших выделяться в самостоятельные родственные этносы значительно позже (в средневековье) с завершением

этого процесса не ранее, чем в позднее средневековье. Дальнейшими своими наблюдениями и следующими из них выводами в другой части работы Г. Гумба, однако, ставит под сомнение и это.

На с. 60 начинается разбор этнонима «малхи» (в совр. чеч. *маьлхи*, в инг. *мелхи*). Начав с того, что «в связи с этим привлекает внимание этноним *малх*, сохранившийся в абхазском и адыгском фольклоре. В ряде сказаний абхазского нартского эпоса, относимых к древнейшим слоям, абхазские нарты при международных контактах часто сталкиваются с этнической группой (племенным объединением), выступающей под названием *малхуз* (варианты – *мархуз*, *матхуз*), где формант *уз* является этническим показателем (т.е. речь идет о малхийцах, или мархийцах, или матхийцах» (с. 61), далее: «Для обозначения какого этноса употреблялось название *малх* у древних адыгов и абхазов, можно установить достаточно определенно из сохранившегося в современном адыгском языке этнонима *мышхыщ*, которым адыги до недавнего времени называли вайнахов» (с. 61–62). «Нетрудно заметить, что в названии *мышх* (или *мышхыщ*, где конечная шипящая аффриката «(ы)щ» не исконна, а является характерным для адыгского языка приращением к терминам) имеем измененную форму *малх* (*малх* > *мышх*) с закономерными переходами восточнокавказских «а» и «л», соответственно, в «ы» и «щ» западнокавказских языков (а > ы, л > щ). Например: *день* – вайнахское (чечено-ингушское) *малх*, западнокавказское (абхазо-адыгское) *мыш*, *мыш*; *белый* – вайнахское *лха*, абхазо-адыгское *шкура*, *шкура*; *нога*, *след* – вайнахское *лар*, абхазо-адыгское *щап* и т.д.» (стр. 63). Отсюда Г. Гумба решает, что абхазам нахи были известны под именем «малхуз», но это название со временем трансформировалось в *мышх* (или *мышхыщ*). Возможен ли такой переход в абхазском языке, судить не берусь, но есть основание не особенно доверять лингвистическим изыскам ученого, когда он со ссылкой на две статьи А.И. Абдокова приводит сомнительную этимологию чеч. и инг. *малх* «солнце» как *малх* «день», в значении «белый» приводит *лха* (стр. 61), хотя такого слова – *лха* – ни в чеченском, ни в ингушском нет и, судя по тому, что оно не приведено ни в одном словаре и ни у одного исследователя-этимолога, не было вообще. Отмечая, что «в настоящее время этноним *малх* (*малхий*) имеет локально-территориальный характер, и его носители до сих пор проживают в области *Малхиста*», дальше автор ведет к тому, что «термин *малх-ий* в древности имел более широкое со-

держание» (с. 61). Дальше на полутора десятках страниц приводятся разные источники, в которых представлены разные интерпретации этого слова (*малх*), рассуждения о том, что у чеченцев и ингушей, как и у других народов, верховным божеством был *Малх*, делаются попытки соотнести и самоназвание балкарцев (*малкар-лы*), и осетинское название их соседей – ингушей (*макхал-он*): и то, и другое, по мнению Г. Гумба, связаны с вайнахским *малх*. Конечно, и здесь автор ссылается на «Ашхарауцц», но Моисей Хоренский в тех ссылках и выдержках, которые делает Г. Гумба, писал лишь о *гудамаканах*, сочетающих в себе, видимо, два названия – осетинское название ингушей *махьал* и осетинское же название тушин *гудан*, и из этого вовсе не должно значить, что М. Хоренским название *гудаманы* распространялось на всех нахов. В завершение делается ожидаемый вывод: «Все это дает веские основания для утверждения, что в I тысячелетии до н.э. нахские племена были известны своим соседям (древним абхазам, адыгам и ираноязычным племенам) под именем общенахского верховного бога – Малх» (с. 77).

Можно согласиться с тем, что «по определению А.Н. Генко и В.И. Абаева, *Мальсаг* (варианты – *Бальсаг*, *Марсаг*, *Марсуг*) – нахское слово, означающее *Человек-солнце* (*Малх* – *саг*), а точнее – Человек (люди) бога солнца. В осетинских сказаниях именно небожитель (бог) *Мальсаг* (Человек бога солнца) изображен давним недругом, противостоящим осетинским нартам при их продвижении на Кавказ. *Мальсаг*, представленный в осетинском эпосе как сила, враждебная осетинским нартам, – мифический персонаж, но, как справедливо отмечают В.И. Виноградов и К.З. Чокаев, за ним стоят реальные исторические силы в лице нахских малхов, в кровопролитной и жестокой борьбе защищавших свои территории от экспансии ираноязычных племен в период их первоначального нашествия на Центральные районы Кавказа. Следовательно, согласно сохранившимся сказаниям осетин, потомков по языку ираноязычных племен, в период натиска этих племен на центральные районы Кавказа им противостояли *малхи*. Более того: «Во-первых, по тем данным, которые мы имеем и на основании которых можем делать выводы, территория, занимаемая малхами//махлами, фактически совпадает с местами локализации нахаматеан армянского географа и кавкасиани Леонти Мровели. Во-вторых, существование общенахского верховного бога Малх в его развитой форме относится к середине и второй половине I тысячелетия до н.э.» (с. 88).

То есть фактически следует говорить, получается, не о нахаматеанах, а о малхах, поскольку Г. Гумба явно склоняется к тому, что *малхи* – общее для всех нахов (или вайнахов) название. Хотя даже при принятии этой точки зрения становится непонятно, какое место среди *малхов* тогда занимали предки, скажем, цова-тушин.

Таким образом, достаточно последовательно Г. Гумба, в 1-м параграфе 1-й главы утверждающий, что древним этнонимом, общим для всех предков нахов, было не слово «нахчи», а «нахи», в 3-м параграфе подводит нас к тому, что в древности предки современных чеченцев, ингушей и (возможно) цова-тушин были известны как *малхи*. Ссылок на «Ашхарацуйц» или иной источник здесь меньше, больше – на другие источники, в основном – нового времени, поскольку ни в «Армянской истории», ни у античных историков и географов подтверждение такому выводу вряд ли можно найти. В основном доказательной базой является то, как называли или продолжают называть вайнахов абхазы и адыги, в том числе в качестве источников доказательной базы используются ссылки на *фольклор* абхазов и адыгов. Насколько это надежный источник для исторических и историко-лингвистических выводов – это вопрос для отдельного обсуждения, но вряд ли можно сомневаться, что основным, главным для них этот источник не должен быть.

Прочтение работы с выделением тех мест, в которых автор пытается лингвистически обосновать свои предположения, создало впечатление, что собственных лингвистически изысканий он не проводил, а те лингвистические размышления, что мы находим в книге, Г. Гумба делает, в основном опираясь на мнения разных авторов, занимавшихся проблемами этимологии этнонимов, гидронимов и т.п. Некоторые его лингвистические предположения, к сожалению, близки к уровню «народной этимологии». Вполне вероятно, что некоторые созвучия этимологически подкрепляемы, но этимологий, соответствующих принятой в классическом сравнительно-историческом языкознании процедуре, у автора нет, как, впрочем, они слабы и у многих авторов, на этимологии которых Г. Гумба ссылается.

Особый интерес представляет, конечно, специальная часть труда Г. Гумба – «Язык», где со ссылкой на 2 работы весьма уважаемых авторов [7; 8], которых, тем не менее, вряд ли можно считать источником истины в последней инстанции, утверждается, что «сегодня наука располагает достоверными сведениями о том, что картвельские языки представляют собой особую языковую се-

мью, а пракартвельский язык генетически связан с протоафразийским и протоиндоевропейским языками» (с. 101). Дальше это утверждение подкрепляется ссылками на известных ностратиков (И.М. Дьяконова, С.А. Старостина и др.). Я принадлежу к числу тех немногих, кто и ностратические генеалогии, и применяемую при этом процедуру доказательства языкового родства считает небесспорными (см.: [2, с. 192–206; 9, с. 374–382; 3, с. 48–54; 4, с. 206–218; 5, с. 74–85; 6, с. 43–54; 10, с. 374–382; 11, с. 206–218], и уверен, что по достигнутому исследовательским результатам веских оснований для постулирования как неродства, так и родства между собой южнокавказских (картвельских) и северокавказских языков нет, и тем более нет их для обвинения сторонников родства картвельских и остальных языков автохтонных народов Кавказа в лженаучности. Но, ознакомившись с остальной частью этого раздела книги Г. Гумба, пришел к выводу, что эта часть, в принципе, в работе лишняя. Никаких собственных гипотез, версий автора, связанных с вопросами генетического родства или структурной близости языков Кавказа, эта часть работы не содержит, при этом речь идет не о языке, на котором говорили (могли говорить) предки нахов в исследуемую эпоху, а о языке вообще, о связях между языками, их лексическом взаимопроникновении, ареальных связях, языковом субстрате и пр. – вопросах и фактах, имеющих отношение по большей части к событиям нашей эры и существенно к средневековью.

Интерес представляет заключительная часть этой главы, где речь идет о том, что в древности адыго-абхазские и нахские племена населяли и территорию, заселенную ныне картвелами, скажем, Г. Гумба обсуждает «нахский языковый субстрат, указывающий на то, что на территории Картли до грузинских (картвельских) племен проживали нахские племена» (стр. 105). Если исходить здесь в первую очередь из данных по топонимике, то не меньше оснований, наверное, было тогда распространить этот вывод на Южный Кавказ в целом, так как нахская, по-видимому, по происхождению топонимика имеет место быть и за пределами Картли и вообще современной Грузии (см., напр.: [12–17], в том числе другую работу самого Г. Гумба [18] и раздел «Топонимика» в рецензируемой нами книге). При этом не думаю, что тот скудный для таких обобщений лингвистический материал, в том числе топонимический, который приводит Г. Гумба, дает ему основание постулировать мнение А.С. Чикобава, К.В. Ломтатидзе и др., писавших, что «на тер-

ритории исторической Колхиды, расположенной к югу от Эгрисского и Рачинского хребтов, в мегрело-чанском языке обнаруживается очевидный абхазский языковой субстрат, свидетельствующий о том, что в этих местах грузинским племенам (мегрело-чанам) предшествовали абхазские племена: наличие субстрата еще не является веским основанием для таких выводов. С другой стороны, вряд ли можно утверждать, со ссылкой уже на Н.Я. Марра, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, Ф.Г. Утургаидзе, Р.А. Топчишвили, что «на территории Картли до грузинских (картвельских) племен проживали нахские племена» (с. 105). Никто из этих авторов, кроме Н.Я. Марра (не всем утверждениям которого, согласитесь, можно доверять), не говорил уверенно, что нахи проживали на территории Грузии (во всяком случае, *всего* Картлийского царства) до картвельских племен. Наличие субстрата (абхазского, нахского или какого-нибудь иного) может свидетельствовать о контактах, преимущественном влиянии того или иного языка на другой, в том числе и о пребывании контактеров в соответствующие эпоху/период на смежной или даже той или иной территории, но вряд ли оно дает основание делать такие выводы.

Историей Грузии с древнейшей поры занимались многие другие авторы (В. Багратиони, Э. Такаишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, Н. Бердзенишвили, Г. Меликишвили, из современников – М. Вачнадзе и его соавторы; и др.), не отрицавшие или допускавшие возможность расселения, например, предков современных нахов и по южную сторону Главного Кавказского хребта, но о предшествовании «Нахаматии» или какого-либо некартвельского государственного объединения грузинской государственности у них речи не шло. Для того, чтобы настаивать на своем выводе, Г. Гумба, надо полагать, будет необходимо опровергнуть мнение о существовании Колхидского царства по крайней мере с VI в. до н.э., Картлийского царства с IV в. до н.э., т.е. с того же времени, когда, по мнению Г. Гумба, сформировалось и нахское государственное объединение (с. 333–355), просуществовавшее до III в. до н.э. (с. 355–435). Ведь речь идет не о нахских племенах в горной местности, а вообще о Картлийском царстве. В решении таких вопросов наиболее достоверными считаются, как известно, данные археологии, но эта часть («Археология», с. 88–99) во второй главе «Археология, язык, топонимика, антропология и фольклор о расселении нахских племен», перемежаемая к тому же не археологическим текстом, видимо, наиболее слабое место в аргументной базе автора.

Другая часть книги, также содержащая материал, имеющий прямое отношение к лингвистике, – «Топонимика» (с. 105–112). В основном здесь речь идет о топонимах с «топонимическим формантом» **ск//шк**. Вполне обоснованно возразив А.Дз. Цагаевой, заняв в ее «споре» с В.И. Абаевым и К.З. Чокаевым сторону последних, Г. Гумба, однако, видимо, из-за недостаточного знания вайнахских языков, не обратил внимания на то, что **-ск(а)//-шк(а)** не может рассматриваться как собственно топоформант вообще. Со ссылкой на К.З. Чокаева он пишет, что «шк(ск) – это широко известный в вайнахской топонимии суффикс, представляющий собой сложный топоформант, состоящий из: ш(с) – форманта множественного числа и ка(и)//qa(и) – суффикса топонимобразования (исторически формант напр. падежа» (с. 107). Однако топоформант здесь только вторая часть – *-ка*, даже не *-к(а)*, так как нельзя разделять *-к* и *а*, и он в чеченском языке (соответственно и в ингушском) может использоваться только с производящей основой формы множественного числа имен существительных: *Семала-ш-ка*, *Чишка*, *Тлайнашка*, *Аьшна бердашка*, *Чармаха тIаьхьашка*, *БексетIаьхьашка*, *Гайнах тIаьхьашка*, *КерлаIашка*, *Безингешка*, *Поппарашка*, *Гютанашка* и многие другие топонимы, особенно микротопонимы, десятки которых приводит, например, А.С. Сулейманов [19]. Есть еще вариант **-кне** (*Галашкие*, *Бакъ-тIехьашкие* и нек. др.). (К сожалению, мы не обратили на них должное внимание в специальной статье, посвященной словообразованию существительных со значением местности, населенного пункта (топонимов) [20, с. 117–120] и в соответствующем разделе «Грамматики» [21, с. 429–447], видимо, и по той причине, что это в основном малоизвестные названия микротопонимов).

В контексте топонимики (в широком смысле) можно, видимо, высказать и отношение к тому, как свои этноисторические и этнокультурные разыскания подкрепляет Г. Гумба, рассуждая о названии древненахского государственного образования *Нахаматия* и ее предположительной столицы. С тем, что на самом деле в I тысячелетии до н.э. (или до и после этого времени) вряд ли было государственное образование именно с этим названием, думаю, спорить не будет и сам Г. Гумба. Это название дано самим автором. Но вот с предположительной столицей этого государства вопрос сложнее. Сам Г. Гумба пишет: «Из-за отсутствия каких-либо сведений остается пока неразрешенным вопрос о местоположении столицы нахского государственного объединения. Вместе с тем, если учитывать нахские этно-

генетические предания, то почти во всех дошедших до нас их вариантах имеется однозначное указание на местность Татартуп как на исходную точку на Кавказе, откуда расселились нахи, и это дает определенное направление для поиска столицы Нахаматии. Древний город, известный ныне как Татартуп (или Верхний Джулат), находился в центральной части Кавказа, на берегах Терека, т.е. в центре нахского государства. Здесь, у Эльхотовских ворот (или в Теснине аргов) скрещивались дороги, шедшие с севера на юг (через Дарьял на Южный Кавказ) и с востока на запад (из Средней Азии к Черноморскому побережью и на Боспор). С древним городом, располагавшимся в этом месте и позднее, в средневековый период, известном как Татартуп, связано множество легенд, преданий и поверий, его руины окружены ореолом таинственности и хранят еще немало загадок. Все это делает данную местность более предпочтительной для будущих археологических раскопок, связанных с поиском столицы Нахаматии» (с. 443–444). Однако дело в том, что никто, в том числе и сам Г. Гумба, не опроверг свидетельства археологов, единых во мнении, что это *средневековый* город и возник он в X в. Находился он на территории современной Осетии (на левом берегу Терека, недалеко от станицы Змейская и села Эльхотово Кировского района Северной Осетии) и был, скорее всего, аланским поселением. Название *Верхний Джулат* город получил после того, как его сначала в 1238–1239 гг. разрушили монголы, а затем быстро отстроили (надо полагать, с активным участием самих монголов) и с конца XIII в. это был важный центр Северного Кавказа, использовавшийся монголами в качестве своего форпоста. Может быть, продолжение археологических раскопок на этом месте приведет к открытию столицы «Нахаматии», но то, что известно о Татартупе на сегодняшний день, говорит о том, что между его возникновением и падением «Нахаматии» лежат 11 с лишним веков. Остается только предположить, что на этом месте мог быть другой город, который за какие-то 1000 лет исчез под тощей земли до появления Татартупа. Возможно ли это? Если да, то почему на месте Татартупа не найдено ничего другого, что напоминало бы о его предшественнике.

Более правдоподобно другое предположение: «Хотя сведения о том, как называлась столица нахского государства, не сохранились, не исключено, что в названии главного города Нахаматии нашло отражение имя верховного бога (*Малх, Матх, Мага, Марх*), что было характерно для древних государств. В связи с этим привлекает внимание название столицы средневеково-

го Аланского царства – *Магас*, воссозданное и в названии столицы современной Ингушетии. Не вдаваясь в анализ существующих в научной литературе противоречивых мнений по вопросу этимологии слова Магас и, конечно, ничего не предвещая, хотелось бы обратить внимание на очевидное сходство имени Мага(с) с именем общенахского верховного бога – *Малх (Матх, Мага, Марх)*. Как в государстве *Нахаматия*, существовавшем на Центральном Кавказе в I тысячелетии до н.э., так и в зародившемся в I тысячелетии н.э. практически на той же территории государственном объединении, известном уже как Алания, официальным верховным культом был культ бога солнца, что делает такое сопоставление оправданным. Конечно, на основании лишь определенного сходства между именем официального высшего божества нахского государства и названием столицы Аланского царства, возникшего спустя почти тысячи лет, довольно сложно рассматривать Аланию как продолжателя государственных традиций Нахаматии, и ответить на вопрос о вероятной преемственной связи Нахаматии с Аланией можно будет лишь после дальнейших исследований в этом направлении» (с. 444). Известная этимология самого слова *Магас* небезупречна: можно согласиться с тем, что «Ма» означает «солнце», и с тем, что в сочетании с «га»/«го» («круг», «диск») получаем Мага, но вот с топоформантом -с не все складывается: такого топоформанта ни в ингушском языке, ни в родственном чеченском нет, а можно ли выделять в языке топоформант по одному единственному слову, в котором он только предполагается, – это вопрос к лингвистам, которые наверняка ответят единодушно отрицательно.

В завершающей книгу части «Вместо заключения» вывод о том, что «...осознание себя единой этнической общностью, принадлежащей к нахскому этносу, и обособление от других, ненахских, народностей сохранилось у нахов по сей день. Сохранилось, прежде всего, общенахское самосознание, опирающееся на историческую память об общем происхождении и общей истории, сохранился – несмотря на образование диалектов, а затем и двух литературных языков (чеченский и ингушский) – общий культурный язык, осталось неизменным осознание этнополитической общности. Несомненно, процесс консолидации нахов с разной степенью интенсивности продолжался и в последующие периоды, но прочное духовное единство и единое самосознание, вероятнее всего, сложились именно во времена государственного объединения, в I тысячелетии до н.э. Помимо прочего, об этом свидетельству-

ет сохранившееся до сегодняшнего дня общее самоназвание *нах*, одинаковое для двух нахских народов – ингушей и чеченцев, и это притом, что этнонимы, использовавшиеся соседними народами для обозначения нахов и нахского государства, давным-давно, после распада государственного объединения, исчезли» (с. 445), нельзя не поддержать (с поправкой, может быть, что нахи – это все-таки не только чеченцы и ингуши, но и бацбийцы – цова-тушины, сформировавшиеся как народ, по мнению Я.З. Ахмадова [22, с. 28], примерно в то же время, о котором идет речь у Г. Гумба), но при этом хотелось бы, чтобы это полностью подкреплялось содержанием самой книги в тех частях, в которых древняя нахская история рассматривается на основе анализа данных языка, без попыток плохо скрываемой при этом подмены понятий, как раз указывающих на общенахское единство. И кажется не случайным, что в заключении («Вместо заключения») автор, в разобранных частях книги так и не определившийся, по-моему, какое все-таки общее название у нахов было в древности – *нах(и)* или *махли*, ограничился сохранившимся до сих пор общим самоназванием *нах*.

Но этим не ограничиваются те, кто озабочен околонучными «изысканиями» и измышлениями. Ничуть. Поэтому, не случайным кажется то, что за эту и предшествующие работы абхазского историка тут же ухватились авторы, всеми правдами и неправдами старающиеся, не заботясь о научной объективности и достоверности, использовать подобные рассматриваемой работы для обоснования древности или даже первородства того или иного народа. Показательна в этом отношении довольно большая статья «Махли – античное древнеингушское государство» анонимного автора, размещенная в Internet [23], в которой один из вариантов «открытого» Г. Гумба древненахского государства – *Махли* – связывается только с ингушским народом. При этом утверждается с самого начала, что «ингуши, известные под этнонимом махалы (инг.: солнечные аланы, солнечные люди), являются также создателями кобанской культуры». И в ссылках на Г. Гумба, и в собственных рассуждениях анонимный автор, в принципе, употребляет понятия с компонентом «вайнах», но в выводах своих все сводит к ингушам, распространяя ареал их расселения в древности не только на территорию, заселяемую и заселявшуюся чеченцами, но и фактически на всю территорию Кавказа, исключая Дагестан. Скажем, в отношении хонов он пишет о «старинной и довольно многочисленной вайнахской родоплеменной группы, известной под названием

хоны», но в то же время называет Хон государственным образованием ингушей в III–IV вв. н.э. А «расселение хонов одними источниками точнее Дарьяльского ущелья, а другими в районе Чанты-Аргуна не должно удивлять, ибо это были перемещения (или миграционные процессы) внутри одного государственного образования» (надо полагать, простиравшегося, как минимум, на всю территорию от Дарьяльского ущелья до Дагестана, на которой не нашлось места предкам чеченцев). То, что этот автор искажает и неверно интерпретирует его, а часто «домысливает» то, что Г. Гумба не имел в виду или высказал весьма завуалированно, должно, я думаю, вызвать беспокойство самого Г. Гумба, втянувшегося, надеюсь, непреднамеренно, в этнополитическую игру, далекую от подлинной науки (см. еще ряд публикаций авторов такого же ряда, «воодушевленных» последней книгой и предшествующими работами Г. Гумба и иными подобными «открытиями» [24; 25] и много других, подводящих, собственно, с подачи Г. Гумба, уже к тому, что предки чеченцев ни к какому из древних или средневековых «государственных образований» вообще не имели отношения. А.М. Дударов, например, вдохновленный Г. Гумба, с которым он не соглашается только в том, что последний ограничивает ареал расселения *древних ингушей* (хонов, цанаров и др.) территорией внутреннего Кавказа, уже не хочет, чтобы «нахчаматеане» или «нахаматеане» читалось на базе общенахского/вайнахского языка или чеченского, так как «три составляющие названия нахчаматеан, кроме конечного суффикса «-ан», этимологически связаны *непосредственно* (курсив мой. – А. Х.) с ингушским языком: «нах»-«че»-«мат» – «люди»-«нутро»-«место», что означает на инг. яз. «внутреннее место людей». Т.е., вероятно, место обитания данного племени определялось названием, данным им *на своем языке себе же* (курсив мой. – А. Х.), или же оно было дано другим древнеингушским племенем, жившим в соприкосновении с ним, определяя т.о. место проживания родственного рода или племени» [24].

Я еще застал время, когда в научной среде почти или вовсе не встречалось, скажем так, вольное обращение с материалом, в том числе с источниками, но, кажется, попал в другое время, снявшее все запреты на это. Это о тех, кто, используя работы, подобные книге Г. Гумба, вторгаются в обсуждение научных вопросов, подобно слону в посудной лавке.

Критический обзор «лингвистической составляющей» книги Г. Гумба (которая, несомненно, является существенным вкладом в кавказо-

ведение в целом, в том числе и определенным вкладом в лингвистическое кавказоведение, производит впечатление фундаментального научного труда, каковых в наше время становится все меньше – но по большей части в отношении привлекаемого материала, источников, а не их интерпретации, прочтений) не означает, что у меня есть сомнения в достаточном научном уровне, который, несомненно, присутствует в этой книге. Но считаю недопустимым использование подлежащего исследованию материала и его анализа на

научной методологической базе (с некоторыми, впрочем, отступлениями от него) для решения не так тщательно скрытой задачи, исключающей строгую объективность в основе своей, все-таки, научного исследования. Реакция Г. Гумба на этот отзыв о своей работе предсказуема, но уверен, что через некоторое время, по мере расширения и усиления околonaучной этнополитической возни с использованием его имени и трудов, он и сам иначе оценит «практическую значимость» своего труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). Сухум: Абгосиздат, 2016. 545 с.
2. Халидов А.И. К вопросу о генетическом родстве иберийско-кавказских языков // Вопросы общей и чеченской филологии. Межвузовский сборник научных трудов. Грозный, 2003. С. 192–206.
3. Халидов А.И. Проблемы внешнего и внутреннего родства и древних связей нахских языков // Вопросы общей и чеченской филологии. Межвузовский сборник научных трудов. Грозный, 2004. С. 48–64.
4. Халидов А.И. Генетическое родство и типологическая близость языков народов Кавказа в контексте макрокомпаративистских классификаций // «Кавказоведческие разыскания». № 3. Тбилиси, Институт кавказоведения ТГУ, 2011. С. 206–218.
5. Халидов А.И. О степени обоснованности макрокомпаративистских гипотез в отношении языков народов Кавказа // I-я конференция профессорско-преподавательского состава Чеченского государственного университета (29 декабря 2011 г.). Часть II. Грозный, 2012. С. 74–85.
6. Халидов А.И. О достоверности макрокомпаративистских классификаций // Вестник ИЯЛИ ДНЦ РАН. Махачкала, ДНЦ РАН, 2012. С. 43–54.
7. Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965. 510 с.
8. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. I. 432 с.
9. Халидов А.И. К вопросу о генетическом родстве иберийско-кавказских языков // Вопросы общей и чеченской филологии. Межвузовский сборник научных трудов. Грозный, ЧГПИ, 2003. С. 192–206.
10. Халидов А.И. Об установлении родства иберийско-кавказских языков (в поддержку концепции М.Е. Курдиани) // Материалы Международного симпозиума «Иберийско-кавказские языки: структура, история, функционирование» (г. Тбилиси, 27–29 октября 2011 г.). Тбилиси, 2011. С. 374–382.
11. Халидов А.И. Генетическое родство и типологическая близость языков народов Кавказа в контексте макрокомпаративистских классификаций // «Кавказоведческие разыскания». № 3. Тбилиси, 2011. С. 206–218.
12. Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия АН, 1916, № 15.
13. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. 507 с.
14. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Т. I. Грозный, 1964.
15. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник. Т. II. Тбилиси, 1968.
16. Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии» VII в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. VIII. М., 1970.
17. Мровели Л. Жизнь картлийских царей: извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Перевод с древнегруз., предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979.
18. Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянской географии VII века»). Дис. ... канд. истор. наук. Ереван, 1988.
19. Сулейманов Ахмад. Топонимия Чечни. Нальчик, 1997. 683 с.

20. *Халидов А.И.* Словообразовательные типы существительных с архитипным словообразовательным значением «наименование местности (топоним)» в чеченском языке // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 2 (11), 2009. С. 128–131.
21. Грамматика чеченского языка / Автор проекта и ответственный редактор А.И. Халидов. В трех томах. Т. I. Грозный, 2013. С. 429–447.
22. *Ахмадов Я.З.* Нахский этномассив Закавказья: дзурдзуки/дурдзуки, ваьппи // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 2 (31). С. 20–30.
23. *Махли* – античное древнеингушское государство. URL: <http://akievgalgei.livejournal.com/37529.html>.
24. *Дударов А.М.* Некоторые вопросы расселения древних ингушей и существования у них собственной государственности. URL: <http://www.galgai.com/forum/archive/index.php/t-10753.html>.
25. *Кодзоев Иса.* О происхождении ингушей. URL: <https://iberiana.wordpress.com/caucasus/ingusheti-2>.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ БОТЛИХСКОГО ЯЗЫКА

© Р.Ш. ХАЛИДОВА

Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

A LINGUISTIC PORTRAIT OF THE BOTLIKH LANGUAGE

© R.SH. KHALIDOVA

Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

Аннотация. В статье дается краткое описание грамматического строя одного из бесписьменных языков аваро-андо-цезской группы дагестанских языков – ботлихского языка. Особое внимание уделяется категории локализации и глагольным категориям, которые, как нам представляется, несут наиболее специфический характер и наиболее ярко отражают идиоэтноспецифику восприятия окружающего мира носителями ботлихского языка.

Ключевые слова: ботлихский язык, андийские языки, многопадежность, локализация, глагольные категории, преверб, послелог.

Abstract. The article briefly describes the grammatical system of the Botlikh language – one of the unwritten Dagestani languages of the Avar-Andi-Tsez group. Special attention is paid to the category of localization and verbal categories which, from our point of view, have the most specific character and most brightly reflect idioethnic features of the world perception by Botlikh native speakers.

Keywords: Botlikh language, Andi languages, multicase, localization, verbal categories, preverb, postposition.

Ботлихский язык (*буйхалъи/буйхадалъи миц-Ицли*) входит в андийскую подгруппу аваро-андо-цезских языков Дагестана, представлен двумя говорами: собственно ботлихским и миарсинским, различия между которыми несут преимущественно фонетический характер. Носители ботлихского языка компактно живут только в двух селениях (Ботлих и Миарсо) Ботлихского района Республики Дагестан. Число говорящих на ботлихском языке неуклонно уменьшается (4000 – по данным переписи 2000 г. и 2008 – по данным переписи 2010 г.), что также обуславливает актуальность исследования данного языка. Язык бесписьменный, не преподается, используется только в функции бытового общения. Наиболее близкие языки – андийский и годоберинский. Среди андийских языков ботлихский является наименее исследованным. Сведения о ботлихском языке носят неполный, а иногда и противоречивый характер.

Первые сведения о ботлихском языке содержатся в сводных работах Р. Эркерта [1] и А. Дирра [2]. Основные труды по ботлихскому языку принадлежат Т.Е. Гудава (Институт языкознания АН Грузии) [3; 4], Х.Г. Азаеву (Дагестанский государственный университет) [5], З.М. Магомедбековой (Институт языкознания АН Грузии) [6].

Фонетическую систему ботлихского языка характеризует богатый консонантизм, включающий такие группы согласных, как смычногорланные (абруптивы), латеральные, увулярные и др. Спиранты и аффрикаты противопоставлены здесь не только по глухости/звонкости, но также по интенсивности (сильные/слабые). Широко функционируют назализованные гласные (под их воздействием в аффиксах *б > м*, *р > н*); в результате морфонологических процессов возникают долгие гласные.

Морфологический строй характеризуется как агглютинативный. Имеется категория грамматического класса, дифференцирующая в единственном числе мужской, женский и неличный классы, во множественном числе – классы чело-века и вещи.

Многопадежность имени достигается за счет так называемых пространственных падежей. Среди основных падежей представлены именительный (падеж субъекта непереходного и объекта переходного глагола), эргативный (падеж субъекта переходного глагола и инструментального дополнения), дательный (падеж адресатного дополнения и субъекта глаголов чувственного восприятия), родительный (имеются две фор-

мы родительного: у имен мужского класса – это классный показатель определяемого имени, у остальных – специальный суффикс).

Здесь представлены четыре концепта локализации, реализуемые шестью сериями:

1) локализация «на», «над» ориентиром (SUPER), представлена двумя сериями с нулевым показателем и с показателем *-чI*. Серия с показателем *-чI* является ущербной. Здесь отсутствует падеж латив;

2) локализация «около» ориентира (AD), показатели *-х* и *-хъ*;

3) локализация «в», «внутри» ориентира (IN-TER), показатель *-лI*;

4) локализация «под» ориентиром (SUB), показатель *-къ*. Первая серия имеет нулевой показатель, вторая – формант *-чI*, третья – формант *-х*, четвертая – *-хъ*, пятая – *-лI* и шестая – *-къ*.

Ботлихский язык располагает пятичленной системой указательных местоимений: трехчленной горизонтальной и двучленной вертикальной. Пространственную ориентацию по горизонтали выражают указательные местоимения, передающие три степени удаленности от говорящего и слушающего: 1) в сфере говорящего: авар., ботл., годоб. *гъа-КП/а-КП*; анд.: *гъо-КП/гъоно-КП* «этот (рядом)»; 2) в сфере слушающего: авар., ботл., годоб. *гъе-КП* «этот/тот» (рядом); 3) в отдаленности как от говорящего, так и от слушающего по горизонтали: авар. *до-КП* (*гъад-КП*, *гъуду-КП*); годоб. *гъада-КП* (*гъуду-КП*) «тот (вдали)». Пространственную ориентацию по вертикали выражают указательные местоимения, передающие семантику удаленности от коммуникантов вверх и вниз [7, с. 132].

Личные местоимения противопоставляют инклюзивную и эксклюзивную формы первого лица множественного числа.

В глаголе редупликацией основ передаются интенсивность и многократность. Временные формы образуются как синтетически, так и аналитически с помощью вспомогательного глагола *букIи* «быть», *букIа* «был», *букIида* «будет». Представлена категория каузатива. Переходные и непереходные глаголы различаются способом образования императива.

В зависимости от образования формы прошедшего законченного во всех андийских языках принято противопоставление двух основных групп глаголов: «группа *а*» и «группа *е*» в ахвахском и каратинском, «группа *а*» и «группа *у*» в ботлихском, «группа *а*» и «группа *и*» в годоберинском и т.д. Первая группа во всех андийских языках представлена формантом «*а*», вторая

группа варьирует по андийским языкам и представлена следующими гласными: «*е*» (ахвахский, каратинский), «*у*» (ботлихский), «*и*» (годоберинский, багвалинский) и «*о*» (чамалинский) [8, с. 58; 9, с. 104].

Прошедшее законченное (аорист) время образуется посредством формантов *-а* и *-у* и соответственно различают две группы глаголов в зависимости от формы прошедшего законченного: «группа *у*» (исторически «группа *и*»), напр.: *игъ-у* «сделал», *хъвард-у* «написал», *гъикъ-у* «сказал», *бикк-у* «поймал», *букъ-у* «разрезал»; и «группа *а*», напр.: *мас-а* «рассказал», *бегъ-а* «узнал», *биж-а* «вырос», *букI-а* «был». Отрицательная форма прошедшего законченного времени образуется прибавлением отрицательного форманта *-чIа* (восходит к отрицательному слову *гучIи* «нет») к форме инфинитива, напр.: *гъибгъи-чIа* «не пришел», *ибхи-чIа* «не взял», *гъагъи-чIа* «не увидел», *маси-чIа* «не рассказал», *игъабагъи-чIа* «не поработал».

Настоящее общее время представлено двумя формами, которые оформляются суффиксом *-е* или суффиксальным комплексом *-атида*, которые прибавляются к основе глагола: *гъибгъе-е* «приходит» (*гъибгъви* «прийти»), *бурд-е* «летает» (*бурди* «летать»), *билъль-е* «может» (*билъльи* «мочь»); *миц-атида* «гаснет» (*мици* «гаснуть»), *микIкIв-атида* «глочет» (*микIкIуй* «глотать»), *инкв-атида* «кушает» (*инкуй* «кушать»), *игъа-тида* «делает» (*игъи* «делать»), *бекъа-тида* «пахнет» (*бекъи* «пахать»).

Отрицательная форма настоящего общего времени образуется посредством форманта отрицания *-чIу*, например: *гъе-чIу* «не приходит», *ибхве-чIу* «не берет», *гъагъе-чIу* «не видит», *массе-чIу* «не рассказывает», *хъварде-чIу* «не пишет» и т.д.

В ботлихском языке простое будущее время образуется присоединением форманта *-икIаб* к основе глагола, например: *гъибгъ-икIаб* «придет», *бурд-икIаб* «полетит», *мас-икIаб* «расскажет», *инкуй-икIаб* «поест», *миц-икIаб* «погаснет» и т.д. Отрицательная форма будущего простого времени в ботлихском языке образуется посредством форманта отрицания *-чIоб*, который прибавляется к основе глагола, например: *гъибгъи-чIоб* «не придет», *ибхи-чIоб* «не возьмет», *гъагъи-чIоб* «не увидит», *маси-чIоб* «не расскажет», *гъагабагъи-чIоб* «не заболит», *хади-чIоб* «не попросит», *инкуй-чIоб* «не съест», *хъварди-чIоб* «не напишет», *мици-чIоб* «не потухнет», *кIкIва-ла-ро* «не сбреет», *пуди-чIоб* «не подует», *икки-чIоб* «не даст», *миси-чIоб* «не найдет» и т.д.

В ботлихском языке представлены причастия трех временных форм: прошедшего, настоящего и будущего. Все они оканчиваются на классный показатель. Причастие прошедшего времени образуется от общей основы глагола присоединением суффикса *-аб*, например: *хъварди* «писать» – *хъвард-аб* «написанный», *бигъай* «становиться» – *бигъ-аб* «ставший», *икк-аб* «отдавший», *ибхв-аб* «взявший», *игъ-аб* «сделавший», *мас-аб* «рассказавший», *бурд-аб* «летавший» и т.д.

Причастные формы настоящего времени образуются присоединением суффикса *-хаб* к форме инфинитива, например: *хъварди* «писать» – *хъварди-хаб* «пишущий», *ибхи-хаб* «берущий», *игъи-хаб* «делающий», *маси-хаб* «рассказывающий», *бурди-хаб* «летающий» и т.д. Параллельно употребляются также формы на *-хоб*, например: *ибхи-хоб* «берущий», *игъи-хоб* «делающий», *маси-хоб* «рассказывающий», *бурди-хоб* «летающий» и т.д.

В миарсинском говоре ботлихского языка причастие настоящего времени образуется посредством форманта *-лъаб*, например: *хъварди-лъаб* «пишущий», *маси-лъаб* «рассказывающий», *бурди-лъаб* «летающий» и т.д.

Причастия будущего времени тоже образуются от формы инфинитива присоединением суффикса *-клаб*, например: *хъварди-клаб* «то, что будет написано», *ибхи-клаб* «то, что будет взято», *игъи-клаб* «то, что будет сделано», *маси-клаб* «то, что будет рассказано», *бурди-клаб* «то, что полетит» и т.д. Причастия также склоняются как прилагательные.

В ботлихском языке деепричастие предшествования так же, как и в андийском, формально совпадает с финитной формой глагола прошедшего времени, например: *игъ-у* «сделал» и «сделав», *хъвард-а* «писал» и «написав», *инкв-а* «съел» и «съев», *ибх-у* «взял» и «взяв», *мас-а* «рассказал» и «рассказав», *бурд-у* «полетел» и «полетев», *гибгъв-а* «пришел» и «придя», *бечибеххв-а* «забыл» и «забыв», *тунк-а* «стукнул» и «стукнув», *беж-а* «пожарил» и «пожарив», *бет-а* «оставил» и «оставив», *бегъ-а* «узнал» и «узнав», *бурд-у* «полетел» и «полетев», *ибх-у* «взял» и «взяв», *бекъ-у* «вспахал» и «пашет», *ххуд-у* «выпил» и «выпив», *чIчIабд-у* «ударил» и «ударив», *тIам-у* «постелил» и «постелив», *вингъ-а* «проиграл» и «проиграв», *гибцI-у* «наполнил» и «наполнив», *тIинд-у* «налил» и «налив», *кIкIванд-у* «убил» и «убив» и т.д.

Отрицательная форма деепричастия предшествования образуется в ботлихском языке присоединением форманта негатива *-чIада* к форме ин-

финитива глагола, например: *игъи-чIада* «не сделал», *хъварди-чIада* «не написав», *инкв-чIада* «не съев», *ибх-и-чIада* «не взяв», *маси-чIада* «не рассказав», *бурди-чIада* «не полетев», *тунк-чIада* «не стукнув», *бежи-чIада* «не пожарив», *бет-и-чIада* «не оставив» и т.д.

Деепричастие одновременности образуется от основы глагола присоединением суффикса *-а-тада*, например: *гул-а-тада* «разговаривая», *вельль-а-тада* «идя», *инкв-а-тада* «кушая», *ибхв-а-тада* «беря», *игъ-а-тада* «делая», *мас-а-тада* «рассказывая», *бурд-а-тада* «летая» и т.д.

Отрицательная форма деепричастия одновременности образуется в ботлихском присоединением показателя негатива *-вагычIада* к форме настоящего общего времени, например: *гулата-вагычIада* «не разговаривая», *вельльата-вагычIада* «не идя», *инквата-вагычIада* «не кушая», *ибхвата-вагычIада* «не беря», *игъата-вагычIада* «не делая», *масата-вагычIада* «не рассказывая», *бурдата-вагычIада* «не летая» и т.д.

В ботлихском языке так же, как и в андийском, масдар образуется посредством присоединения суффикса *-р*, но только не к форме аориста, а к форме инфинитива, например: *булли* «закончиться» – *булIир* «завершение» и т.д. Масдар в ботлихском языке образуется также посредством присоединения суффикса *-р* к форме каузатива, например: *булIай* «закончить» (букв. «заставить закончить») – *булIай-р* «окончание», «завершение» и т.д.

Прошедшее незаконченное время в ботлихском языке образуется сочетанием смыслового глагола в форме настоящего общего времени и вспомогательного глагола *букли* «быть» в форме аориста – *букIа* «был», например: *игъа* (инф. *игъида*) *вукIа* «работал» (букв.: «работает был»), *ваъа* (инф. *ваъида*) *вукIа* «читал» (букв.: «читает был»), *ибхвата* *букIа* «брал», *вельльа* *вукIа* «шел», *хъвардата* *букIа* «писал», *гъвальа* *вукIа* «приходил», *мисихаб* *букIа* «находил» и т.д.

В ботлихском языке представлен дуративный суффикс *-аль*, присоединением которого к недлительной форме образуется ее длительный коррелят, например: *ххуд-и* «пить» – *ххуд-аль-и* «пьянствовать», *бурд-и* «летать, лететь» – *бурд-аль-и* «летать, носиться (в воздухе)»; *хханди* «косить» – *хханд-аль-и*; *гъаква* *рагъи* «жечь» – *гъакв-аль-и* и т.д.

У целого ряда глаголов при образовании длительной формы посредством дуративного суффикса *-аль* основа глагола детерминируется суффиксом *-ат-*, например: *мацIцI-у* «спрашивать» – *мацIцI-ат-аль-и* «расспрашивать», *цIати*

«сжечь» – *цIат-ат-аль-и*, *бесси* «ткать» – *бесс-ат-аль-и*, *маси* «рассказать» – *мас-ат-аль-и*, *бакъащи* «воровать» – *бакъащ-ат-аль-и*, *барици* «ссориться» – *бариц-ат-альи* и т.д.

Основа длительного глагола может детерминироваться также суффиксом *-ел-*, например: *кIватIадай* «стукнуть» – *кIватI-ел-аль-и* «стучать, постукивать»; *кIанциIи* «прыгнуть» – *кIанциI-ел-аль-и* «попрыгивать» и т.д.

В ботлихском языке также представлено ограниченное количество глаголов, образующих многократную форму путем редупликации корневой морфемы с наращением дуративного суффикса *-да-* ко второй редуплицированной части вновь образованного многократного глагола, например: *тIурди* «капать, сочиться» – *тIур-тIур-да-льи*; *къирди* «стричь» – *къир-къи-да-льи* и т.д.

Отличает ботлихский язык от других андийских языков наличие аналитического способа образования длительного глагола посредством функционально вспомогательного глагола *багъи*, где *б-* переменный классный показатель, например: *хъвархъелалъи* (= авар. *хъвагIезе*) «качнуться» – *хъвархъела багъи* (= авар. *хъвагIезе*) «покачивать», *ххуди* (= авар. *гъекъезе*) «пить» – *ххуда вагъи* (= авар. *гъекъолдизе*) «пьянствовать», *мацIуIи* (= авар. *цIехезе*) «спрашивать» – *мацIуIа-та вагъи* (= авар. *цIехолдизе*) «расспрашивать», *букки* (= авар. *бортизе*) «упасть» – *буккела багъи* (= авар. *бортанхъизе*) «падать», *буххи* (= авар. *баккизе*) «появляться» – *буххата багъи* (= авар. *бакк-ар-изе*), *бекъи* (= авар. *бекъизе*) «пахать» – *бекъата рагъи* (= авар. *бекъ-ар-изе*), *битIай* (= авар. *бетIизе*) «рвать» – *битIата рагъи* (= авар. *бетI-ар-изе*) и т.д.

Ботлихский язык различает семантику длительности ~ недлительности и на синтаксическом уровне языка: недлительные глаголы образуют эргативную конструкцию предложения, а длительные – номинативную, например:

Вашащуди кагъат хъвардата ида «Мальчик (эрг.) письмо пишет»

Ваша хъвархъада ида «Мальчик (ном.) занят писанием»

Вашащуди гъунчIа хханду «Мальчик (эрг.) сено косил»

Ваша хханххада вукIа «Мальчик (ном.) занимался косьбой»

Ваша хури бекъата ида «Мальчик (ном.) пашет поле»

Вашащуди хури бекъата ида «Мальчик (эрг.) поле пашущий есть».

В ботлихском языке каузатив (понудительный залог) образуется с помощью суффикса каузации

-ā + й, который присоединяется к основе глагола, например: *хъвард-и* «писать» – *хъвард-ā-й* «заставить написать», *ибх-и* «взять» – *ибхв-а-й* «заставить взять» и т.д. Все формы времен и наклонений каузатива образуются регулярно. Имеются и аналитические формы каузатива, образованные с помощью вспомогательных глаголов *тIами* «заставлять» и *бигъи* (*бигъай*) «становиться», например: *маси* «рассказать» – *маси тIами* «заставить рассказать»; *ваъалъи* «учиться» – *ваъа вигъай* «заставить учиться» [10, с. 345].

Среди служебных частей речи выделяются послелого, частицы и союзы.

Наречное происхождение материально и функционально тождественных превербов и послелогов в дагестанских языках не вызывает сомнения. Фиксированная позиция наречий перед глаголом и после имени содействовала их превращению в превербы и послелого. Послелого, в свою очередь, превращались в падежные аффиксы с пространственной семантикой. Историческая эволюция языка представлена перманентным превращением лексических единиц в грамматические.

Не только наречия места, но и существительные, передающие семантику пространственной локализации, использовались в функции послелогов и постепенно переходили в их разряд. На определенном этапе развития языка наблюдается ограниченность в количественном росте пространственных послелогов и имеет место их качественное развитие – некоторые из них используются для выражения темпоральных и абстрактных значений. На современном этапе развития ботлихского языка выражение темпоральной семантики с помощью пространственных послелогов носит системный характер. Реже пространственные послелогов получают контекстно обусловленное, абстрактное значение.

В ботлихском языке одни и те же лексемы функционируют и в качестве полнозначных слов, и в качестве служебных слов. Как нам представляется, в ботлихском языке нет отдельно наречий и материально тождественных служебных слов (послелогов), а есть единая лексема, которая в зависимости от позиции в предложении и функциональной нагрузки реализует ту или иную семантику. Поэтому наречия и послелогов следует рассматривать не отдельно, а вкуче, как единую лексему, содержащую наречные и послеложные свойства, которые, в зависимости от ситуации реализуются в речи.

В строе простого предложения противопоставлены абсолютная, эргативная и дативная

конструкции. Сложноподчиненному предложению функционально соответствуют причастные, деепричастные, инфинитивные и масдарные обороты.

В структуре языка ощущается влияние аварского, через посредство которого в ботлихский язык проникали и проникают арабизмы, иранизмы, тюркизмы и русизмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Eckert R.* Die Sprachen des kaukasischen Stammes. Wien. 1895. 204 s.
2. *Dirr A.* Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Asia Major, Leipzig 1928. 134 s.
3. *Гудава Т.Е.* Ботлихский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1962. 264 с.
4. *Гудава Т.Е.* Ботлихский язык // Языки народов СССР. Т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967. С. 293–306.
5. *Азаев Х.Г.* Ботлихский язык // Языки Дагестана. Махачкала-М., 2000. С. 346–360.
6. *Магомедбекова З.М.* Ботлихский язык // ЯМ: КЯ www.philology.ru/linguistics4/magomedbekova-99.htm.
7. *Маллаева З.М.* Категория локализации и ее репрезентация в аваро-андийских языках. Махачкала, 2012. 220 с.
8. *Гудава Т.Е.* Ботлихский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1962. 264 с.
9. *Маллаева З.М.* Видо-временная система аварского языка. Махачкала, 1998. 156 с.
10. *Маллаева З.М.* Глагольная морфология аваро-андийских языков. Махачкала, 2015. 436 с.

МЕСТОИМЕНИЕ В ШАРОЙСКОМ ДИАЛЕКТЕ В СРАВНЕНИИ С
МЕСТОИМЕНИЕМ ПЛОСКОСТНОГО ДИАЛЕКТА ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

© А.Х. ХАЛИКОВА

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

SHAROY DIALECT PRONOUNS IN COMPARISON WITH FLAT DIALECT
PRONOUNS IN THE CHECHEN LANGUAGE

© A.KH. KHALIKOVA

Chechen State Pedagogical University, Grozny

Аннотация. Статья посвящена проблеме исследования местоимения в шаройском диалекте в сравнении с местоимением плоскостного диалекта чеченского языка. В данной работе классифицируются разряды местоимений в шаройском диалекте в сравнении с разрядами местоимений плоскостного диалекта чеченского языка. В ходе работы выявлено, что местоимения в шаройском диалекте классифицируются на те же разряды, что и в плоскостном диалекте чеченского языка; практически все местоимения в шаройском диалекте имеют свои лексические, фонетические и грамматические особенности при сравнении с местоимениями плоскостного диалекта чеченского языка. В статье отмечен тот факт, что местоимения в шаройском диалекте имеют одинаковые формы склонения в сравнении с местоимениями плоскостного диалекта чеченского языка. Однако при склонении некоторых местоимений в косвенных падежах выявляются особенности шаройского диалекта в сравнении с сопоставляемыми местоимениями плоскостного диалекта чеченского языка. Выявлено, что грамматический показатель класса в некоторых личных местоимениях шаройского диалекта отличается от грамматического показателя класса сопоставимых личных местоимений плоскостного диалекта чеченского языка. Более того, в некоторых местоимениях шаройского диалекта, в отличие от сопоставимых местоимений плоскостного диалекта чеченского языка, корневая гласная удлиняется. В статье выявлен тот факт, что в шаройском диалекте есть указательные местоимения, которые имеют те же морфологические особенности, что и в плоскостном диалекте чеченского языка, однако они отличаются по смыслу, а некоторые из них вообще отсутствуют в плоскостном диалекте чеченского языка.

Ключевые слова: шаройский диалект, классификация местоимений в шаройском диалекте, личные местоимения, возвратные местоимения, разделительные местоимения, указательные местоимения, притяжательные местоимения.

Abstract. The article deals with the study of the Sharoy dialect pronouns in comparison with the flat dialect pronouns in the Chechen language. In this paper, categories of pronouns in the Sharoy dialect and the flat one are classified. In the course of the work it is revealed that the Sharoy dialect pronouns are classified into the same categories as in the flat dialect. It is also revealed that almost all the pronouns in the Sharoy dialect have their lexical, phonetic and grammatical features when compared with the pronouns of the flat dialect. The article notes that the Sharoy dialect pronouns have the same forms of declension in comparison with the flat dialect pronouns. The grammatical index of the category in some personal pronouns of the Sharoy dialect differs from the flat dialect. Moreover, in some pronouns of the Sharoy dialect, the root vowel is lengthened. The article reveals that there are demonstrative pronouns in the Sharoy dialect that have the same morphological features as in the flat dialect of the Chechen language, but they differ in meaning, and some of them are generally absent in the flat dialect.

Key words: Sharoy dialect, classification of Sharoy dialect pronouns, personal pronouns, reflexive pronouns, dividing pronouns, demonstrative pronouns, possessive pronouns.

Местоимения в чеченском языке достаточно хорошо изучены. Об этом свидетельствуют работы Ю.Д. Дешериева (1963), Н.Ф. Яковлева (1960), К.З. Чокаева (1968, 1970), А.Д. Тимаева (2007) и

др. В шаройском диалекте этой теме посвящена работа И.А. Арсаханова [1, с. 73], в которой представлены некоторые разряды местоимений шаройского диалекта.

В шаройском диалекте представлены следующие разряды местоимений: личные, возвратные, вопросительные, притяжательные, независимые притяжательные, указательные, определительные, неопределенные, отрицательные.

Личные местоимения. В шаройском диалекте личные местоимения в некоторых случаях имеют свои особенности словообразования, а в некоторых случаях они полностью совпадают с личными местоимениями плоскостного диалекта чеченского языка: *со* – я (пл. *со*); *хьо* – ты (пл. *хьо*); *вāй* – мы (инклюзив) (пл. *вай*); *тхo* – мы (эксклюзив) (пл. *тхо*); *шу* – вы (пл. *шу*), *э/эз* – он (пл. *и/иза*); *йера//яра* – он, она, оно (пл. *хIара*), *овиш//уйш//хIоровиш//йоровиш* – они (пл. *уьш//хIориш*). В функции личного местоимения 3 л. употребляются в единственном числе *и/иза*, *хIара* 'он', 'она',

'оно', во множественном числе – *уьш//уьзаиш*, *хIориш* 'они' (по происхождению – указательные местоимения) [2, с. 83].

Следует отметить, что грамматический показатель класса некоторых личных местоимений шаройского диалекта не совпадает с грамматическим показателем класса личных местоимений плоскостного диалекта чеченского языка. Например: *вāй бу* 'мы есть' (в пл. *вай ду*), *тхo бу* 'мы есть' (в пл. *тхо ду*), *шу бу* 'вы есть' (в пл. *шу ду*).

Склонение личных местоимений в шаройском диалекте. Склонение личных местоимений в шаройском диалекте, как и в плоскостном диалекте чеченского языка, имеет свои особенности, которые заставляют выделить лично-местоименные склонения в особый вид [2, с. 84].

Шаройский диалект			
ед. число			
Им.	<i>со</i>	<i>хьо</i>	<i>э//эза</i>
Род.	<i>сан</i>	<i>хъан</i>	<i>оцун</i>
Дат.	<i>суōна</i>	<i>хъуōна</i>	<i>оцунна</i>
Эрг.	<i>āс</i>	<i>ахь</i>	<i>оцуō</i>
Напр.	<i>суōга</i>	<i>хъуōга</i>	<i>оцунга</i>
Совм.	<i>суōца</i>	<i>хъуōца</i>	<i>оцунца</i>
Сравн.	<i>суол</i>	<i>хъуол</i>	<i>оцунал//оцуол</i>
Вещ.	<i>суох</i>	<i>хъуох</i>	<i>оцунах//оцуох</i>

Шаройский диалект		
мн. число		
Им.	<i>овиш//уйш</i>	<i>хIоровиш//йоровиш</i>
Род.	<i>экхер//экхеран</i>	<i>эцер//эцеран</i>
Дат.	<i>акхарна</i>	<i>ацанна</i>
Эрг.	<i>акхар</i>	<i>ацар</i>
Напр.	<i>акхарг</i>	<i>ацарг</i>
Совм.	<i>акхарц</i>	<i>ацарц</i>
Сравн.	<i>акхарал</i>	<i>ацарал</i>
Вещ.	<i>акхарах</i>	<i>ацарах</i>

Как видно из примеров, личные местоимения в шаройском диалекте значительно отличаются от личных местоимений плоскостного диалекта чеченского языка. Личные местоимения 1-го и 2-го лица в именительном падеже в шаройском и плоскостном диалектах одинаковы. Однако при склонении в косвенном падеже эти местоимения имеют другую форму. Корневой долгой гласной 'у' плоскостного диалекта чеченского языка в шаройском диалекте соответствует долгий дифтонг 'уō'. Личные местоимения 3-го лица, как в именительном, так и в косвенном падеже, в шаройском диалекте отличаются от личных местоимений 3-го лица плоскостного диалекта. Личные местоимения плоскостного диалекта, которые начинаются на согласные звуки 'ц', 'кх', 'хI', в ша-

Плоскостной диалект		
<i>со – я</i>	<i>хьо – ты</i>	<i>и/иза</i>
<i>сан</i>	<i>хъан</i>	<i>цуънан</i>
<i>сӯна</i>	<i>хъӯна</i>	<i>цунна</i>
<i>ас</i>	<i>ахь</i>	<i>цуō</i>
<i>суōьга</i>	<i>хъуōьга</i>	<i>цуънга</i>
<i>суōьца</i>	<i>хъуōьца</i>	<i>цуънца</i>
<i>сол</i>	<i>хъол</i>	<i>цул</i>
<i>сох</i>	<i>хъох</i>	<i>цунах</i>

Плоскостной диалект	
<i>хIориш</i>	<i>уьш//уьзаиш</i>
<i>кхеран//хIокхеран</i>	<i>церан</i>
<i>кхарна//хIокхарна</i>	<i>царна</i>
<i>кхара//хIокхар</i>	<i>цāра</i>
<i>кхāьрга//хIокхāьрга</i>	<i>цāьрга</i>
<i>кхāьрца//хIокхāьрца</i>	<i>цāьрца</i>
<i>кхарал//хIокхарал</i>	<i>царал</i>
<i>кхарах//хIокхарах</i>	<i>царах</i>

ройском диалекте начинаются на звуки 'ъа', 'ъо'. Например: *ъацāр* 'они, ими' (пл. *цāра*), *ъакхар* 'эти, этими' (пл. *хIокхāра*), *ъокхуō* 'этот, этим' (пл. *хIокхуō*) и т.д.

Возвратные местоимения. Так как возвратные местоимения – это особые формы личных местоимений, они, как и в первом случае, не меняются. Однако корневая гласная в некоторых случаях удлиняется: *саййа/со-сāй* – я сам, сама, само (форма эргат. падежа *āс-сāй*), пл. *суō/со-суō* (форма эргат. падежа пл. *ас-айса*); *хъаййа/хъо-хъай* – ты сам, сама, само (форма эргат. падежа *ахь-хъай*), пл. *хъуō/хъо-хъуо* (форма эргат. падежа в пл. *ахь-айхъа*); *э-шииē* – он сам, сама, само (форма эргат. падежа *оцуо-шииэ*); пл. *иза-шиā* (форма эргат. падежа *оцуо-шиā*); *тхo-тхāй* – мы сами (форма эр-

гат. падежа *оха-тхаиш/тхāй*), пл. *тхо-тхаиш*; *вāй-ваиш* – мы сами (форма эргат. падежа то же самое), пл. *вай-ваиш*; *шу-шāй/шаиш* – вы сами (форма эр-

гат. падежа *āиш-шаиш/шāй*), пл. *шу-шаиш*; *овиш-шāй* – они сами (форма эргат. падежа *оцар/ацар-шāй/шаиш*), пл. *уиш-шаиш//уьзаиш-шаиш*.

Склонение возвратных местоимений

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
	ед. число 1 л.	2 л.	1 л.	2 л.
Им.	<i>со-сāй</i>	<i>хьо-хъай</i>	<i>со-суō – я сам</i>	<i>хьо-хъуō – ты сам</i>
Род.	<i>са-сāй</i>	<i>хъа-хъай</i>	<i>сан-сайн</i>	<i>хъан-хъайн</i>
Дат.	<i>суōна-сāйна</i>	<i>хъуōна-хъайна</i>	<i>суна-сайна</i>	<i>хъуна-хъайна</i>
Эрг.	<i>āса-сāй</i>	<i>ахъа-хъāй</i>	<i>аса-айса</i>	<i>ахъа-айхъа</i>
Напр.	<i>суōга-сāйга</i>	<i>хъуōга-хъайга</i>	<i>суоьга-сайга</i>	<i>хъуоьга-хъайга</i>
Совм.	<i>суōца-сāйца</i>	<i>хъуōца-хъайца</i>	<i>суоьца-сайца</i>	<i>хъуоьца-хъайца</i>
Сравн.	<i>суол-сāйл</i>	<i>хъуол-хъāйл</i>	<i>сол-сāйл</i>	<i>хъол-хъайл</i>
Вещ.	<i>суох-сāйх х</i>	<i>ьуох-хъайх</i>	<i>сох-сāйх</i>	<i>хъох-хъайх</i>

	Шаройский диалект	Плоскостной диалект
	мн. число 1 л.	
Им.	<i>тхо-тхаиш//тхо-тхāй</i>	<i>тхо-тхаиш – мы сами</i>
Род.	<i>тха-тхāй</i>	<i>тхан-тхайн</i>
Дат.	<i>тхуōна-тхайна</i>	<i>тхуна-тхаишна//тхайна</i>
Эрг.	<i>ōха-тхāй//ōха//тхаиш</i>	<i>оха-тхаиш</i>
Напр.	<i>тхуога-тхāйга//тхāишга</i>	<i>тхуоьга-тхайга</i>
Совм.	<i>тхуōца-тхāйца//тхāишца</i>	<i>тхуоьца-тхайца</i>
Сравн.	<i>тхуол-тхāйл</i>	<i>тхуол-тхайл</i>
Вещ.	<i>тхуох-тхāйх</i>	<i>тхох-тхайх</i>

Вопросительные местоимения. Вопросительные местоимения в шаройском диалекте: *мил?* «кто?» (ед. ч.), *милови?* *милуш?*//*мили?* (мн. ч.) – «кто?» (пл. *мила?*, *мули?*); *хIу^н?*//*ху^н?*//*фу^н?* – что? (пл. *хIу^н?*); *милох?*//*милух?* – «кто-

рый?», «какой?» (в пл. *мулха?*); *муха?* – «какой?» (в пл. *муха?*); *мас?* – «сколько?» (в пл. *маса?*); *миел?* – «сколько?», «насколько?» (в пл. *мел?*); *массологI?* «который? (по счету)» (в пл. *моссалгIа?*).

Склонение вопросительных местоимений

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
Им.	<i>массологI</i>	<i>милух//милох</i>	<i>моссалгIа</i>	<i>мулха</i>
Род.	<i>массологIчуон</i>	<i>милухчуон</i>	<i>моссалгIачун</i>	<i>мулхачун</i>
Дат.	<i>массологIчуонна</i>	<i>милухчуонна</i>	<i>моссалгIачунна</i>	<i>мулхачунна</i>
Эрг.	<i>массологIчуō</i>	<i>милухчуō</i>	<i>моссалгIачуō</i>	<i>мулхачуō</i>
Напр.	<i>массологIчуонг</i>	<i>милухчуонг</i>	<i>моссалгIачуьнга</i>	<i>мулхачуьнга</i>
Совм.	<i>массологIчуонц</i>	<i>милухчуонц</i>	<i>моссалгIачуьнца</i>	<i>мулхачуьнца</i>
Сравн.	<i>массологIчуол</i>	<i>милухчуол</i>	<i>моссалгIачул</i>	<i>мулхачул</i>
Вещ.	<i>массологIчуох</i>	<i>милухчуох</i>	<i>моссалгIачух</i>	<i>мулхачух</i>

Указательные местоимения. *Яра//йера* «этот (эта, это)» (пл. *хIара*), мн. ч. *еровиш//йоровиш* «тот (та, то)» (пл. *хIорш*), *дIōрйер//Iōйер//Iōгерйер* (субст. ф. *Iōйериг*) «тот (та, то)» (пл. *дIō//дIōра* (субст. ф. *дIōраниг*, мн. ч. *дIōраниш/дIōраниш*); *хъаллайер//хъалōрйер* «тот (та, то)» (пл. *хъуьлла/хъуьллара*) (субст. ф. *шар.*, ед.ч., *хъалларниг//хъалларниг*, мн. ч. *хъалларниш//хъалларниш*, пл. *хъуьлларниг*, мн. ч. *хъуьлларниш/хъуьлларниш*), *дIōйер/хъалорйер/хъаллайер/Iойер/Iōгерйер* 'тот, та, то' (пл. *дIōраниг*, *хъуьлларниг*), *овиш//уйиш* – они (пл. *уьш//хIорш*).

В шаройском диалекте, в отличие от плоскостного диалекта чеченского языка, есть другие разновидности указательных местоимений. К примеру, местоимения *дIōйер//дIōрйер* «тот, который», *хъаллаер//хъалларйер* «тот, который дальше», *хъалōйер//хъалōрйер* «тот, который чуть дальше», *хъалōгерйер* «тот, который еще дальше». Как видно, если в плоскостном диалекте чеченского языка эти местоимения обозначаются одной лексемой, то в шаройском диалекте они отличаются по лексическим, фонетическим и семантическим значениям.

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
Им.	<i>яра//йера</i>	<i>еровш//йоровш</i>	<i>xIapa</i>	<i>xIopш</i>
Род.	<i>окхуон</i>	<i>акхан</i>	<i>xIokхуьнан</i>	<i>xIokхеран</i>
Дат.	<i>окхуонна</i>	<i>акхарна</i>	<i>xIokхунна</i>	<i>xIokхарна</i>
Эрг.	<i>окхуо̄</i>	<i>акхар</i>	<i>xIokхуо̄</i>	<i>xIokхар</i>
Напр.	<i>окхуонг</i>	<i>акхарг</i>	<i>xIokхуьнга</i>	<i>xIokхаьрга</i>
Совм.	<i>окхуонц</i>	<i>окхарц//акхарц</i>	<i>xIokхуьнца</i>	<i>xIokхаьрца</i>
Сравн.	<i>акхуол</i>	<i>акхарал//окхарал</i>	<i>xIokхул</i>	<i>xIokхарал</i>
Вещ.	<i>окхунах//окхуох</i>	<i>окхарайх//акхарайх</i>	<i>xIokхунах</i>	<i>xIokхарах</i>

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
Им.	<i>дIо̄рйер//Iо̄йер//Iо̄герйер</i>		<i>дIо̄ра</i>	
Род.	<i>дIо̄рчуон//Iо̄рчуон//Iо̄гарчуон</i>		<i>дIо̄рачун</i>	
Дат.	<i>дIо̄рчарн//Iо̄рчуон//Iо̄гарчуон</i>		<i>дIо̄рачунна</i>	
Эрг.	<i>дIо̄рчуо̄//Iо̄рчуо̄//Iо̄гиерчуо̄</i>		<i>дIо̄рачуо̄</i>	
Напр.	<i>дIо̄рчуонг//Iо̄рчуонг//Iо̄герчуонг</i>		<i>дIо̄рачуьнга</i>	
Совм.	<i>дIо̄рчуонц//Iо̄рчуонц//Iо̄гиерчуонц</i>		<i>дIо̄рачуьнца</i>	
Сравн.	<i>дIо̄рчуол//Iо̄рчарал//Iо̄гиерчарал</i>		<i>дIо̄рачул</i>	
Вещ.	<i>дIо̄рчуох//Iо̄рчуох//Iо̄гиерчуох</i>		<i>дIо̄рачух</i>	

Неопределенные местоимения. *Миниех* «некто (неопределенный)» (в *пл. милиех//миниех*); *хIуниех* «некто (неопределенное)» (в *пл. хIуниех*); *хьа̄них* «некто, некий» (в *пл. хьё̄ниех*); *хIуниех-миниех* «некто там неопределенный» (в *пл.*

хIунех-минех); *масайтта* 'несколько' (*пл. маситта*), *милли а* 'кто-нибудь' (*пл. милла а*), *хIуь а* 'кто-нибудь' (*пл. хIуь а*), *мелла а* 'сколько-нибудь' (*пл. мелла а*), *миллух а//миллох а* 'какой-нибудь хьа? – кто?' (*пл. то же*).

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
Им.	<i>хьа̄них</i>	<i>миллох а//миллух а</i>	<i>хьё̄ниех</i>	<i>муьлхха а</i>
Род.	<i>хьа̄нихай</i>	<i>миллохчон а</i>	<i>хьё̄ниехан</i>	<i>муьлххачун а</i>
Дат.	<i>хьа̄нихан</i>	<i>миллохчуонна а</i>	<i>хьё̄ниехана</i>	<i>муьлххачунна а</i>
Эрг.	<i>хьа̄нихас</i>	<i>миллохчуо̄ а</i>	<i>хьё̄ниехуо̄</i>	<i>муьлххачуо̄ а</i>
Совм.	<i>хьа̄нихаг</i>	<i>миллохчуонга а</i>	<i>хьё̄инехиё̄</i>	<i>муьлххачуьнга а</i>
Напр.	<i>хьа̄нихац</i>	<i>миллохчуонца а</i>	<i>хьё̄ниё̄хуо̄</i>	<i>муьлххачуо̄ а</i>
Сравн.	<i>хьа̄нихал</i>	<i>миллохчуол а</i>	<i>хьё̄ниехал</i>	<i>муьлххачул а</i>
Вещ.	<i>хьа̄нихах</i>	<i>миллохчуох а</i>	<i>хьё̄ниехах</i>	<i>муьлххачух а</i>

Определительные местоимения. *Дарриг а//доллу дар а* 'весь' (*пл. дерриге а*), *мосуо а* 'все' (*пл. массуо а*), *хIору//хIо̄р* 'каждый' (*пл. хIор*), *иитти//ииттол* 'такой' (*пл. иитта*) *кхи"//кхиер* «другой, прочий, иной (вообще)» (*пл. кхи"*), *вуож* «другой, прочий (из наличного)»

(*пл. важа*), *оккхол//оккхул* «столький, столько» (субст. ф. *оккхуо̄лийариг, оккхӯлийарии*), (*пл. хIоккхул*) (субст. ф. *хIоккхулниг, мн. ч. хIоккхулнии*), *оцул* «столько» (субст. ф. *оцӯлийариг, оцӯлийарии*), (*пл. оцул*) (субст. ф. *оцӯлниг, оцӯлнии*).

Склонение определительных местоимений

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
Им.	<i>хIору//хIо̄р</i>	<i>иитти//ииттол</i>	<i>хIор</i>	<i>иитта</i>
Род.	<i>хIорун</i>	<i>ииттичуон</i>	<i>хIораннан</i>	<i>ииттачун</i>
Дат.	<i>хIорунна</i>	<i>ииттичуонна</i>	<i>хIоранна</i>	<i>ииттачунна</i>
Эрг.	<i>хIоруммуо̄</i>	<i>ииттичуо̄</i>	<i>хIо̄раммуо̄</i>	<i>ииттачуо̄</i>
Напр.	<i>хIорунга</i>	<i>ииттичуонга</i>	<i>хIо̄ранга</i>	<i>ииттачуьнга</i>
Совм.	<i>хIорунца</i>	<i>ииттичуонца</i>	<i>хIо̄ранца</i>	<i>ииттачуьнца</i>
Сравн.	<i>хIорунал</i>	<i>ииттичуол</i>	<i>хIо̄ранал</i>	<i>ииттачул</i>
Вещ.	<i>хIорунах</i>	<i>ииттичуох</i>	<i>хIо̄раннах</i>	<i>ииттачух</i>

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
	<i>субст. форма</i>			
Им.	<i>оккхӯлийариг (-в,-б,-д)</i>	<i>оцӯлийариг</i>	<i>хIоккхулниг</i>	<i>оцӯлниг</i>

Род.	<i>оккхулчуон</i>	<i>оцулчуон</i>	<i>хIоккхулчун</i>	<i>оцулчун</i>
Дат.	<i>оккхулчуонна</i>	<i>оцулчуонна</i>	<i>хIоккхулчунна</i>	<i>оцулчунна</i>
Эрг.	<i>оккхулчуо̄</i>	<i>оцулчуо̄</i>	<i>хIоккхулчуо̄</i>	<i>оцулчуо̄</i>
Напр.	<i>оккхулчуонг</i>	<i>оцулчуонг</i>	<i>хIоккхулчуьнга</i>	<i>оцулчуьнга</i>
Совм.	<i>оккхулчуонца</i>	<i>оцулчуонца</i>	<i>хIоккхулчуьнца</i>	<i>оцулчуьнца</i>
Сравн.	<i>оккхулчуол</i>	<i>оцулчуол</i>	<i>хIоккхулчул</i>	<i>оцулчул</i>
Вещ.	<i>оккхулчуох</i>	<i>оцулчуох</i>	<i>хIоккхулчух</i>	<i>оцулчух</i>

Отрицательные местоимения. Хумма а 'ничто' (пл. хIумма а), аддам а//сагга а 'никто' (букв. 'ни единая душа', 'ни один человек') (пл. аддам а//стагга а), цаIIа 'никто' ('ни один') (пл. цхъа а), цIаккъа а 'никогда' (пл. цкъа а).

Притяжательные местоимения. Притяжательные местоимения в шаройском диалекте, как и в плоскостном, образуются от личных местоимений: *сāй^н/са^н* «мой», *са^н-сāй^н/сай^н* «мой (только)» (субст. ф. *саййер//иг*) (в пл. *сай^н/са^н* «мой», *са^н-сай^н/сай^н* «мой (только)» (субст. ф. *сайниг*); *хъай^н/хъа^н* «твой», *хъа^н-хъай^н/хъай^н* «твой (только)» (субст. ф. *хъаййер//иг*) (в пл. *хъай^н/хъа^н* «твой», *хъа^н-хъай^н/хъай^н* «твой (только)» (субст.

ф. *хъайниг*); *оцуна^н* «его», *оцун-шиэ^н/шиэ^н* «его (только)» (субст. ф. *оцунйер//иг*, *шиэйер//иг*) (в пл. *цуьна^н* «его», *цуьна-шиэ^н/шиэ^н* «его (только)» (субст. ф. *цуьнаниг*, *шиэниг*); *вай^н* «наш (инкл.)», *вай^н-вāй/вēша^н* «наш (только)» (субст. ф. *вāййер//иг*) (в пл. *вай^н* «наш (инкл.)», *вай^н-вēша^н/вēша^н* «наш (только)» (субст. ф. *вайниг*); *тха^н/тхāй^н* «наш (экскл.)», *тха^н-тхāй^н* «наш (только)» (субст. ф. *тхāййер//иг*) (в пл. *тха^н/тхāй^н* «наш (экскл.)», *тха^н-тхēша^н/тхēша^н* «наш (только)» (субст. ф. *тхайниг*); *шāй^н/шу^н* «ваш», *шу^н-шāй^н* «ваш (только)» (субст. ф. *шāййер//иг*) (в пл. *шāй^н/шу^н* «ваш», *шу^н-шāй^н/шēша^н* «ваш (только)» (субст. ф. *шайниг*).

Склонение притяжательных местоимений

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
Им.	<i>вāйер</i>	<i>тхāйер</i>	<i>вайн ерг</i>	<i>тхайн ерг</i>
Род.	<i>вāйчуон</i>	<i>тхāйчуон</i>	<i>вайчун</i>	<i>тхайчун</i>
Дат.	<i>вāйчуонна</i>	<i>тхāйчуонна</i>	<i>вайчунна</i>	<i>тхайчунна</i>
Эрг.	<i>вāйчуо̄</i>	<i>тхāйчуо̄</i>	<i>вайчуо̄</i>	<i>тхайчуо̄</i>
Напр.	<i>вāйчуонга</i>	<i>тхāйчуонга</i>	<i>вайчуьнга</i>	<i>тхайчуьнга</i>
Совм.	<i>вāйчуонца</i>	<i>тхāйчуонца</i>	<i>вайчуьнца</i>	<i>тхайчуьнца</i>
Сравн.	<i>вāйчуол</i>	<i>тхāйчуол</i>	<i>вайчул</i>	<i>тхайчул</i>
Вещ.	<i>вāйчуох</i>	<i>тхāйчуох</i>	<i>вайчух</i>	<i>тхайчух</i>

	Шаройский диалект		Плоскостной диалект	
	субст. форма			
Им.	<i>сайдар</i>	<i>хъайдар</i>	<i>сайниг</i>	<i>хъайниг – мой, твой</i>
Род.	<i>сайчо^н</i>	<i>хъайчо^н</i>	<i>сайчу^н</i>	<i>хъайчу^н</i>
Дат.	<i>сайчонна</i>	<i>хъайчонна</i>	<i>сайчунна</i>	<i>хъайчунна</i>
Эрг.	<i>сайчуо</i>	<i>хъайчуо</i>	<i>сайчуо</i>	<i>хъайчуо</i>
Напр.	<i>сайчонга</i>	<i>хъайчонга</i>	<i>сайчуьнга</i>	<i>хъайчуьнга</i>
Совм.	<i>сайчонца</i>	<i>хъайчонца</i>	<i>сайчуьнца</i>	<i>хъайчуьнца</i>
Сравн.	<i>сайчол</i>	<i>хъайчол</i>	<i>сайчул</i>	<i>хъайчул</i>
Вещ.	<i>сайчоx</i>	<i>хъайчоx</i>	<i>сайчух</i>	<i>хъайчух</i>

Профессор И.А. Арсаханов в своей работе отмечает тот факт, что в шаройском диалекте множественное число от самостоятельных притяжательных местоимений образуется посредством суффикса **-арш** (**б, й, д**), когда в плоскостном диалекте чеченского языка самостоятельные притяжательные местоимения образуются при помощи суффикса **-наш**, и в качестве примера представлены следующие местоимения: *сайбарш – мои* (пл. *сайнаш//хъайберш*), *хъайбарш – твои* (пл. *хъайнаш//хъайберш*), *цунабарш – его* (пл. *цуь-*

наш//цуьнаберш), *тхайбарш – наши* (пл. *тхайнаш//тханберш*), *вайбарш – наши* (пл. *вайнаш//вайберш*), *шубарш – ваши* (пл. *шуйнаш//шуберш*), *церабарш – их* (пл. *церанаш//цераберш*) [1, с. 74]. Однако, по имеющимся у нас материалам, эти местоимения выглядят так: *сайбариг//самбариг – мой*, *сайбаршш//хъамбаршш – мои* (пл. *сайнберг, сайнаш//хъайберш*), *хъайбариг//хъамбариг//хъайбар – твой*, *хъайбаршш//хъамбаршш – твои* (пл. *хъайнберг, хъайнаш//хъайберш*), *оцунбариг//оцуйбариг – его*, *оцунбаршш//оцуйбаршш – его* (пл. *цуь-*

нанберг цуьннаш//цуьнаберш), тхӕйбариг//тхамбариг, тхӕйбарииш//тхамбарииш – наши (пл. тхайберг, тхайнаш//тханберш), вӕйбариг, вӕйбарииш – наши (пл. вайнаш//вайберш), шубариг, шумбарииш//шубарииш – ваши (пл. шуберг, шуьнаш//шуберш), эцербариг, эцербарииш – их (пл. церанберг, церанаш//цераберш). На наш взгляд, изначальной формой притяжательных местоимений в шаройском диалекте был формант *-бариг* (-в, -й, -д) в единственном числе, во множественном числе – формант *-барииш* (-в, -й, -д).

Независимые притяжательные местоимения в плоскостном диалекте чеченского языка образуются от зависимых с помощью суффикса *-иг* (*сайниг, хӕйниг, шиениг, тхайниг, вӕшаниг, шайниг*) и склоняются как независимые прилагательные. В шаройском диалекте независимые притяжательные местоимения образуются с помощью суффикса *-йариш//иериг* (в-, б-, д-), и эти местоимения отличаются от сопоставимых местоимений плоскостного диалекта фонетическим значением: *саййариш//саййериг, хӕййариш//хӕййериг, шиӕйариш//шиӕйериг, шӕййариш//шӕййериг, тхӕййариш//тхӕййериг, вӕййариш//вӕййериг*. Множественное число независимых притяжательных местоимений образуется с помощью суффикса *йариш//иерииш* (в-, б-, д-): *саййариш//саййерииш, хӕййариш//хӕййерииш, шиӕйариш//шиӕйерииш, шӕййариш//шӕййерииш, тхӕййариш//тхӕййерииш, вӕййариш//вӕййерииш*.

Выводы:

В шаройском диалекте местоимения подразделяются на следующие разряды: личные, возвратные, вопросительные, притяжательные, независимые притяжательные, указательные, определительные, неопределенные, отрицательные.

1. Местоимения в шаройском диалекте отличаются от сопоставимых местоимений плоскостного диалекта чеченского языка по лексическим, фонетическим и грамматическим особенностям.

2. В шаройском диалекте указательные местоимения делятся на подразряды, которые отсутствуют в литературном языке: *дӕлӕйер//дӕлӕйер* «тот, который», *хӕллаер//хӕллаер* «тот, который дальше», *хӕлӕйер//хӕлӕйер* «тот, который чуть дальше», *хӕлӕгер* «тот, который еще дальше».

3. Некоторые местоимения, начинающиеся на согласные звуки в плоскостном диалекте (*кхӕра, царна, цӕра, цуӕ, хӕокхуӕ, хӕокхара*), в шаройском диалекте начинаются на гласные звуки (*ӕакхар, ӕацарн, ӕацӕр, ӕоцуӕ, ӕокхуӕ, ӕакхӕра*).

4. Форманты косвенных падежей плоскостного диалекта (*чу, чун, чунна, чуӕ, чуьнга, чуьнца, чул, чух*) в шаройском диалекте имеют отличия (*ч, чуон, чуонна, чуӕ, чуонга, чуонца, чуол, чуох*).

5. В шаройском диалекте корневая гласная в составе основы некоторых местоимений удлиняется, когда в плоскостном диалекте чеченского языка эта гласная не имеет долготы: *вӕй* – 'наш' (в пл. *вай*), *тхӕй* – 'наш' (в пл. *тхай*), *сӕй* – 'мой' (в пл. *сай*) и т.д.

6. Некоторые местоимения в шаройском диалекте имеют несколько лексических форм, но одинаковы по смыслу, когда в плоскостном диалекте чеченского языка эти местоимения имеют только одну лексическую форму: в *шар.*, *дӕлӕге//дӕлӕгер* 'туда' (в пл. *дӕлӕга*).

Список сокращений:

1. Пл. – плоскостной диалект чеченского языка;
2. Шар. – шаройский диалект чеченского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсаханов И.А. Чеченская диалектология. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1969. 208 с.
2. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1960. 237 с.
3. Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975. 383 с.
4. Дешериев Ю.Д. Современный чеченский литературный язык. Грозный, 1960. С. 116.
5. Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси: «Мицниереба», 1977. 298 с.
6. Тимаев А.Д. Современный чеченский язык: лексикология, фонетика, морфология. Грозный: «Грозненский рабочий», 2011. 415 с.

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДЕЛЫ ПАРОНИМИИ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ
(о проблеме корпуса в терминологическом словаре)**

© С.Х. ШИХАЛИЕВА, Ш.И. ХОДЖАЕВА

Дагестанский научный центр РАН, г. Махачкала
Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

**STYLISTIC LIMITS OF PARONYMY IN THE INTERPRETATION OF TEXTS
(on the issue of terminological dictionary corpus)**

© S.H. SHIKHALIEVA, S.I. KHODZHAIEVA

Dagestan Scientific Center of RAS, Makhachkala
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

***Аннотация.** В современной науке одним из приоритетных направлений лингвистических исследований является изучение терминологических подсистем. Повышенное внимание к изучению терминов вызвано интернационализацией понятий. Поскольку понятие о термине конструируется с помощью языка, а язык никогда не может объективно представить внешнюю действительность, продуцируемые человеком термины увеличиваются количеством представлений. Это ведет к позитивистским утверждениям, что познать окружающий мир и рассмотреть представление социального мира можно в корпусе множественных интерпретаций. Рассматривая понятие «интерпретация» применительно к терминологическому словарю, авторы статьи определяют целенаправленную деятельность эстетической речи. Интерпретация эстетической речи осуществляется осознанием корпуса литературного языка, благодаря которому создается терминологическая подсистема. В частности, тексты, конструируемые формой терминологических подсистем, рассматриваются в эстетической сфере литературного языка. Эстетические тексты обнаруживаются и в сфере быта, и в общественно-политической, и в досуговой форме жизнедеятельности человека. Они удовлетворяют универсальную потребность в оценке трансформации стилистических ориентиров и функционирования в форме эстетической культуры. Представляя опыт развития отечественной текстологии, авторы статьи предлагают сгруппировать тексты паронимии и описать библейские термины. В статье представляется формальный аппарат концепции терминологического словаря со знаками-индексами. Знаки-индексы указываются в оценке трансформации стилистических ориентиров. Такое понимание соответствует представлению структуры языка в совокупности терминологических единиц. Описанные функциональные противопоставления в совокупности терминологических единиц отнюдь не являются формальными. За ними стоят различия путей исторического формирования языков и культуры народов.*

***Ключевые слова:** терминология, словарь, текстология, перевод Библии, эстетический текст.*

***Abstract.** In modern science, one of the priority areas of linguistic research is the study of terminological subsystems. The increased attention to the study of terms is caused by the internationalization of concepts. Since the concept of the term is constructed with the help of language, and the language can never objectively represent the external reality, the terms produced by a man are increased by the number of representations. This leads to positivistic statements that one can understand the surrounding world and consider the representation of the social world in the body of multiple interpretations. Considering the concept of interpretation, with regard to the terminological dictionary, the authors of the article determine the purposeful activity of aesthetic speech. The interpretation of aesthetic speech is realized by understanding the corpus of the literary language, through which a terminological subsystem is created. In particular, texts constructed by the form of terminological subsystems are considered in the aesthetic sphere of the literary language. Aesthetic texts are found in the sphere of everyday life, in socio-political and leisure forms of human activity. They satisfy the universal need to evaluate the transformation of stylistic benchmarks and functioning in the form of aesthetic culture. Presenting the experience of the development of Russian textology, the authors of the article suggest grouping the texts of paronymy and describing the*

biblical terms. The article presents a formal apparatus of the concept of a terminological dictionary with index signs. Signs-indices are indicated in the assessment of the transformation of stylistic benchmarks. This understanding corresponds to the representation of the structure of the language in the aggregate of terminological units. The described functional oppositions in the totality of terminological units are by no means formal. They represent the differences in the ways of the historical formation of languages and the culture of peoples.

Keywords: *terminology, dictionary, textology, Bible translation, aesthetic text.*

Несмотря на огромный интерес, проявляемый сегодня к теории и практике коммуникации, в России отсутствуют труды, содержащие комплексное описание и последовательный анализ методов коммуникативных исследований. Между тем, системное использование методов коммуникативных исследований не только свидетельствует о компетентности ученого, но и является декларацией его исследовательской позиции. В частности, в научной и методологической литературе последних десятилетий, как отечественной, так и зарубежной, отсутствует системное изложение теории перевода, ориентированной на текст Библии. Если ознакомиться с новейшей литературой, то формирование текстов, ориентированных на перевод Библии, представляется небольшим количеством работ со специальными параллельными инструкциями В. Коллера, П. Ньюмарка, К. Норда, В.И. Проворотова [1; 2]. И это не случайно.

Первые переводы Библии на языках Кавказа появились в середине XIX в. Появление переводов Библии на языках Кавказа литографировало отечественную текстологию [3]. Представляя опыт развития отечественного переводоведения со специальными инструкциями, отметим, что первый аварский текст Евангелия был издан в 1870 г., а первый кумыкский – в 1888 г. Практика перевода Библии, выполненная в эквиваленте параллельных текстов, адаптирует не только пред-

ставление христианского атрибута, но и значение латинской и арабской график [4; 5]. Это восприятие предлагает иначе взглянуть на стилистические пределы паронимии со специальными параллельными инструкциями языков Кавказа.

Опираясь на значение русской паронимии, можно сказать, что в культурном наследии «текста» Библии оказывается текст, открытый для пересмотра, так как вокруг группируются новые, а положение старых меняются [6; 7]. Более того, «текст» реагирует на новые тексты и расставляет в них новые акценты и, таким образом, интерпретирует их. Некоторые акценты обладают признаками универсалий, другие стоят на границе с феноменами разговорной речи «низкий (просторечный)/высокий (академический)» стиль [8; 9]. Типизируя феномены разговорной речи, рассмотрим тексты в соотношениях функционального эквивалента «L» ↔ «R»: R – литературные языки с пометой *письменная разговорная речь*; L – бесписьменные языки с пометой *устная разговорная речь*. Феномены разговорной речи в соотношениях функционального эквивалента «L» ↔ «R» порой отождествляются комментариями в пользу исторической текстологии: оно структурирует собрание интерпретирующих текстов, или находящихся в диалоге текстов [10]. Характеристики текстов в соотношениях функционального эквивалента «L» ↔ «R» можно расширить следующим образом:

метод перевода и нулевая стилистическая позиция	способ реализации и нивелированный язык перевода: стилистическая нивелизация, «переводизмы»
<i>применение стиля, характерного для воспринимающей среды</i>	<i>адаптация стиля оригинала, поэтика переводчика «поглощает» поэтику оригинала</i>
<i>открытие нового стиля</i>	<i>обогащение отечественного стилистического контекста новыми стилистическими приемами</i>

В этом случае продукт исторической текстологии учитывает проникновение прагматическо-

го механизма – текст категории «Z» [категория русского языка]:

термин русского языка в кириллице	эквивалент аварского языка в латинице
<i>Таур-ат</i>	<i>Taur-at</i> * Библия
<i>Заб-ур</i>	<i>Zab-ur</i> * Псалтырь
<i>Инж-ил</i>	<i>Ing-il</i> * Евангелие

Нужно признать, что рассматриваемый список различает архитектуру терминов с осознанием оригинального текста [11; 12]. При этом

языковое сознание, находясь за пределами мотивированного текста, репрезентирует измерение межкультурной коммуникации. А это сводится

в конечном итоге к отбору специализированных терминов, которые расширяют не только пространство подлинного содержания текста, но и актуализируют сферу языковой личности. Таково следствие процесса трансформации. В систем-

ных отношениях трансформации оказываются сильные и слабые признаки стилистически нейтральных форм: *rahim* «милость», *duniál* «мир», *zamaná* «эпоха»:

подлежащее <лексические паронимы>	определение <грамматические паронимы>	сказуемое <фразеологические паронимы>
<i>rahim</i> -*-av	<i>rahim</i> - /-a*b	<i>rahim</i> -*-ize
<i>dunial</i> -*-av	<i>dunial</i> - /-a*b	<i>dunial</i> -*-ize
<i>zaman</i> -*-av	<i>zaman</i> - /-a*b	<i>zaman</i> -*-ize

Это описание обнаруживается при документации акцентной кривой, однако если рассмотреть пространство паронимии в SMS-переписке, приходишь к выводу, что экзегетика определяет понятие лингвистической компетенции [13]. Лингвистическая компетенция рассма-

тривается нами как объективная необходимость образовательной практики. Особое место в ней отведено библейскому дискурсу [14]. Если углубить понятие специальной литературы, то можно обнаружить фрагменты эстетического текста:

фразеологически связанные паронимы	
термины Библии	эквиваленты поэзии
<i>'Haziz</i> «Имя Бога: Бог Единый»	<i>haziz-áj</i> «единственная»
<i>Hilás</i> «Имя пророка»	<i>halás</i> «спасенная»
<i>Ha'-va</i> «Женское имя* Ева»	<i>ha-va'</i> «климат»
<i>Amán</i> «Имя Бога: Бог Сильный»	<i>aman-át</i> «безопасность»

Совершенно очевидно, что в одних случаях рассматривается форма имен, а в других – синтаксические инварианты родовой формы. Научно обоснованная процедура перевода позволяет транспонировать формы с богословским инвариантом: ADAM «1. В SMS-ЯЗЫКЕ мужское имя; 2. В ЯЗЫКЕ Библии человек как биологический класс / по умолчанию относится к мужчине». Наиболее активный инвариант перевода упо-

требуется в не книжном стиле «R»↓«L»: ADAM «1. уголов. лексика человек, не имеющий права выйти из группировки / по умолчанию относится к мужчине»; 2. молод. сленг студент младшего курса». Активный инвариант SMS-ЯЗЫКА создает восприятие типов текста в жанрах коммуникации. Степень актуальности значимого текста представляется в инварианте «клише* штамп»:

языковое клише	языковой/речевой штамп	штамп сознания
готовая формула, частотно употребляемая в речи	асемантическая единица, лишенная информационной нагрузки	ассоциативно-формальная единица, не имеющая семантики
лингвистический феномен	психологический феномен	психологический феномен

Анализируя специальные сферы коммуникации, интертекстуальность структурирует форму эстетической культуры [15]. Здесь следует зафиксировать иные представления с понятиями

эстетического отношения: с прописной буквы пишется имя собственное, со строчной – имя нарицательное:

имя нарицательное, т.е. реалия	имя собственное, т.е. термин
<i>алжан</i> «рай»	<i>Алжан-ат</i> «Женское имя»
<i>дуньял</i> «мир»	<i>Даниял</i> «Мужское имя»
<i>рахим</i> «милость»	<i>Рахим-ат</i> «Женское имя»
<i>амин</i> «истина»	<i>Амин-ат</i> «Женское имя»

Некоторые понятия в формах канона и эталона требуют уточнений – «говорящее» и «значащее» имя. Значащее имя активно воспроизводится среди географических наименований – *Алазан рагЛибе* «на краю света: букв. на берегу Алаза-

на»; *алжан бакьулъ* «на седьмом небе: букв. в середине рая» [16; 17]. По этой причине географические наименования идентифицируются с терминами (именами собственными), а имена нарицательные, обозначающие родовое понятие, –

с лексемой. Так, при документации терминологического «Словаря» репрезентируется акцентная кривая «*прописные=строчные буквы*» ↓ «ИМЯ

собственное*имя нарицательное». Правила употребления прописных и строчных букв на протяжении веков менялись:

строчная буква	прописная буква
<i>россияне</i>	<i>Россияне</i>
<i>шведы</i>	<i>Шведы</i>

Итоговые формулировки находим в грамматиках Н.И. Греча, Ф.И. Буслаева, Я.К. Грота. В этом случае аппарат перекрестных букв фиксирует заимствованные эквиваленты [18]. Полученные результаты сведены в таблицы. В таблицах отражены только частотные значения с подъязыками I, II, III рангов (I ранг – иберийско-кавказские, II ранг – тюркские, III ранг – индоевропейские).

Детальное описание терминов в подъязыках I, II, III рангов – **интереснейшая задача терминоведения**. Закономерность функционирования терминов нахско-дагестанского ранга последовательно отражена в работах Ш.И. Микаилова, Г.А. Климова, У.А. Мейлановой, Р.И. Гайдарова, В.Ю. Гиреева, С.А. Старостина, М.Е. Алексеева, А.И. Халидова, М.Ш. Халилова, П.А. Саидовой, З.Х. Киева [19–29]. Однако область терминоведения в эквиваленте имен собственных не осознается, а категория «определенности=неопреде-

ленности» исчерпывается описанием правил «топоним*антропоним». На самом деле, если мы затрудняемся установить наличие субститута «определенности=неопределенности» в именах собственных, то можно систематизировать существующее написание. Так, например, указательное местоимение, представленное в североандийских говорах, актуализирует написание категории «определенности=неопределенности»: *Гь-ундо-в* – *ищив гь-екIа* «Он – наш человек» // *Гь-ундо-й* – *ищий й-ешкIа* «Она – наша женщина». Класс местоимений, представленный в североандийских говорах, позволяет определить особенность эстетического уровня.

Как известно, человек формируется в искусстве под воздействием совокупности эстетического уровня и условий отражения жизни. Вышеуказанное получает отражение и в позиции речевого дискурса: «*Каспий*↓*касситы***касски*»* [топоним↔этноним]:

Синтаксические разряды художественного кода	<i>кас+ситы</i> «этноним»	<i>Кас+сандра</i> «греческий мифологический персонаж»	<i>кас+ниччи</i> «этноним»
категория определенности/неопределенности и парадигма мотивированного механизма одушевленности	<i>Кас+ем</i> «антропоним: иранский сакральный персонаж»	<i>кас+та</i> «привилегированный клан»	<i>Кас+нийск</i> «урбаноним»
	<i>Кас+умов</i> «антропоним: табасаранский поэт и писатель»	<i>кас+сир</i> «лицо, занимающееся выдачей и приемом ценных бумаг»	<i>Кас+сиопея</i> «мифическая царица Эфиопии»

Этот функциональный принцип обозначения «одушевленного» кода предполагает рассмотрение фразеологизмов собственного языка: *кас* «личность», *кас+йб* «бедняк», *я+кас* «дружок», *Кас+буба* «сказочный персонаж», *кас+мас* «персона», *кас+жви* «аристократ», *кас+ишв* «аристократка», *кас+ар* «личности», *кас+бйр* «некто» (какой-нибудь мужчина или какая-нибудь женщина). Последнее для переводчика особенно важно и это, прежде всего, отражается в поэтике тюркско-нахско-дагестанского компонента [30–32]. Класс дейктиков, представленный в тюркско-нахско-дагестанском компоненте, либо выражает модификацию *мужчина*↓*женщина*, либо группирует словообразовательную синонимию мотивированных имен – *адам* «биологический индивид», *кас* «социальная личность», *инсан* «гражданин страны». Закономерность мотивированных имен актуализируется, во-первых, в концепции диалектов тюркско-нахско-дагестанского компонента; во-вторых, ответвление диалектов предполагает описание терминов паронимии, и оно довольно четко демонстрирует поэтику языков Каспия в концепции диалектов тюркско-нахско-дагестанского компонента:

винованных имен – *адам* «биологический индивид», *кас* «социальная личность», *инсан* «гражданин страны». Закономерность мотивированных имен актуализируется, во-первых, в концепции диалектов тюркско-нахско-дагестанского компонента; во-вторых, ответвление диалектов предполагает описание терминов паронимии, и оно довольно четко демонстрирует поэтику языков Каспия в концепции диалектов тюркско-нахско-дагестанского компонента:

* В конце XVI в. до н.э. древние племена касситов обитали в гористой местности на территории Ирана, у северо-западных границ Элама.

русский термин	табасаранский термин
не=одушевл+ённ+ый	кас+суз+вал
=одушевл+енность	кас+вал

При широкой перспективе терминологическое словообразование приобретает важное и актуальное значение, и поэтому в концепции диалектов тюркско-нахско-дагестанского компонента термины паронимии регистрируют сферу эстетической культуры. Кроме того, одним из компонентов паронимии, в плане преемственного развития «имен», является основа терминологической разработки: 1) первичное и буквальное; *2) вторичное и денотативное; *3) ситуативное и сигнификативное [33].

Поскольку терминология «имен» впитывает интерпретацию текстов в разделах орфографии, акцентологии, орфоэпии, то паронимия описывает различия корневых и аффиксальных морфем. В специальной литературе к ним относят слова,

имеющие одинаковое написание, но различное ударение; слова, имеющие одинаковое произношение, но различное написание: *замОк* – *зАмок*, *дорОг* – *дОрог*, *берегУ* – *бЕрегу*; *будний* – *будничнЫй*, *вести* – *везти* [34].

Расширение фронта эстетических текстов ставит перед специалистами новые задачи – определить их роль в жизнедеятельности человека. Элементы эстетической культуры обнаруживаются и в сфере быта, и в общественно-политической деятельности. Они удовлетворяют универсальную потребность человека – воспринимать окружающую действительность в развитых формах эстетической чувственности. Поэтому все остальные формы эстетической культуры распознаются в непосредственном компоненте Библии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десницкий А. Современный библейский перевод. Теория и методология. М.: ПСТГУ, 2015. 429 с.
2. Красных В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 213 с.
3. Алексеев И.С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 180 с.
4. Гасанов М.Р. К истории и культуре табасаранского народа (происхождение, легенды и предания, письменность, села...). Махачкала: Алеф, 2016. 201 с.
5. Бесолова Е.Б. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядовость осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: СОИГСИ, 2008. С. 19–73.
6. Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 493 с.
7. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Т. 1. М.: Прогресс, 1995. С. 3–54.
8. Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 166–221.
9. Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 3–16.
10. Кассиев Э.Ю. Проблемы художественного перевода дагестанской поэзии. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. С. 124–127.
11. Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварский язык. М.: Академия, 1997. 129 с.
12. Алексеев М.Е., Шейхов Э.М. Лезгинский язык. М.: Академия, 1997. 131 с.
13. Алексеев М.Е., Шихалиева С.Х. Табасаранский язык. М.: Академия, 2003. 134 с.
14. Кон-Шербок Д., Кон-Шербак Л. Иудаизм и христианство. Словарь. М.: Гендальф, 1995. С. 112–123.
15. Суперанская А.В. Орфография собственных имен. М.: Наука, 1973. 144 с.
16. Фоно-морфологическая структура слов в дагестанских языках // В кн.: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. С. 25–31.
17. Туманян Э.Г. Терминология и литературные языки народов СССР // Сб.: Социоллингвистические исследования терминологии языков народов СССР. М.: Минкультура, 1988. С. 4–8.
18. Условные имена собственные // Словарь-справочник: прописная или строчная? / Отв. ред. Д.Э. Розенталь. М.: Русский язык, 1989. С. 344–345.
19. Микаилов Ш.И. Бухнадинский говор анцухского диалекта южного наречия // Сб. ст.: Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала: ДНЦ РАН, 1992. С. 163–172.
20. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. М.: Восточная литература, 1990. С. 502–510.
21. Мейланова У.А. К вопросу о критериях выделения диалектных единиц в дагестанских языках // Сб. ст.: Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала: ДНЦ РАН, 1992. С. 3–8.

22. *Гайдаров Р.И.* Лексика лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1966. 262 с.
23. *Гиреев В.Ю.* Развитие терминов руководства и управления в вайнахских языках (1920–1930 гг.) // В кн.: Проблемы внутренней и внешней лингвистики. М.: Наука, 1978. С. 159–169.
24. *Старостин С.А.* Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 289–349.
25. *Алексеев М.Е., Загиров В.М.* Школьный этимологический словарь табасаранского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. 95 с.
26. *Халидов А.И.* Очерки истории и типологии нахских языков. Грозный, 2008. С. 3–12.
27. *Саидова П.А.* Диалектологический словарь аварского языка. М.: Наука, 2008. С. 9–12.
28. *Бамматов Б.Г.* Русско-кумыкский терминологический словарь. Махачкала: ДНЦ РАН, 2006. С. 3–5.
29. *Киева З.Х.* Тематическая классификация лингвистических терминов // В кн.: Лингвистическая терминология ингушского языка. Махачкала: ДНЦ РАН, 2015. 284 с.
30. *Джидалаев Н.С.* Тюркско-дагестанские языковые контакты. Махачкала: ДНЦ РАН, 2010. С. 9–19.
31. *Хайдаков С.М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.: Наука, 1973. 176 с.
32. *Халиков М.М.* Основы стилистики аварского языка. Махачкала: ДГУ, 1997. 139 с.
33. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 136 с.
34. *Кайдалова А.И., Калинина И.К.* Современная русская орфография. М.: Высшая школа, 1983. С. 200–235.

**О СЕМАНТИКЕ И СИМВОЛИКЕ ПРИРОДНОГО ПРОСТРАНСТВА (ЛЕСА)
В РОМАНЕ М. МАМАКАЕВА «ЗЕЛИМХАН»**

© Т.Б. ДЖАМБЕКОВА

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

**ON SEMANTICS AND SYMBOLISM OF THE NATURAL SPACE (FOREST)
IN M. MAMAKAEV'S NOVEL "ZELIMKHAN"**

© T.B. DZHAMBKOVA

Chechen State Pedagogical University, Grozny

Аннотация. В статье выявляются и рассматриваются элементы символики, связанные с пространственным образом леса. Свои тонкие наблюдения над жизнью леса М. Мамакаев сопоставляет «с жизнью человека и общества». Важно отметить, что художественное представление о лесе как масштабном органическом единстве, веками складывавшемся под влиянием народной языческой традиции, свидетельствует о потрясающем родстве абрека Зелимхана с миром природы. Исходным началом, средой обитания, сферой деятельности и мерилom многих ценностей для человека оказывается природа, которой принадлежит исключительно важная роль, что обусловлено и природными факторами и фольклорно-обрядовыми традициями, и многовековым земледельческим укладом жизни. Пейзаж как часть художественного пространства романа «Зелимхан» и как часть национальной картины мира присутствует практически во всех главах произведения. В статье применяются исторически сложившиеся традиционные методы исследования: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, метод анализа и синтеза. Статья может быть использована магистрантами, аспирантами литературоведами при дальнейшем исследовании творчества М. Мамакаева.

Ключевые слова: образ леса, «дух» леса, архетип дерева, природное пространство, природа, пейзаж, среда, сфера, традиция, роман, картина мира.

Abstract. The article identifies and discusses the elements of symbolism associated with the spatial image of the forest. M. Mamakaev compares his observations of the forest life with "the life of a man and society." It is important to note that the artistic representation of the forest as a large-scale organic unity, formed for centuries under the influence of the pagan folk tradition, demonstrates the amazing relationship of Abrek Zelimkhan with the natural world. The source, the habitat, the sphere of activity and the yardstick of many values for a man turns out to be nature, which has an extremely important role due to natural factors, folk and ritual traditions, and the centuries-old agricultural way of life. The landscape as a part of the artistic space of the novel "Zelimkhan" and as a part of the national worldview is presented in almost all the chapters of the work. Traditional historical research methods are used: comparative-historical, comparative-typological, method of analysis and synthesis. The article can be used by undergraduate and postgraduate students of Literary Studies in their researches on M. Mamakaev's works.

Keywords: forest image, forest "spirit", tree archetype, natural space, nature, landscape, environment, sphere, tradition, novel, worldview.

Основным компонентом многозначной символики природного пространства в чеченском фольклоре и литературе часто выступает образ леса и составляющих его компонентов. Писателями, как это вообще принято в психологии коллективного бессознательного, образ мирового древа традиционно рассматривается как стержень, организующий своими корнями и ветвями структуру мироздания. Отдельно взятое дерево часто выступает как система пространственных и ду-

ховных координат, соединяющих небо и землю, верх и низ, правое и левое, все стороны света.

В романе «Зелимхан» М. Мамакаев подчеркивает, что лес – это наиболее близкое и органичное для героя, как и для народа в целом, пространство. В текст своего произведения писатель включает своеобразное авторское отступление философского характера, вызванное наблюдениями за жизнью леса, сопоставлением её с жизнью человека и общества: «Совсем молодые деревья

растут обычно очень часто, постарше – несколько реже, а старые – и вовсе редко. Здесь проявляется древний закон: и деревья вынуждены вступать в жестокую борьбу друг с другом за место под солнцем – главным источником жизни. Вырастают только сильнейшие. В большом лесу очень трудно утвердиться молодому дереву, так же как юноше – среди взрослых опытных людей – соперников на земле; место ему уступают только отжившие свой век или сваленные бурей великаны» [1, с. 143].

Интересно, что данный фрагмент текста при всех различиях вызывает аллюзию с мотивом дуба, наблюдаемого Андреем Болконским в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». В данном случае интертекстуальные связи объясняются общим архетипом дерева и общими признаками его философского осмысления.

М. Мамакаев тщательно анализирует и развивает намеченную тему: «Утром, проснувшись, абрек (Зелимхан) отправился в горы, прокладывая себе путь среди густого леса. Шёл он легко, ступая мягко и неслышно, словно подкрадываясь к врагу. Молодые деревья покорно уступали ему дорогу – так ловко орудовал он кинжалом, прорубаясь сквозь чащу. То тут, то там, шумно хлопая крыльями, взлетала испуганная его появлением птица; еле слышный шорох выдавал порой присутствие зверя. Лес окружал его со всех сторон» [1, с. 143]. Или другой пример: «Вот тонкий стройный вяз стоит, будто уже одолев в борьбе всех своих соседей. На его высоком гладком стволе – ни единой веточки или листика, одна макушка зеленая. Все пошло в рост – любой ценой надо было пробиться к солнцу. И молодой вяз почти достиг этого. Однако старшие деревья, чьи кроны образуют свод, не очень-то гостеприимны, они никого не допускают выше себя. И этот стройный вяз, наверное, тоже ждёт удел сверстников: вряд ли удастся ему пробиться сквозь могучую кровлю чинар, закрывшую небо» [1, с. 143].

По мнению В.В. Иванова, в мифологии различных народов *лес* связан, прежде всего, с животным миром (или миром зооморфным, обитатели которого представляются в обликах зверей). *Лес* имеет амбивалентный характер: с одной стороны – это «одно из основных местопребываний сил, враждебных человеку (в дуалистической мифологии большинства народов противопоставление «селение – лес» является одним из основных), через *лес* проходит путь в мир мёртвых, с другой стороны, «представление о *лесе* как добром начале отразилось в относительно небольшом числе мифологий. Часто *лес* выступает как место-

нахождение особого высшего божества или же специфических духов *леса*» [2, с. 900].

Нередко в тех случаях, когда (как у ряда тюркоязычных народов) *лес* (чаще всего горный) выступает в качестве объекта поклонения, персонифицируется хребет, поросший лесом. Среди трёх основных миров *лес* обычно относится к среднему миру (в некоторых языках название «лес» образуется от слова со значением «средний»). Близость значений «*лес*» и «*гора*» (во многих языках они обозначаются одним словом) приводит к образованию тройной системы миров «небо – гора (поросший лесом горный хребет) – вода», где гора, связанная с удачей во время охоты, как и лес, играет роль среднего мира.

У большинства народов Кавказа, в том числе и у чеченцев, существовало представление о том, что от бога (хозяина) *леса* зависит удача охотника [3, с. 26–27] («Акхаройн дай» («Хозяева зверей»), «Акхаройн Ю» («Пастух зверей»), «Турс...» («Реликтовое дерево»)). «Считалось, что дух *леса* любит тишину (у эвенков Сибири, шорцев и других народов Алтая во время охоты запрещается громко говорить, смеяться)» [2, с. 900].

В чеченской мифологии *лес* представлен вполне живым субъектом, способным воспринимать беду и радость, выражать эмоции и тревогу. По имеющейся у нас информации, ещё в позапрошлом веке чеченцы-дровосеки, отправляясь в лес, как правило, совершенно осознанно прятали свои топоры (заворачивали их в тряпки), чтобы «раньше времени не беспокоить лес». Считалось, что при появлении дровосека с топором, все деревья в лесу поднимают невероятный «шум и гвалт», что, если бы он воспринимался ухом человека, то это могло закончиться душевным замешательством. Поэтому дровосек, выбрав «жертву», прежде чем «оголеть» топор, произносил сакральную молитву («доIа»), *суть которой сводилась к тому, что рубится оно (дерево) только по очень острой нужде.*

Очень важно, что по мере переосмысления противопоставления «человек – лес» в духе все более значительного различия «народ – природная среда» (соответственно «культура – природа») изменяется отношение к *лесу* и его мифологическому хранителю.

Известно, что в фольклоре и традиционной культуре древних народов был и остается популярным мотив «священной рощи» или райски прекрасного «лесного сада» (один из вариантов т.н. «Iocusamoenus») (букв. «прелестного места»), оказавшего основополагающее влияние на европейскую пейзажную лирику.

Художественное представление о *лесе* как масштабном органическом единстве складывается, прежде всего, под влиянием народной языческой традиции [4]. Подобная семантика и символика леса встречается и в романе М. Мамакаева «Зелимхан»: «Но вот *лес* кончился. Было еще рано, роса не сошла даже с деревьев, и на мягкой высокой траве оставались ярко-зеленые полосы от шагов Зелимхана, ведущие к маленькой речке. Абрек ловко перескочил через неё и, тревожно оглядевшись по сторонам, убедился, что вокруг нет ни души. Перед ним вилась одинокая тропа, ведущая в горы – к приюту пастухов. Зелимхан почувствовал себя легко и спокойно, словно он попал домой. По этой тропе абрек стал взбираться на высокую лысую гору – *Чермой-Лам*. Слева от вершины под ногами у горца лежал плотный, точно снежная лавина, туман, выбиваясь со дна глубокой впадины отдельными извилистыми струйками» [1, с. 143].

Вообще в реалистической культурной традиции XX в. *лес* – это воплощение многотрудных путей человеческого познания (У. Фолкнер, Р. Фрост и др.), наглядный образ родины, школа «экологической мудрости» (Л.М. Леонов и др.) [4].

Интересным оказывается в романе М. Мамакаева «Зелимхан» многозначный пейзаж, в котором мифопоэтическое осмысление *леса* накладывается на реалии новейшего времени, обозначающие мифологему индустриального враждебного человеку и природе города: «Солнце прижимало туман к земле, а боковые отроги отрезали путь к отступлению. Кое-где из пелены тумана торчали поросшие лесом горные вершины да макушки одиноких гигантских чинар. А вдали зеленела чеченская равнина и сумрачный дымный город Грозный, где вынашивались злые умыслы против Зелимхана. Здесь, на недоступной вершине, природа представала в самом бедном своем облици. Даже щедрое лето не смогло одеть в приличный наряд этот бесплодный клочок земли – каменную гору. Только кое-где в трещинах, где снега и ливни оставили темные полосы, радовали глаз бледные маки да фиалки и карабкались карликовые дубки» [1, с. 143–144].

Семантика и символика горных растений отсылает нас к образу выносливого татарника из повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат»: «Я набрал большой букет разных цветов и шёл домой, когда заметил в канаве чудный малиновый, в полном цвету репей того сорта, который у нас называется «татаринном» и который старательно окашивают, а когда он нечаянно скошен, выки-

дывают из сена покосники, чтобы не колоть на него рук. Мне вздумалось сорвать этот репей и положить его в середину букета. Я слез в канаву и... принялся срывать цветок. Но это было очень трудно: мало того, что стебель колелся со всех сторон, даже через платок, которым я завернул руку, – он был страшно крепок, что я бился с ним минут пять, по одному разрывая волокна. Когда я наконец оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета.

Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош на своём месте, и бросил его. "Какая, однако, энергия и сила жизни, – подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь!"» [5, с. 385–386].

К такому же мифопоэтическому архетипу восходит мамакаевское видение природы: «К востоку за Чермой-Лам, словно ограда из кинжалов, выстроились острые вершины Макажоевских гор, такие же бесплодные и нагие. Спускаясь вниз по тропинке, Зелимхан снова вступил в серый непроницаемый сумрак, в сырую тишину леса, где трава заглушала его шаги. Путь вниз ему преградила беснующаяся река Бас. Вырвавшись на простор из тесных ущелий, она всё еще не может успокоиться от возбуждения борьбы с порогами и скалами, вставшими на ее пути. И она ревет, бросается из стороны в сторону, скачет через валуны, живая, трепещущая, ненасытная. Попробуй войти в её гневные воды, и она тотчас захлестнет тебя холодной упругой волной» [1, с. 144].

Следующий фрагмент текста также свидетельствует о потрясающем органическом исконном родстве Зелимхана с миром природы: «День клонился к вечеру, когда в Чиллан-ирзе появился Зелимхан со своим неизменным *Любом*. В лесу стояла тишина, нарушаемая лишь пением птиц. Они, словно соревнуясь между собой, разливались на все голоса. Особенно неистовствовали воробьи, которые чирикали так, что не могло быть сомнения: в этом большом хоре у них нет соперников. Зелимхан любил природу. Для него, оторванного от общества, от семьи, она была самым близким другом, постоянным собеседником, утешителем. Природа приносила ему радость во всяком своем облици: не только солнечной и нарядной, но и в дождь, в зной, когда полыхали зарницы, и хмурой осенью, и холодной зимой. Ничего, что он так часто остается без крова, природа всегда дает ему приют и покой. Вот и сейчас он стоит, спешившись, держа под узды коня, и

словно бы молится зачарованный её прелестью. Но надо торопиться». [1, с. 183].

В системе мифопоэтических представлений М. Мамакаева особое место занимает многоуровневый и многозначный символический образ *огня*: «В предрассветных сумерках Зелимхан и Солтамурад ехали по узкой черной дороге. Утро было прохладное, и всадники кутались в бурки. Лошади шли шагом. – Он обязательно проедет здесь, – сказал Солтамурад. Братья отъехали на два десятка шагов от проезжей дороги и спешили на опушке густого леса.

Они развели большой костер. Зелимхан присел у огня, а младший брат стоял, прижавшись спиной к кряжистому буку. Он поздно вернулся из Махкетов, куда ездил по поручению Зелимхана, и не успел выспаться. Весна была в разгаре. В утреннем воздухе, переполненном ароматом сочных трав и распускающихся цветов, тревожно носились птицы, чувствуя приближение грозы. Там, на западе, блеснула молния. Казалось, кто-то ослепительным зигзагом перечеркнул бледное небо. На этот раз гром загредел совсем близко. Но начавшийся было дождь прекратился, порывы ветра тоже вдруг стихли, и деревья, только что с глухим шелестом клонившиеся на восток, величаво выпрямились, угрюмо возвышаясь над людьми... На лице Зелимхана играли отблески костра. Он задумчиво глядел на огонь, и лицо его было сурово, как у человека, вспоминающего

свои обиды. Но вот из-за темного леса пробился первый бледный луч солнца. Зелимхан взял несколько сухих сучьев, принесенных Солтамурадом, и бросил их в огонь. Треск разгоравшихся веток нарушил тишину леса...» [1, с. 63].

Символика огня в данном отрывке текста выступает в трёх разных ипостасях – костра, грозы и молнии и, наконец, бледного солнца и служит для создания характеристики психологического состояния персонажей.

По мнению исследователя Б.Д. Хунаговой, «создавая новую картину мира и осваивая собственными литературными жанрами, необходимо суметь остаться национальным поэтом, удержав в своем творчестве всё то, что было создано родной национальной культурой на протяжении тысячелетий её существования. Речь идет, прежде всего, о национальном мировосприятии, об основных мифологемах и архетипах окружающей среды, а значит, о сохранении в ней адаптированных к новой среде этнических признаков» [6, с. 12].

Использование мотивов и образов природы в романе М. Мамакаева проходит через открытое обращение автора к морально-этическому существованию собственного народа, стремление восстановить и отразить многовековые связи человека с природным началом, с землей, общность древних традиционных начал, желание обнаружить преемственность эталонов добра, любви, правды, совести, долга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мамакаев М.М.* Зелимхан: роман. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1971.
2. *Иванов В.В.* Лес. Мифы народов мира. Т. I. М., 1982.
3. Чеченское устное народное творчество. Учебное пособие в 2-х частях. Часть первая / Сост. О.А. Джамбеков, Т.Б. Джамбекова. Махачкала: Алеф, 2012.
4. *Соколов М.Н.* <http://www.mifinarodov.com/les.html>.
5. *Толстой Л.Н.* Повести. Рассказы. М.: Советская Россия, 1985.
6. *Хунагова Б.Д.* Фольклорные традиции и художественные особенности горской эпической поэмы (Р. Гамзатов, К. Кулиев). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2004.

ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА ГЕНРИХА ГЕЙНЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЖЕЛАНИЯ

© Дж.М. ДРЕЕВА, Д.А. БЕТАНОВА

Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ

HEINRICH HEINE'S POETIC WORLDVIEW THROUGH THE PRISM OF
CONCEPTUAL MODEL OF DESIRE

© Dzh. M. DREEVA, D.A. BETANOVA

North Ossetian State University, Vladikavkaz

Аннотация. В рамках данной статьи предпринимается попытка объяснить некоторые особенности и своеобразие поэтической картины мира Генриха Гейне сквозь призму концептуальной модели желания, что в свою очередь мотивировано стремлением постичь и осмыслить глубину и многогранность творческой личности немецкого поэта. На основании анализа фактического материала авторы приходят к выводу о высокой степени репрезентации данного концепта в рамках поэтического идиолекта Генриха Гейне. При этом средства вербализации и смысловое наполнение данного концепта с каждым новым периодом творчества существенно меняются. Так, если в ранних лирических произведениях поэта данный концепт представлен, прежде всего, «ядерными» предикатами желания, относящимися непосредственно к «Я» – субъекту, то более поздние демонстрируют переход от лексических средств репрезентации концепта желания к грамматическим, определяющим среди которых становится императив, выражающий волю говорящего, направленный на другое лицо. Таким образом, анализ концепта желания в рамках поэтического идиолекта Генриха Гейне позволяет определить ключевой мотив для каждого определенного периода творчества поэта, а в целом система доминантных мотивов, характеризующая его картину мира, может быть представлена в виде следующей схемы: **Сентиментальная мечтательность → избавление от романтических традиций → революционные призывы → критика общественно-политического строя → предсмертная хандра.** Приведенная схема позволяет говорить о значительных качественных изменениях, происходящих с каждым новым периодом творчества поэта в смысловом содержании концепта желания в рамках поэтического идиолекта Генриха Гейне, свидетельствующих об определенной эволюции картины мира поэта.

Ключевые слова: картина мира, поэтическая картина мира, концептуальная модель желания, поэтический идиолект, «ядерные» предикаты, императив, мировидение.

Abstract. The aim of this article is to explain some features and originality of Heinrich Heine's poetic world picture through the prism of conceptual model of desire. In its turn, it is motivated by the desire to understand and comprehend the depth and diversity of the German poet's creative personality. Based on the analysis of factual material, the authors conclude about a high degree of representation of this concept within Heinrich Heine's poetic idiolect. At the same time, the means of verbalization and semantic content of the conceptual model of desire considerably change with new period of the poet's creativity. If in the early lyrical works this concept is based primarily on the «nuclear» predicates of desire which are directly related to the "I" – the subject, then later predicates show the transition from lexical means of representation to grammatical ones. The imperative, which expresses the will of the speaker addressed to another person, is basic among them. Thus, the analysis of the concept of desire within the Heinrich Heine's poetic idiolect let us to define the key motive for every certain period of the German poet's creativity and the whole system of dominant motives that characterizes his worldview may be represented in the following scheme: **Sentimental dreaminess → deliverance from the romantic traditions → revolutionary appeals → criticism of socio-political system → suicide melancholy.** This scheme allows to speak about significant qualitative changes that occur in the meaning of the concept of desire within the Heinrich Heine's poetic idiolect and show the evolution of German poet's worldview with every new period of his creativity.

Keywords: worldview, poetic worldview, conceptual model of desire, poetic idiolect, «nuclear» predicates, imperative.

С началом антропологической переориентации общей парадигмы гуманитарных и особенно филологических исследований в центре внимания многих научных дисциплин оказался человек во всей своей сложности и многообразии своих проявлений, поэтому одним из объектов изучения филологической науки на современном этапе является **творческая личность**. Интерес к проблеме творческой личности возник, как известно, еще во времена античности, однако в настоящее время, в контексте антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований, открылись новые перспективы видения человека и его творчества [1, с. 130].

Идея В. фон Гумбольдта о существовании особого языкового мировидения, выдвинутая им в начале XIX в., положила начало рассмотрению языка как мировоззрения и мировосприятия, отражающего ментальный мир человека, нации или этнической общности. Мысль о том, что «разные языки это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [2, с. 349], получила развитие в современных лингвистических исследованиях, посвященных проблеме картины мира человека.

Вместе с тем многие вопросы, связанные с картиной мира языковой личности, еще только поставлены на повестку дня и весьма далеки от окончательного решения. Так, в частности, проблема манифестации мира человека в языке, выдвинутая, наряду с другими, на передний план исследовательского интереса антропологической программой изучения языка [3] и обладающая, бесспорно, высоким эвристическим потенциалом, представляется весьма актуальной и достойной подробного рассмотрения.

В рамках данной статьи предпринимается попытка объяснить некоторые особенности и своеобразие поэтической картины мира Генриха Гейне сквозь призму концептуальной модели желания, что в свою очередь мотивировано стремлением постичь и осмыслить глубину и многогранность творческой личности немецкого поэта.

Таким образом, наша задача – продемонстрировать возможность метода реконструкции поэтической картины мира Гейне посредством анализа одной из доминантных концептуальных моделей идиостиля поэта – концептуальной модели желания.

Как отмечают многие исследователи творчества Г. Гейне, в поэзии поэта отразились все противоречия его многогранной личности – по сути дела, вся гамма человеческих чувств и оттенков. Он, по признанию литературных критиков, – и

неисправимый мечтательный романтик, и в то же время – трезво, скептически мыслящий реалист. Именно противоречивостью и многогранностью личности поэта объясняется неослабевающий интерес к его творчеству, что повлияло, в частности, и на выбор направления и ракурса предпринятого нами исследования, основная цель которого заключается в стремлении выяснить, каковы опорные точки мироощущения поэта и как происходит эволюция мировоззрения Гейне.

Однако прежде чем непосредственно перейти к изучению языковой репрезентации концепта желания в рамках поэтического идиолекта Гейне необходимо, на наш взгляд, коснуться проблемы картины мира (далее – КМ) в целом и поэтической картины мира (далее – ПКМ) в частности, как одной из ее разновидностей. КМ является одним из фундаментальных понятий в рамках антропоцентрической парадигмы научных знаний, характеризующих бытие человека. Под КМ понимают целостный образ мира, предопределяющий и формирующий мировидение человека и представляющий существенные свойства мира в понимании отдельного индивида, нации или этнической общности.

В самом общем виде КМ можно определить как «сетку координат», посредством которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании [4, с. 24–25]. Е.С. Кубрякова отмечает наличие двух КМ – языковой и концептуальной, указывая при этом, что элементами первой являются языковые единицы, в качестве же концептуальной КМ выступают, по ее мнению, концепты, образы, представления, известные схемы действия и поведения, не всегда напрямую связанные с вербальным кодом [5, с. 9].

Н.А. Кузьмина предлагает рассматривать эти явления не как самостоятельные картины мира, а как два уровня абстракции единого образа мира в сознании индивида: уровень категоризации действительности и уровень воплощения этой схемы в языке. Реконструкция языковой КМ направлена от фактов мира к некоторым когнитивным категориям, тогда как представление концептуальной модели мира начинается с этих самых когнитивных категорий и заканчивается описанием их в языковом материале [6, с. 226].

Аналогичной точки зрения придерживается О.Г. Ревзина, которая выделяет в определении сущности ПКМ коммуникативную и тематическую составляющие. Первая обнаруживает позицию субъекта по отношению к воплощенному миру, вторая представляет «внеязыковой универ-

сум, подвергающийся рассмотрению в модусе собственно языкового существования» [7, с. 39].

Таким образом, по представлению О.Г. Ревзиной, чью точку зрения мы разделяем, ПКМ является двухуровневой, объединяющей концептуальный и языковой слои, а своеобразие ПКМ заключается не столько в языке, сколько в избирательности видения художника. При этом О.Г. Ревзина подчеркивает чрезвычайно важную концептуальную роль, который, по ее мнению, и предопределяет своеобразие ПКМ [7, с. 228].

Итак, первый шаг к реконструкции поэтической картины мира Генриха Гейне связан с определением некоего концептуального ядра, представленного набором базовых метафорических моделей, элементы которых по-разному кодируют одни и те же понятия [8]. А произведения автора, взятые в совокупности и отражающие действительность в соответствии с особенностями ее восприятия художником, можно считать материалом для реконструкции поэтической картины мира [6, с. 227].

Как уже было сказано, в рамках данной статьи рассматривается концептуальная модель желания, которая, по нашему представлению, является одной из центральных в поэтическом идиолекте немецкого поэта.

Само по себе желание лежит в основе любой жизнедеятельности человека, включая, несомненно, и речевую деятельность. Данный мотив деятельности человека характеризуется достаточно отчетливой осознанностью потребности.

Концептуальная модель желания в творчестве поэта может быть реализована с помощью предикатов желания, в которых понятие «желание» занимает центральное место и которым не присущи акциональность, метафоричность и перифрастичность. К подобным предикатам в немецком языке можно отнести следующие лексические единицы: *begehren, gelüsten, lüsten, ersehnen, gern haben, lechzen, mögen, schmachten, wollen, wünschen*. Среди предикатов желания вполне естественно выделяются так называемые «ядерные» [см.: 9, с. 6] предикаты, т.е. глагольные лексемы, частотность употребления которых во много раз превышает частотность употребления прочих членов этого ряда.

Важными репрезентантами концепта желания на грамматическом уровне немецкой языковой системы являются сослагательное наклонение (Konjunktiv II и Konditionalis I) и повелительное наклонение (Imperativ).

В ходе анализа лирических стихотворений двух сборников стихов Гейне «*Buch der Lieder*» («Книга песен») (1817–1827 гг.) и «*Neue Gedichte*»

(«Новые стихотворения») (1844 г.) становится очевидным, что концептуальная модель желания является важной частью поэтического идиолекта немецкого поэта и репрезентируется как на уровне глагольных лексем, выступающих в предложении в качестве предикатов, так и на грамматическом уровне, а смысловое наполнение данного концепта с каждым новым периодом творчества претерпевает существенные качественные изменения, что говорит об эволюции поэтической системы Гейне.

Так, в первых циклах стихов сборника «*Buch der Lieder*» («Книга песен»), объединенных темой безответной, отверженной любви, пронизанных грезами о любимой и постепенным осознанием невозможности счастья с ней [10], концепт желания вербализуется преимущественно посредством глагольной лексемы «*wollen*», которая свидетельствует о нацеленности данного предиката желания выразить психическое состояние субъекта, вызываемое переживанием какой-либо его потребности.

Важно отметить, что в данных лирических произведениях происходит совмещение автора с лирическим героем, т.е. в качестве субъекта речи выступает так называемый «Я – субъект». Такого рода приемы свидетельствуют об индивидуально-личностном характере лирических стихов Гейне этого периода творчества:

*Zum Teufel, Gesindel! Ich bin ja kein Dieb,
Ich wollte nur stehlen mein trautes Lieb!* [11, с. 16]

*Anfangs wollt' ich fast verzagen,
Und ich glaubt', ich trug' es nie* [11, с. 20].

Еще одним доминантным предикатом желания в начальных циклах стихов сборника поэта «*Buch der Lieder*» является глагольная лексема «*mögen*», которая употребляется, как правило, в сослагательном наклонении, свидетельствующем об определенной степени нереальности и невозможности осуществления действия. Смысловое наполнение этого предиката все еще предопределяет сильное чувство любви, испытываемое поэтом:

*Ich möchte sie nur einmal umfassen
Und pressen ans glühende Herz.
Nur einmal aus ihrem Munde
Möchte ich hören ein Liebendes Wort* [11, с. 18].

Однако в последующих поэтических циклах «*Lyrisches Intermezzo*» («Лирическое интермеццо») (1823 г.) и «*Die Heimkehr*» («Возвращение

домой») (1824 г.) основным репрезентантом концептуальной модели желания становится повелительное наклонение, главной функцией которого является функция волевого воздействия на собеседника. Несмотря на то, что тема любви остается доминантной и для этого периода творчества поэта, существенно меняется ее смысловое содержание. Все более очевидным становится желание автора преодолеть трагическую безнадежность своих душевных страданий, что и предопределяет вербализацию концепта желания посредством императивных конструкций:

*Herz, mein Herz, du vielgeduldiges,
Grolle nicht ob dem Verrat;
Trag es, trag es, und entschuldig es,
Was die holde Törin tan* [11, с. 38].

*Wartet nur, es wird verhallen
Dieses Echo meiner Schmerzen,
Und ein neuer Liederfrühling
Sprießt aus dem geheilten Herzen* [11, с. 74].

*Glaub nicht, dass ich mich erschließe,
Wie schlimm auch die Sachen stehn!* [11, с. 78]

Как видим, концепт желания представлен преимущественно первой формой императива, т.е. обращением ко второму лицу единственного числа (под которым, очевидно, воспринимается бывшая возлюбленная поэта).

Императивность в выражении концепта желания отчетливо прослеживается в последующих сборниках стихов поэта. В частности, в сборнике «*Neue Gedichte*» («*Новые стихотворения*»), ознаменовавшем новый, агитационный период в творчестве Гейне, который нашел свое непосредственное отражение и в репрезентации концепта желание. Следует также отметить, что императивные предложения сборника «*Neue Gedichte*», имеющие четко выраженный характер революционных призывов, зачастую усилены лексически повторами:

*Trommle die Leute aus dem Schlaf,
Trommle Reveille mit Jugendkraft* [11, с. 81].

*Sei nicht mehr die weich Flöte,
Das idyllische Gemüt –
Sei des Vaterlands Posaune,
Sei Kanone, sei Kartaune,
Blas, schmettre, donnre, töte!* [11, с. 180]

Что касается смыслового наполнения концепта желания в лирических стихах последних лет жизни поэта, то оно во многом было предопределено тяжелой болезнью поэта, предчувствием скорой смерти и желанием избавиться от невыносимой физической боли. Автор вербализует анализируемый концепт исключительно посредством императивных предложений:

O, Gott, verkürze meine Qual! [11, с. 520]

*O, Gott, schick mir einen braven Banditen,
Der mich ermordet mit raschem Stoß,
Doch lass mich nicht vergebens warten,
Denn warten ist die schlimmste Pein!* [11, с. 512]

Как видим, автор указывает на непосредственного адресата своего обращения (**Gott**), усиливая при этом свое волеизъявление восклицательным знаком.

Итак, подводя итоги, можно констатировать в целом высокую степень репрезентации концептуальной модели желания в рамках поэтического идиолекта Генриха Гейне. При этом средства вербализации и смысловое наполнение анализируемого концепта с каждым новым периодом творчества существенно меняются. Так, если в ранних лирических произведениях поэта данный концепт представлен, прежде всего, «ядерными» предикатами желания, относящимися непосредственно к «Я» – субъекту, то более поздние демонстрируют переход от лексических средств репрезентации концепта желания к грамматическим, определяющим среди которых становится императив, выражающий волю говорящего, направленный на другое лицо.

Таким образом, анализ концепта желания в рамках поэтического идиолекта Генриха Гейне позволяет определить ключевой мотив для каждого определенного периода творчества поэта, а в целом система доминантных мотивов, характеризующая его картину мира, может быть представлена в виде следующей схемы: *Сентиментальная мечтательность* → *избавление от романтических традиций* → *революционные призывы* → *критика общественно-политического строя* → *предсмертная хандра*.

Приведенная схема позволяет говорить о значительных качественных изменениях, происходящих с каждым новым периодом творчества поэта в смысловом содержании концепта желания в рамках поэтического идиолекта Генриха Гейне, свидетельствующих об определенной эволюции картины мира поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дреева Дж.М. Ироническая картина мира Г. Гейне // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 1, 2010. С. 130–135.
2. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
3. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8–69.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 350 с.
5. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний. М.: РАН ИНИОН, 1994. С. 2–31.
6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессе эволюции поэтического языка. М.: КомКнига, 2007. 272 с.
7. Ревзина О.Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. С. 27–46.
8. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125–143.
9. Жук Е.А. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1994. 17 с.
10. Дреева Дж.М. Ключевые слова как фактор эволюции художественной системы. Синергетический подход // Современные проблемы науки и образования, 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/120-16066> (дата обращения: 13.12.2014).
11. Heine H. Das Glück auf Erden. Ausgewählte Gedichte. Moskau: Verlag Progress, 1980. 638 с.

**ПРАВСТВЕННО-ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
НЕМЕЦКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ»**

© А.К. МУРАДОВА

Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный

**THE MORAL AND VALUE POTENTIAL OF
THE GERMAN EPIC POEM "THE SONG OF THE NIBELUNGS"**

© A.K. MURADOVA

Chechen State Pedagogical University, Grozny

Аннотация. Эпические героические поэмы западноевропейского средневековья составляют сокровищницу мировой художественной культуры. Цель данной статьи – на материале немецкой поэмы «Песнь о Нибелунгах» продемонстрировать поистине неограниченные аксиологические возможности героического эпоса с точки зрения нравственного, этического и эстетического содержания. Автор показывает, что «Песнь о Нибелунгах» содержит в себе огромный духовно-ценностный потенциал. «Песнь о Нибелунгах» – одна из самых знаменитых эпических поэм Зрелого Средневековья, в которой нашли отражение общечеловеческие ценности. В этом произведении неразрывно сплелись элементы древнейших германских сказаний, мифа и сказки с чертами рыцарского романа, отражающего процесс развития и становления сеньериально-вассальных отношений, куртуазной этики и христианской культуры. Эта поэма, весьма обширная, пересказывает, в сущности, те же сказания, которые уже известны нам из песен древней Эдды о Нифлунгах; но пересказывает их по-своему, с новыми подробностями и добавлениями, вводит в них много новых действующих лиц и при этом все действие переносит с дальнего Севера на почву Германии, во времена средневекового рыцарства, в период борьбы германского племени с различными пришлыми племенами, заявлявшими свои притязания на средне-европейские земли. Все лица, участвующие в действии средне-немецкой поэмы, являются в ней не грозными скандинавскими викингами, неистовыми и необузданными в проявлениях своей громадной физической силы, а вежливыми и благовоспитанными рыцарями, которые соблюдают все обычаи, требуемые общежитием, относятся с уважением к женщинам и даже в битвах, даже в одиночных состязаниях с оружием в руках действуют на основании твердо установившихся правил рыцарского этикета.

Ключевые слова: героический эпос, аксиологический, нравственное и эстетическое содержание, «Песнь о Нибелунгах».

Abstract. Epic heroic poems of the West-European Middle Ages constitute a treasure house of world art. The purpose of this article is to demonstrate, on the example of the German poem "The Song of the Nibelungs", the truly unlimited axiological possibilities of the heroic epic from the point of view of moral, ethical and aesthetic content. The author shows that the "Song of the Nibelungs" contains a huge spiritual and value potential. "The Song of the Nibelungs" is one of the most famous epic poems of the Mature Middle Ages, in which human values are reflected. In this work, elements of ancient German legends, myth and fairy tale with features of a knightly novel reflecting the process of development and establishment of lord-vassal relations, courtly ethics and Christian culture are inseparably intertwined. This poem, which is very extensive, retells, in effect, the same legends that are already known to us from the ancient Edda's songs about Niflung, but in a different way, with new details and additions, introduces many new characters and, at the same time, transfers the whole action from the far North to Germany, in the times of medieval chivalry, during the struggle of the Germanic tribe with various alien tribes, which claimed the middle European lands. All the persons, participating in the action of the Middle German poem, are not formidable Scandinavian Vikings, frantic and rampant in the manifestations of their enormous physical strength, but polite and well-bred knights who observe all the customs required by the society, treat with respect to women and even in battles, in solitary competitions with weapons in their hands act on the basis of firmly established rules of knightly etiquette.

Key words: heroic epos, axiological, moral and ethical content, "The Song of the Nibelungs".

Социокультурная ситуация в современном мире требует поиска новых ценностных ориентиров, чтобы человек, тем более молодое поколение не превратилось в современных манкуртов. На современном этапе развития общества наблюдается девальвация нравственных ценностей и смена системы ценностей в целом, утрата подлинно нравственного смысла многих понятий и отсутствие четких нравственных позиций в повседневных отношениях людей. Эти явления не без основания позволяют говорить о нарастании бездуховности, постепенной нравственной деградации общества.

По утверждению Григорьевой-Голубевой «...идеи вывели проблему осмысления человеческого бытия на первый план научного познания, ознаменовав тем самым современный аксиологический этап» [1, с. 16].

Процесс ознакомления с той или иной культурой и приобщения к ее достижениям осуществляется благодаря коммуникации, отраженной в памятниках духовной культуры. Важнейшим каналом такой коммуникации являются произведения художественной литературы, о чем многократно писали Л.С. Выготский, М.М. Гиршман, В.А. Грехнев, Е.Н. Гуляков, О.И. Никифорова, Н.Н. Светловская, Н.М. Свирина, Н.М. Соколов, В.И. Тюпа. В лучших образцах художественной литературы заложено особое нравственное и эстетическое содержание, которое передается из поколения в поколение на протяжении многих веков и несет в себе социально-ценностный воспитательный императив. Важное место в этом ряду занимает героический эпос.

Особое значение при изучении эпических поэм представляет эпическая концепция М.М. Бахтина [2], в которой он особое внимание обратил на аксиологический аспект анализа художественного текста. Не вызывает сомнения тот факт, что в художественной литературе раннего периода также заложен значительный психолого-педагогический потенциал. В эпоху создания «Песни о Нибелунгах» в Германии складываются своеобразные условия быта, своеобразные исторические условия, одна из специфических черт которых – сочетание отношений раннефеодальных (характерных для предыдущей эпохи, условно, героики «дружинного» быта) и поведения рыцаря в новых условиях придворного, куртуазного быта. Очевидно, одной из задач «Песни о Нибелунгах», написанной в переходную эпоху, был поиск органичных форм сочетания двух этих норм (достаточно различных и требовавших для своего идеального воплощения разных качеств). Нахож-

дение такого «решения» в произведении словесности было одной из важнейших задач эпохи и было обусловлено объективными историческими условиями – необходимостью помощи одному из главных персонажей эпохи – рыцарю – найти правильный путь общественного поведения в сочетании двух законов, требовавших различных норм (эта тема одна из важнейших для понимания главных героев произведения – Зигфрида, Гунтера и др.). Было необходимо помочь формированию в сознании из двух законов норм поведения нового «комплексного», объединяющего, дав его описание и апологию в художественном произведении, и тем самым помочь признать этот новый «объединительный» идеал.

Важно подчеркнуть, что путем достижения примирения с новыми обобщенными нормами, средством обеспечения их «приятия» обществом является их «поэтизация», прославление и объяснение, изображение в произведении словесности и др. видах искусства. А это, в свою очередь, реализуется «утверждением» привычной, принятой, единой для всей эпохи системы поэтических средств – поэтики. Общая (для разных тем) поэтика «доказывает» непротиворечивость изображаемых явлений, ибо за системой закономерностей художественного изображения «стоит» система мировоззрения человека этой эпохи, его мировидение, также представляющее систему.

Придворный быт складывается из придворных церемониалов, последовательно сменяющих друг друга. Отсюда закономерно проистекает естественная повторяемость одинаковых событий. Эти же эпизоды повседневной жизни отражает и словесное искусство. При этом повтор как художественный прием, здесь не только соответствует повторяемости действий, церемониалов, но и дает апологию, утверждает один из законов этой жизни – закон повторяемости, периоды этих повторений фактически выполняют роль «часов», отражают течение времени в данном обществе.

Например, придворный куртуазный церемониал – отъезд в гости властителя и его свиты – является одним из существенных элементов, составляющих суть и нормы придворного быта, а задача эпоса – утвердить нормы быта, дать примеры нормативного поведения в наиболее важных, главных, типичных для жизни повторяющихся ситуациях. Чередуясь, последовательно сменяясь, церемониалы составляют саму придворную жизнь. Частый повтор в художественном произведении приучает к нормативности, причем сама «воспитательность» оказывается ненавязчивой и

незаметной, что является условием максимального эффекта.

Частное в данном случае реализуется сюжетно-биографической линией повествования. Здесь снова философская закономерность: частная жизнь должна вписываться, укладываться в нормативы нравственного поведения (поведение персонажа героического эпоса является примером или «антипримером» соблюдения норм, а сам эпос в каком-то смысле «иллюстрированным сводом» этических правил).

Архаические и «современно»-куртуазные деяния оказываются связанными с одним персонажем – Зигфридом. Цель этого приема «автора», как мы уже говорили, состоит в соединении примеров добродетельного поведения разных эпох в один свод этических норм. Часть задачи – показать и даже подчеркнуть их «непротиворечивость». Это могло быть связано с задачей распространения самих куртуазных отношений – отношений развитого феодализма. И в этом должна была помочь «пропаганда» с помощью произведений искусства [3].

Для более пристального их рассмотрения и анализа выберем одну из авантур – XIII – «О том, как Зигфрид с женой приехали на пир». Повествование выделяет, прежде всего, повтором следующие этикетные нормы, которые по неукоснительности исполнения, закрепляемой и отражаемой именно многочисленными повторами, утверждающими нормативность, можно рассматривать как культы куртуазного этикета:

- Свита, куртуазия требует проведения всех действий в окружении большого количества приближенных, придворных, а подчас и народа.

- Дорогая одежда, которая выступает в качестве отличительного знака людей достойных.

- Гостеприимство. Не только полагается все сделать для удобства гостя, но декларировать это как норму в словах действующих лиц (когда один говорит, а прочие, безусловно, соглашаются) и от «автора».

- Куртуазная обязанность встречать гостей лично с выездом им навстречу. Фактически это можно рассматривать и как часть куртуазного гостеприимства.

- Активное участие дам в событиях при дворе – особенность куртуазной жизни. Дамы играют не меньшую роль, чем Кавалеры. В частности, в обязанности Дам входит встречать гостей с выездом навстречу, равно как это является куртуазной обязанностью их мужей.

- Частью куртуазного этикета является обязанность Кавалеров помогать Дамам сесть на ло-

шадей и сойти с лошадей, а также сопровождать их в поездке. Обязанность приятная и полезная.

- Часть придворного этикета – совместное исполнение придворных обязанностей Дамами и Кавалерами.

- Частью придворной жизни становится общение правительниц (Кримхильды и Брюнхильды) как между собой, так и со своими Дамами свиты. Королевы имеют свою свиту. Это одна из примет нового времени, куртуазии.

- Турнир является одним из главных этикетных событий куртуазной жизни. Как и все в куртуазии, он содержит полезное и развлекательное. Обязанность Рыцарей – участвовать в турнирах и соблюдать установленный порядок, усердно «сражаться» и проявлять полагающиеся воинские навыки, ловкость, силу.

- Обязанность Дам – следить за турниром с седел по ходу торжественной процессии или из окон замка (дома).

- Пир – обязательный элемент жизни Двора. В соответствии с установленным этикетом, гости, принадлежащие к разным сословиям, находятся не вместе, а в разных помещениях: в дворцовой зале, во дворе и пр.

- Частью этикета гостеприимства является личное приветствие гостя хозяином, в данном случае, королем.

- Частью куртуазной жизни является обязанность посещения собора. В описании куртуазной жизни посещение собора как бы почти нарочито дается в ряду других этикетных действий. Из этого мы должны сделать предположение, что особенной набожности куртуазия не требовала. Посещение храма становится частью общественной деятельности, придворной жизни. Это делает посещение храма обязательным изъявлением веры.

Истинной сущностью, главной этической нормой во всяком обществе может быть лишь одна идея («двум богам молиться сразу нельзя»). Такой единой основой является придворная жизнь и отношения придворной иерархии (социальных отношений, предусмотренных правилами куртуазии). В связи с этим все культы и церемониалы имеют одну суть – куртуазные отношения, и потому прочие, казалось бы, специфичные для данного церемониала, черты оказываются весьма формальными.

Новые черты, добавляемые куртуазией к нормам и идеалу, унаследованному от более раннего этапа – рыцарства раннего феодального общества, – это черты, связанные с культом *щедрости*. Сама щедрость чаще всего проявляется по случаю праздников (например, посвящения в рыца-

ри Зигфрида и его сверстников-друзей). Частью праздника является пир. Вместе с тем праздники, праздничные церемонии связаны с приемом гостей и уместным для такого случая гостеприимством.

Основной новацией в куртуазной жизни является организация общественных отношений и выдвижение их в сознании людей и в произведениях искусства на первый план. Ранее общественные отношения нарочито не акцентировались. Собираемый характер образа героя, действие героя в одиночку, изображение подвига народа или войска как героический поступок властителя – все это черты эпоса раннефеодального общества. В куртуазную эпоху появляется, например, эпизод, когда на войну посылается вассал короля, сам же король не совершает подвигов. Появляется тема расщепленности общества на сословия.

Еще одной особенностью куртуазии является перенесение придворных обязанностей на женщин и уравнивание положения полов относительно вассалитета. Так, если почетной обязанностью хозяина является долг встречать гостей, выезжая им навстречу, то это распространяется и на королеву:

«...Я жду их завтра утром, – сказал король жене, И выехать навстречу велит учтивость мне: Не принимал я в жизни гостей столь дорогих. Сбирайся, если ты со мной желаешь встретить их» [4, с. 784].

По мировоззрению человека средневековья, в поединке выражается Божья воля (истина): побеждает тот, кто прав, как божье чудо указывает на божественную волю. Здесь устанавливается иерархия системы ценностей и сил, управляющих жизнью общества: сила торжествует над слабостью, но правда торжествует над силой. (Когда не было других средств решения конфликтов, споров в средневековье прибегали к поединку как к Божьему суду). Утверждение нравственных норм составляет предмет эпического повествования [5].

«Во многих эпических произведениях идет напряженный поиск высоких истин, устойчивых морально-нравственных опор, осязаемый обостренный интерес к корням духовного бытия. Таким образом, творчески-индивидуальное прочтение знаменитых памятников народного творчества проводится в ракурсе обобщенного нравственно-философского осмысления бытия, установления связи между вечными истинами в истории и

современности, соотношения эпического характера с лирическим» [6, с. 6].

Использование разных планов изображения, возросшая роль условно-метафорических средств, переосмысление фольклорных традиций выявило новые возможности художественного мышления той эпохи, нацеленной на постижение мира и человека в их изначальной соотносительности. В отношении творческого взаимодействия эпоса и поэзии Гегель писал так: «Эпическая же поэзия все изображает в стихии целостного внешнего бытия, необходимого внутри себя, и для индивида не остается ничего иного, как следовать за этим субстанциальным состоянием, этим сущим, сообразовываться с ним или же нет и в таком случае страдать возможным и должным образом» [7, с. 419].

В целом определяющими темами многих памятников западноевропейского эпоса были: ожесточенная борьба за внимание вождя, славу и золото; акты кровавой мести как императив поведения; покорность человека Судьбе и мужественная встреча с нею; последующая трагическая гибель героя. При этом каждая эпоха, отраженная в средневековом эпосе, по-своему объясняет историю, а основой для трактовки служит присущее ей понимание логики общественного развития. Так, средневековые люди не задумывались о возможности развития личности и ее этико-эстетических атрибутах, поэтому человеческие типы обыгрывают в эпических произведениях роли, определенные им судьбой и той драматической ситуацией, в которой они оказались. Например, этические и эстетические формы, отражающие ранние представления о чести и человеческом достоинстве, как и о способах их демонстрации, в «Песне о Нибелунгах» можно соотнести с феодальной эпохой, но накал страстей, овладевших героями эпопеи, и острота конфликтов, которые они пытаются разрешить, сродни древнегреческим трагедиям и сегодня потрясают читателя. В этом смысле можно утверждать, что «Песнь о Нибелунгах», наряду с другими эпическими литературными шедеврами западного средневековья, возникла из необходимости создания новой этики и новой эстетики, что свидетельствует об отходе от канонов архаического эпоса более ранней, так называемой варварской поры [3].

Героический эпос является транслятором духовно-нравственных идеалов народа. Обращение к пластам народной художественной культуры позволяет заполнить тот ценностный вакуум, в котором находится наше общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева-Голубева В.А. Педагогическая аксиология: условия совершенствования образовательной деятельности: монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012. 216 с.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Гуревич А.Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. 188 с.
4. Песнь о Нибелунгах / Пер. Ю. Корнеева // БВЛ. Т. 9. М., 1975.
5. Гутов А.М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик: Изд-во КБИТИ, 2009. 226 с.
6. Хунагова Б.Д. Особенности фольклорного повествования и его воздействие на формирование сюжета эпической поэмы. Теоретический аспект. Майкоп: Изд-во МГТИ, 2003. 21с.
7. Гегель. Эстетика. В 4-х т. Т. 3. М.: Искусство, 1968–1973.
8. Колясников И.Н. Нравственно-эстетические основы и базовые элементы эпоса «Нарты». Размышления об эстетическом и философском содержании эпоса. Майкоп: «Качество», 2005. 417 с.

**СИНТЕЗ ЯЗЫЧЕСКИХ И МУСУЛЬМАНСКИХ МОТИВОВ
В АБАЗИНСКОМ ПРЕДАНИИ**

© С.В. ЧЕРКАШИНА, П.К. ЧЕКАЛОВ

Ставропольский государственный педагогический институт, г. Ставрополь
Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки
работников образования, г. Ставрополь

SYNTHESIS OF PAGAN AND MUSLIM MOTIVES IN ABAZIN LEGEND

© S.V. CHERKASHINA, P.K. CHECKALOV

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol
Stavropol Regional Institute of Education Development,
Advanced Training and Retraining of Education Workers, Stavropol

***Аннотация.** Анализ предания с помощью инструментария мифопоэтики позволяет выявить переплетение язычества и мусульманства. Такой ракурс рассмотрения текста дает возможность не только эксплицировать более архаичную сюжетную подоснову, связанную с описанием земледельческого обряда, но и объяснить цель создания легенды: прославление князя Лоова как правоверного мусульманина, отмеченного Аллахом магическим потенциалом. Незаурядные способности главного действующего лица, способного превратить безжизненную пашию в колыхающуюся ниву, в предании истолковываются его приверженностью к исламу. Обращение к подданным с просьбой дать ему жертвенное животное и пятерых добрых мужчин объясняется не жадностью или беспомощностью князя, а определенной демократичностью взаимоотношений владельца и его подопечных, с одной стороны, а с другой – влиянием фольклорного клише, когда странник или простолудин для решения какой-либо задачи вынужден обратиться к народу за помощью. Заклание жертвенного животного – языческий элемент, связанный с представлением о происхождении человека от животного, ставшего впоследствии тотемным. Описание древнего земледельческого обряда с трехразовым обходом поля – очередной языческий элемент, истолковываемый как способ надежного закрепления поступающей магической информации. Обращение к Аллаху, чтение молитвы, рассматривается как поздние вкрапления в первоначальный сюжет после принятия мусульманства. В образе нивы, земли проактуализирован образ мифологической матери-земли, воплощением брачного союза которой с мужем-небом являлся дождь. Сильный ливень в легенде выступает метафорическим оплодотворением земли небом, а холм, на котором происходил обряд, – специальным молебельным местом, откуда человек или пророк мог говорить с высшим существом. Таким образом, предание вобрало в себя мифологические представления, бытовавшие у абазин периода язычества в качестве способа объяснения окружающего мира. Окончательная словесная форма и сюжет сложились после принятия абазинами ислама.*

***Ключевые слова:** мифопоэтика, архаический миф, архетип, аграрные праздники, земледельческий обряд, язычество.*

***Abstract.** An analysis of the legend through mythopoetics reveals the synthesis of paganism and Islam. This view of the text provides an opportunity not only to explicate a more archaic storyline related to the description of the agricultural rite, but also to explain the purpose of creating a legend: the glorification of Prince Lova as an orthodox Muslim, marked by Allah with magical potential. The extraordinary abilities of the main character, capable to turn a ploughed field into a grain one, are interpreted in the legend as his adherence to Islam. The appeal to the servants with a request to give him a sacrificial animal and five good men are explained not by the greed or helplessness of the prince, but by a certain democratic relationship between the ruler and his servants, on the one hand, and the influence of the folklore cliché, when a stranger or commoner is forced to turn to the people for help, on the other hand. A description of the ancient agricultural rite with a three-time tour of the field - a pagan element, interpreted as a way of securely securing incoming magical information. The invocation to Allah and the recitation of prayer are regarded as the later inclusions in the original plot after the adoption of Islam. The image of the mythological Mother-Earth is presented as an image of the field, and the embodiment of the marriage*

union with the Husband-Sky is rain. In the legend, heavy rainfall acts as a metaphorical fertilization of the earth by the sky, and the hill, on which the rite is performed, is a special prayer site from which a person or a prophet could speak with a higher being. Thus, the tradition absorbed the mythological ideas from the Abazins during the period of paganism as a way of explaining the surrounding world. The final verbal form and the plot were formed after the adoption of Islam by the Abazins.

Keywords: *mythopoeitics, archaic myth, archetype, agricultural festivals, agricultural ritual, paganism.*

В 1929 г. ученый-полиглот, профессор Института Востоковедения Академии наук СССР А.Н. Генко предпринял лингвистическую экспедицию по абазинским аулам Черкесии. В то время абазинские письменности не имели, и Анатолий Несторович на основе латиницы разработал специальный алфавит для записи полевого материала на языке оригинала. После ареста и последовавшей гибели рабочие и научные материалы ученого оказались в архиве Института восточных рукописей. Несколько лет назад они были обнаружены ученым-фольклористом из Абхазии З.Д. Джапуа, и в настоящее время ведется работа по подготовке этого бесценного наследия к изданию.

В 2015 г. на страницах дайджеста культурной жизни «Страна Абаза» было опубликовано историческое предание о переселении абазин на Северный Кавказ «История абазин (тапанта)» [1, с. 24–27, 135–137]. В рукописях Генко оно сохранилось в черновом и чистовом вариантах на абазинском и русском языках. К сожалению, место записи четко не зафиксировано, но, исходя из того, что текст входит в блок «Лоовское наречие. Локт», можно установить, что произведена она в ауле Инжич-Чукун. Также сказание не снабжено именем сказителя, но предположительно в таком качестве мог выступить Аюб Цеков.

Предание представляет большой интерес в различных аспектах, но сегодня мы хотим обратить внимание на языческие и исламские мотивы во фрагменте, посвященном Мурзабеку Лоову, реальному историческому лицу. Воспроизведем отрывок: «Далее при князе Мурзабеке Лоове, они [абазинцы] пошли и вспахали в один прекрасный год (территорию) Золки и засеяли просо. Когда пришло время, избрали людей и послали осмотреть ниву. Они пришли и увидели, что их нива не взошла, и пашня осталась черной. Огорчившись, повернули обратно, пришли снова в селение и сказали им: «Ваша нива не взошла. Пусть всякий ищет, как и где ему прокормиться».

После этого Мурзабек Лоов сказал им так: «Пять мужчин, людей добрых, дайте мне, одно жертвенное животное дайте мне», и селение дало ему пять добрых людей и жертвенное животное, и он ушел. Придя к ниве, они увидели [её] такой, как им сообщили. Мурзабек был святым челове-

ком. Он распорядился зарезать жертвенное животное, взял товарищей своих и три раза обошел ниву, упрашивая Аллаха, читая молитвы. Потом день стал пасмурным, стал собираться дождь. Он повел товарищей своих на холм, велел им спешиться и распорядился так: «Вы накиньте на себя бурки. Небо загремит, молния ударит, дождь прольется, – чтобы ни случилось, никто из вас не должен поднять голову и посмотреть».

Они легли ничком, как было велено, и пролежали весь день [и ночь]. Пролил сильный ливень. На рассвете «Вставайте!», – сказал он им. Когда они поднялись, увидели выросшее просо, колыхавшееся под ветром. Они удивились, обрадовались, оседлали коней, вернулись и сказали аулу: «Просо ваше уже не такое, как вам об этом говорили. Пошлите людей, пусть глянут».

Собрали тех, кого посылали в первый раз, и снова отправили. Пришли они и видят: просо поспело, пора убирать уже. Они сразу повернули обратно, возвратились и поведали: «Просо ваше поспело, скоро начнет осыпаться». Услышав такое, аул обрадовался, гурьбой выехал и скошил просо. Тогда кабардинцы сочинили про сына Лоова такую песню: «Сын Лоова Мурзабек с редкой бородкой пошел на Золку, и ему сопутствовала удача».

Про Мурзабека говорили и такое: «Он был настолько святым, что бросал на текущую воду молитвенный коврик, становился на него и совершал молитву».

Убрав просо, они смогли перезимовать, питаясь им...» [2, с. 24–26].

Текст интересен однозначным содержанием элементов языческого земледельческого обряда. В связи с этим целью исследования становится выявление мифопоэтических особенностей легенды о Мурзабеке. Обусловленные положениями исторической поэтики задачи заключаются в раскрытии мифологизма, вытекающего из синтеза архаических культов и ислама, прояснении генезиса сказания, определении его архаической основы, связанной с календарными обрядами. Методы исследования – мифопоэтический в сочетании с историко-генетическим – продиктованы характером материала и поставленной целью. Новизна исследования определяется не только введением в научный контекст не изученного ра-

нее архивного материала, но и тем, что впервые проводится его текстологический анализ.

Главным действующим лицом фрагмента выступает князь Мурзабек Лоов, и его незаурядные способности объясняются в первую очередь тем, что он являлся правоверным мусульманином, но при этом его магические свойства в тексте проявляются через сплетение языческих и исламских мотивов. Рассмотрим этот аспект последовательно.

Безрадостный результат посевной («нива не взошла, и пашия осталась черной») обуславливает вмешательство князя и проявление его чудесных способностей: будь всходы хорошими и дружными, его качества остались бы неостребованными. Вследствие сложившихся обстоятельств Мурзабек просит дать ему пять мужчин и жертвенное животное.

Небезынтересно отметить, что князь обращается за помощью к подданным тогда, когда, казалось бы, не просить ему нужно, а распорядиться, и повеление его тотчас же было бы исполнено. Что касается животного, он, наверняка, не понес бы большого ущерба, если бы принес в жертву барана или бычка (принадлежность жертвенного животного в тексте не уточняется) из собственного стада. Здесь актуализируется не жадность или беспомощность князя, а определенный демократизм взаимоотношений владетеля и его подопечных, характерный не только для абазинской общины. С другой стороны, в данном фрагменте обнаруживает себя фольклорное клише, нередко используемое в национальной сказочной прозе и, как правило, связанное со странниками или простолудинами, когда для решения какой-либо задачи они вынуждены обратиться за помощью к народу.

Исходя из того, что князь олицетворял собой благочестие и праведность, избранные ему в помощь «люди добрые», наверняка, являются правоверными мусульманами, неукоснительно следующими заветам, предписанным их вероисповеданием.

«Придя к ниве, они увидели [её] такой, как им сообщили. Мурзабек был святым человеком». Данный отрывок содержит прославление князя и объяснение его магических сил одновременно. В древности вождь должен был обладать большими способностями и умениями, чем остальные, что оправдывало его положение властелина. Напомним, что ниже исключительные свойства героя будут выделены еще более зримо: «Он был настолько святым, что бросал на текущую воду молитвенный коврик, становился на него и со-

вершал молитву». Возможно, в образе князя имплицированы черты верховного божества более древнего периода (предположительно, Анчв́а, «вобравшего в себя черты древних грозовых и охотничьих божеств, богини-матери» [3, с. 604]).

Заклание жертвенного животного – языческий элемент, наследие мифологической эпохи. По мнению В.Н. Топорова, роль животного в мифологии чрезвычайно велика, так как определяется исключительным значением для человека: местом в социальной иерархии (на вершине которой были именно животные, а не человек), диахроническим аспектом (идея древнего мифотворца, объяснявшего происхождение человека от животного, ставшего впоследствии тотемным) и, наконец, онтологическим миропониманием (представление о животном как об особой ипостаси человека) [4, с. 440]. Сам обряд жертвоприношения не воспроизведен, вероятно, вследствие его общеизвестности.

Описание древнего земледельческого обряда представляет еще один языческий элемент – *трехразовый обход поля*, отсылающий не только к фольклору, но и к его определенному жанру – волшебной сказке, в которой сюжет начинается бедой (ослушанием, недостаточей, нарушением) и заканчивается решением проблемы и получением каких-либо благ. Троичность, или тернарность, является частью «сферы бессознательного» и является «прежде всего, в феноменах культуры» [5, с. 3]. Трехкратный обход поля – наиболее предпочтительный способ закрепления поступающей магической информации, её надежная фиксация [5, с. 3].

Обращение к Аллаху, чтение молитвы, можно рассматривать как переработку первоначального сюжета и как поздние вкрапления в текст после принятия мусульманства. Можно предположить, что и домусульманский обряд также предполагал обращение к высшему божеству и произнесение сакрального текста.

Образ нивы, земли, которая земледельческими культурами древности осмыслялась как женщина, опять уводит в языческую архаику. Идея слитности женщины и земли, представленная в мифологии, отмечалась многими исследователями. В рассматриваемом фрагменте проактуализирован образ мифологической матери-земли, метафорическим воплощением брачного союза которой с мужем-небом являлся дождь: «Потом день стал пасмурным, стал собираться дождь». У дождя тоже есть своя однозначная трактовка, однако именно Мурзабек представлен инициатором брачных отношений, непосредственными

участниками которых выступают пятеро его спутников. Такая связь позволяет отождествить князя с небом-отцом, ранее, скорее всего, бытовавшим в образе бога-громовержца. В данном эпизоде мир людей и мир природы взаимно дополняют друг друга, что придаёт философское наполнение создаваемой картине, в которой брак земли и неба предстаёт не только как извечная природная идиллия, но и как космогонический круговорот.

«Он повел товарищей своих на холм...» Холм, гора, любая возвышенность служат местом общения с божеством. Определённые типологические параллели возникают с Моисеем, ушедшим на Синай и общавшимся с Богом; Христом, оставившем учеников в Гефсиманском саду, расположенном у подножия Елеонской горы. Холм можно рассматривать как специальное молельное место, откуда человек или пророк мог говорить с высшим существом и откуда он мог быть услышан.

Далее в предании наступает самый ответственный момент: Мурзабек распоряжается накинуть бурки сопровождавшим его людям и приступить к осуществлению обряда аграрной магии. Можно предположить, что бурка здесь выступает средством защиты не только от дождя. Видимо, Мурзабек ожидал эпифании, чего непосвящённые не должны были видеть, так как могли умереть. Ему же смотреть на божество или говорить с ним было дозволено, так как он «был святым». В наставлении Мурзабека «добрым людям» снова встречаются языческие элементы: «Небо загремит (язычество. – Авт.), молния ударит, дождь прольётся (мифопоэтическое описание брака неба и земли, в данном случае, акта оплодотворения. – Авт.), – чтобы ни случилось, никто из вас

не должен поднять голову и посмотреть». Причин тому может быть две: у бога могла быть особенность сверкать и этим светом ослеплять, или на него позволялось смотреть только избранному. Люди, как было велено, пролежали весь день и ночь. Сильный ливень выступает метафорически представленным оплодотворением земли отцом-небом. По завершении обряда люди видят выросшее просо и, вернувшись в аул, приносят добрые вести.

Подводя итоги анализа, можно констатировать:

1. Компиляция язычества и мусульманства в тексте предания очевидна.
2. В обряде не принимают участия женщины, следовательно, сказание создано в патриархальном обществе (возможно, здесь сказывается влияние мусульманства).
3. Вероятно, для прославления Мурзабека было взято более древнее сказание (мусульманские элементы, скорее всего, являются более поздними вставками) и обработано в связи с новой религиозной концепцией.
4. По своему содержанию фрагмент является пропагандой ислама, однако в тексте имплицитно присутствует языческий компонент (земледельческий обряд), который вовсе не отрицается автором.
5. Предание вообрало в себя мифологические представления, бытовавшие у абазин периода язычества в качестве способа объяснения окружающего мира. Окончательная словесная форма и сюжет легенды сложились после принятия абазинами ислама.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чекалов П.К. История абазин сквозь призму предания // Дайджест культурной жизни. Страна Абаза. 2015. № 4. 536 с.
2. Архив Института восточных рукописей. Ф. 74, оп. 1, ед. хр. 31. Л. 24–26.
3. Очиаури Г.А., Сургуладзе И.К. Мифология кавказско-иберийских народов // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: Рос. Энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 603–607.
4. Топоров В.Н. Животные // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: Рос. Энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 440–449.
5. Петров В.М. Тернарность в мышлении, культуре, искусстве: системно-информационные корни бессознательного // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 3–18.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 323.(470)

Тетуев А.И. Зарубежная диаспора балкарцев и карачаевцев: история и современность. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016

© Ш.А. ГАПУРОВ, С.С. МАГАМАДОВ

Чеченский государственный университет, г. Грозный
Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный

Tetuev A.I. Foreign diaspora of Balkars and Karachais in history and today. Nalchik: Printing House Publ., 2016

© SH.A. GAPUROV, S.S. MAGAMADOV

Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny
Chechen State University, Grozny

Рецензируемая монография А.И. Тетуева посвящена истории формирования и развития зарубежной диаспоры балкарцев и карачаевцев. Как известно, в результате известных исторических событий миллионы наших соотечественников были вынуждены покинуть родную землю и обрести вторую родину во многих странах мира. Эта трагедия затронула и народы Северо-Кавказского региона, в том числе карачаевцев и балкарцев, свыше 40 тысяч которых проживают в Турции, Сирии, странах Западной Европы, США, Киргизии, Казахстане и других странах ближнего зарубежья. Длительное время жизнь карачаево-балкарской диаспоры за рубежом по разным объективным причинам оставалась вне внимания историков. Демократические преобразования в России в 90-е гг. XX в. создали благоприятные условия для исследования жизни наших соотечественников за рубежом, взаимодействия с ними.

Актуальность изучения процессов формирования и развития российской (в данном случае, карачаево-балкарской) диаспоры в различных странах, восстановления связей с соотечественниками является значимой не только в научном плане, но и востребована в прикладных целях – в разработке задач политического, дипломатического, культурного характера. Данная проблема имеет большое научно-практическое значение для многонационального Северо-Кавказского региона, и в частности Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, для налаживания экономического и культурного сотрудничества со странами, где проживают представители карачаево-балкарской диаспоры.

Структурно монография Тетуева А.И. состоит из введения, трех глав и заключения. В введении анализируются источники и литература по теме исследования. Основу книги составили документальные материалы, выявленные в фондах 9 центральных и республиканских архивов Российской Федерации. Автору монографии удалось ввести в научный оборот документы, содержащие ценные сведения по изучаемой проблеме. Важное значение имеет полевой материал автора. В книге имеется множество иллюстраций, часть из которых публикуется впервые.

Особый интерес вызывает первая глава «Формирование карачаево-балкарской диаспоры в странах дальнего зарубежья во второй половине XIX – 60-е годы XX в.», в которой автор обстоятельно анализирует политику Российской империи в отношении «инородцев», социально-политические факторы переселения части карачаевцев и балкарцев в Османскую империю, а также повседневную жизнь карачаево-балкарской диаспоры. Анализ обширного архивного и опубликованного материала по указанной проблеме позволил ученому выявить три этапа в истории формирования карачаево-балкарской зарубежной диаспоры.

Первый этап – добровольное и вынужденное переселение части карачаевцев и балкарцев в страны Ближнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.). В монографии справедливо отмечается, что основные причины переселения значительной части народов Северного Кавказа в Османскую империю – колониальная политика царизма, а также влияние Порты на Кавказ. Вместе

с тем отмечается влияние ислама и антирусской пропаганды, а также социально-экономических и политических причин. Существенными причинами добровольного и вынужденного переселения части карачаевцев и балкарцев, по мнению автора, были как нерешенность социально-экономических проблем, малоземелье крестьян, так и боязнь потери собственности и привилегий дворянами и князьями. Однако главным для подавляющего большинства мухаджиров являлся религиозный фактор, желание поселиться на «мусульманской земле», поближе к святыням ислама, перейти в подданство Османского султана, который был халифом всех правоверных. Называет А.И. Тетуев и количество переселившихся в страны Османской империи на этом этапе – более 17000 человек.

Второй этап формирования карачаево-балкарской зарубежной диаспоры в странах дальнего зарубежья автор связывает с принудительными миграциями в начале XX в. Установление советской власти в центре (октябрь 1917 г.) и позже в регионах привело к Гражданской войне. Она охватила и Северный Кавказ, включая территорию Кабарды, Балкарии и Карачая. Общее количество вынужденно эмигрировавших в Турцию и Палестину балкарцев (князей и дворян) по состоянию на март 1924 г. составляло 76 человек, а карачаевцев – 160. Подавляющее большинство из них участвовали в вооруженных выступлениях «белого» движения и эмигрировали из боязни быть привлеченными к ответственности.

Кроме того, в период освобождения в 1943 г. Кабардино-Балкарии и Карачаевской Автономной области от немецко-фашистских оккупантов вместе с ними бежали лица, сотрудничавшие с оккупантами, а также насильственно была депортирована из республики некоторая часть населения. В рецензируемой монографии установлено, что количество эмигрантов этой волны составляет 600 карачаевцев и 372 балкарца. В большинстве своем они, а также группа карачаевцев и балкарцев, находившихся в немецком плену, были выданы английскому и советскому военным командованиям. Все они были насильственно репатриированы в СССР и подвергнуты репрессиям. Избежавшие выдачи 300–350 человек около двух лет находились в Европе в статусе беженцев, после чего эмигрировали за границу – большая часть в Турцию, а также в Австралию, Египет, небольшие группы остались в Германии [1, с. 3, 53–57].

Отрадно, что в поле зрения автора монографии оказались и немногочисленные карачаево-

балкарские общины в Европе (они насчитывали в 60-е гг. XX в. около трех тысяч человек), которые являлись составной частью турецкой общины, а также диаспора в Соединенных Штатах Америки, появление которой относится ко второй половине XX в.

Обстоятельно исследуя условия, в которых оказались эмигранты с первых дней за рубежом, автор отмечает, что ситуация потребовала от них скорой адаптации к новой социально-экономической, политической и этнокультурной реальности. Опираясь на богатый фактический материал повседневной жизни диаспоры в Турции во второй половине XIX – 60-е гг. XX в., ученый отмечает: «Выживанию и социальной адаптации в новых условиях способствовало то, что всех карачаево-балкарских эмигрантов объединила единая вера и следование традициям и обычаям своего народа» [1, с. 173]. В немалой степени относительно безболезненная адаптация эмигрантов была связана с тем, что в первой половине XX в. хозяйствование карачаево-балкарской диаспоры в Турции, как и на Родине, продолжало быть связанным с общинным укладом деревенской жизни, натурально-трудовой организацией, имеющей семейно-воспроизводственную природу.

Во второй главе «Формирование диаспор карачаевцев и балкарцев в странах постсоветской Центральной Азии (1920–1990 гг.)» Тетуев А.И. исследует **третий этап** формирования диаспор в странах ближнего зарубежья, который связан с политическими репрессиями в 20–30-е гг. XX в. и депортацией карачаевцев и балкарцев в первой половине 40-х гг. XX в. Всего, по скрупулезным подсчетам автора монографии, в 20–30-х гг. XX в. общая численность выселенных на спецпоселение в союзные республики Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан составила 877 карачаевцев и 508 балкарцев, в том числе и «раскулаченные» со стандартной формулировкой за «антисоветскую деятельность» [2, с. 85–89].

Более значимым по масштабу, как отмечает автор, явились последствия депортации в первой половине 40-х гг. XX в. карачаевского и балкарского народов по ложному обвинению в «пособничестве оккупантам» и «бандитизме» в Казахскую и Киргизскую ССР. Исследователь отмечает, что в новых местах жительства репрессированные народы, в том числе карачаевцы и балкарцы, в силу тяжелых условий жизни и дисперсного расселения на огромной территории объективно были под угрозой исчезновения как этносы, но попытка тоталитарного режима рассеять и асси-

милировать народ привела в действие защитный механизм самосохранения этносов.

Широкий круг архивных и полевых материалов, привлеченных А.И. Тетуевым, позволяет показать условия повседневной жизни и стратегии выживания спецпоселенцев в 40–50-е гг. XX в., сделать аргументированный вывод о том, что «вера в торжество справедливости, мобилизация традиционной этнической системы ценностей – трудолюбия, жизнестойкости, обостренного чувства собственного достоинства, чувства национального единства балкарцев и карачаевцев обусловили сохранность этноса и его этнокультурную целостность» [1, с. 174].

Автор монографии раскрывает специфику зарождения диаспоры балкарцев и карачаевцев в странах ближнего зарубежья в результате политических событий, связанных с реабилитацией балкарского и карачаевского народов (1956 г.), распадом СССР (1991 г.). После восстановления государственности балкарского и карачаевского народов в 1957–1959 гг. по разным причинам около 5,1% от общей численности в СССР балкарцев и карачаевцев остались жить за пределами РСФСР. По подсчетам автора в странах Центральной Азии проживали 5693 балкарца, что составляло 84% от общей численности, проживающих за пределами РСФСР, и 5144 соответственно карачаевцев (92%). Отмечается, что с распадом СССР в 1991 г. и образованием независимых стран эти «внутренние диаспоры» неожиданно приобрели официальный международный статус. Дается численный состав вновь сформировавшейся части: по итогам национальной переписи населения 2009 г. в Казахстане и Кыргызстане карачаево-балкарская диаспора составляет 5826 человек, в том числе балкарцев 3100 человек, карачаевцев 2726. Численность карачаево-балкарской диаспоры в Узбекистане по выданным биометрическим паспортам по состоянию на 01.12. 2014 г. составляет 258 человек [1, с. 118, 129, 143].

В заключительной главе «Карачаево-балкарская зарубежная диаспора в конце XX – начале XXI в.» проанализирован современный этап развития диаспоры карачаевцев и балкарцев в странах дальнего и ближнего зарубежья. Исследуются основные проблемы социально-экономического и культурного развития карачаево-балкарских общин, трансформирование национального самосознания, механизмы сохранения этнической культуры, роль и значение в этом процессе интеллигенции, общественных объединений и средств массовой информации и социальных сетей.

Тщательный анализ статистических данных позволил А.И. Тетуеву установить, что общая

численность карачаево-балкарской зарубежной диаспоры в конце XX – начале XXI в. составляет «более 40 тысяч человек, в том числе в Турции – 25 тыс., Сирии, Египте – 2 тыс., Европе – 3 тыс., США – 5 тыс. и в постсоветских странах Центральной Азии – более 6 тыс.» [1, с. 130–131].

Автором отмечаются изменения в социальной структуре диаспоры, связанные с ростом городского населения, что создало оптимальные условия для получения молодежью среднего и высшего профессионального образования, соответственно увеличилось число представителей карачаево-балкарской диаспоры, занятых в различных сферах экономики, культуры, науки, образования.

Большое внимание в книге уделено анализу деятельности национально-культурных объединений, средств массовой информации, организованных в начале 1990-х гг. в среде карачаево-балкарской диаспоры и оказавших большую роль в сохранении этнической культуры и традиций карачаевцев и балкарцев в условиях продолжающегося процесса ассимиляции. Отмечается также и наметившаяся в начале XXI в. тенденция к сокращению традиционных СМИ, которая коснулась и печатных изданий карачаево-балкарской диаспоры за рубежом. Их сокращение, а также развитие глобальной информационной сети Интернет обусловило активное обращение карачаево-балкарской диаспоры к социальным сетям, использование их для защиты от ассимиляции, сохранения своего языка, культуры и религии [3, с. 58–59].

Наконец, ученый широко освещает и обобщает опыт работы государственных органов власти Кабардино-Балкарской Республики и Карачаево-Черкесской Республики по укреплению и развитию культурных связей с соотечественниками, проживающими за рубежом. Изучение современной жизни карачаево-балкарской зарубежной диаспоры позволило автору определить основные особенности ее формирования и тенденции развития.

В заключении подведены итоги исследования. А.И. Тетуев отмечает, что карачаево-балкарская зарубежная диаспора в основном сохранила этническое самосознание, культуру, многие обычаи. Вместе с тем в связи с переселением во второй половине XX в. основной части соотечественников в города, ассимиляционные процессы стали усиливаться. Возрос удельный вес межнациональных браков, происходит трансформация культуры в целом. В условиях дисперсного проживания основная часть молодежи не владеет родным языком. С учетом этого факта автор

считает, что государственным органам власти, общественным объединениям необходимо активизировать и углублять связи и сотрудничество с зарубежной диаспорой. При этом особо отмечается, что укрепление связей с зарубежной диаспорой – это двуединый процесс, в котором одинаково заинтересованы как представители диаспор, так и их соотечественники, живущие на своей исконной Родине. Чувство Родины, привязанности к родной земле – то общее начало, которое объединяет их. А через такие связи этнических общностей укрепляются и связи между другими народами и государствами.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественном кавказоведении на основе введения в научный оборот новых источников автором комплексно исследуется формирование и развитие карачаево-балкарской диаспоры в странах дальнего и ближнего зарубежья во взаимосвязи с проблемами ее социальной

адаптации, интеграции в жизнь государств при сохранении этнокультурных особенностей.

Работа А.И. Тетуева написана хорошим литературным языком и выдержана в научном стиле, выводы, приведенные в ней, подтверждены новыми материалами и источниками. В целом исследование отличает профессионализм, знание предмета исследования. Научные результаты, полученные исследователем достоверны, подкреплены данными научного сообщества, актуальны и значимы.

Монография А.И. Тетуева представляет собой подлинно новаторское сочинение. Исследование дает возможность по-новому взглянуть на известные проблемы, содержит множество концептуально важных положений, позволяющих лучше понять историю и состояние карачаево-балкарской зарубежной диаспоры на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тетуев А.И.* Зарубежная диаспора балкарцев и карачаевцев: история и современность. Нальчик, 2016. 192 с.+вкл.
2. *Тетуев А.И.* Карачаево-балкарская диаспора в странах Центральной Азии: демографические и миграционные процессы // Гуманитарий Юга России. 2013. №2. С. 85–89.
3. *Тетуев А.И.* Проблемы межкультурного взаимодействия карачаево-балкарской зарубежной диаспоры в условиях информационного общества // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. №3. С. 57–64.

**Тарланов Е.З. Научное наследие академика Г.Г. Гамзатова.
Эпохи и интерпретации. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2016**

© А.С. СОКОЛОВ

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

**Tarlanov E.Z. The Scientific Heritage of Academician G.G. Gamzatov.
Epochs and interpretations. Makhachkala: IALS DSC RAS, 2016**

© A.S. SOKOLOV

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk

Быстротечна река человеческой истории и немногое оставляет на берегах народной памяти ее стремительный поток. Однако то, что этой памяти достойно, остается в ней навсегда. В памяти народов нашего многонационального Отечества навсегда останется столь неожиданно и трагически оборвавшаяся недавно эпоха такого их совместного бытия, для которого слова о дружбе, братстве, взаимопомощи, взаимном уважении к традициям друг друга и взаимном культурном обогащении всех больших и малых народов и народностей страны при бережном сохранении своеобразия и самобытности национальной культуры каждого из них не звучали только громкой, но пустой фразой. И в наши дни, когда подвергаясь жестоким испытаниям бывшая гармония межнациональных и межкультурных отношений, прочность самого интернационального единства страны уже не выглядят, к сожалению, самоочевидным фактом, как никогда актуальным и поучительным становится обращение к идейному наследию выдающихся деятелей отечественной культуры, которые, став вдохновенными певцами той минувшей эпохи, и сейчас, даже после своего ухода, своим творческим наследием продолжают хранить ее светлые традиции, дают точку опоры нашим современникам, захлестываемым бурными водами обострившихся межнациональных и конфессиональных противоречий, застарелых споров и взаимных обид, недоверия и неприятия культурных традиций и повседневных форм общественного быта вчера еще братских народов.

Одним из ярчайших представителей этой славной плеяды столпов и вершителers советской многонациональной культуры, бесспорно, был великий дагестанский поэт Расул Гамзатов, имя которого и сейчас еще отдается сладким отзвуком в сердцах многих россиян, воспитанных

на лучших традициях поэтического и песенного творчества. Другим представителем той же славной плеяды творцов и хранителей культуры был его брат Гаджи Гамзатович Гамзатов (1926–2011) – выдающийся дагестанский ученый, филолог и культуролог, востоковед, просветитель и гуманист, академик РАН, научному творчеству которого посвящена недавно вышедшая в свет монография известного петрозаводского исследователя-литературоведа, доктора филологических наук Е.З. Тарланова *«Научное наследие академика Г.Г. Гамзатова. Эпохи и интерпретации»* (2016).

С обычными для себя тщательностью и профессионализмом Евгений Замирович Тарланов разбирает богатое идейное наследие дагестанского ученого. Сосредоточив особое внимание на последних научных монографиях Г.Г. Гамзатова обобщающего характера (*«Преодоление. Становление. Обновление»* (1986); *«Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти»* (1996)), Е.З. Тарланов реконструирует созданную последним целостную литературоведческую концепцию.

В историю литературоведения и гуманитарных наук СССР и постсоветской России академик Гаджи Гамзатович Гамзатов вошел исследователем, отмечает Е.З.Тарланов, «радикально обновившим концепцию истории и теории национальных литератур стран северокавказского региона», раскрывшим их «невидимый ранее динамизм в контексте культурных традиций и художественных парадигм» [1, с. 215]. Предметом его исследований были «способы реализации светских настроений в дагестанской культуре Нового времени» [1, с. 5]. В созданных Г.Г. Гамзатовым научных трудах раскрывается «убедительно выстроенная история становления и развития дагестанских литератур от генетически моно-

этнических форм существования к зональной художественно-эстетической общности и вхождения их в мировой художественный процесс», – пишет Е.З. Тарланов [1, с. 18], ставя перед собой задачу осмыслить и донести до современного российского читателя содержание этой выстроенной выдающимся дагестанским ученым исторической картины.

Целые разделы (глава VI [1, с. 44–57]; глава X [1, с. 71–77]; и др.) своей книги Е.З. Тарланов посвящает анализу разработанной Г.Г. Гамзатовым концепции долгого перекрестного влияния на литературу Кавказа восточной (арабской по преимуществу) и европейской (русской) традиций, приходя к выводу о закономерности и благодетельности в плане дальнейшего культурного развития населяющих его народов исторического торжества последней.

Не менее важным событием знакомство с восточной культурной традицией оказалось и для развития русской художественной литературы, – справедливо отмечают оба исследователя. «Обозревая картину восприятия Кавказа русским обществом... перо Г.Г. Гамзатова закономерно останавливается на своеобразии роли в ней А.С. Пушкина», – пишет Евгений Замирович [1, с. 217]. «А.С. Пушкин приходит к теме Кавказа и Востока, гениально сообщая ей гуманистический межкультурный оттенок, отбрасывающий прочь ординарные романтические фабулы даже байронического стиля... Тем самым он не только опередил свое время на десятки лет, но и абсолютно исключил в перспективе из представлений об эстетической норме в русской литературе любые намеки на колониальные стереотипы», – заключает Е.З. Тарланов [1, с. 217–218].

Посвящая разбору пушкинской темы в творчестве дагестанского литературоведа очередную главу (глава XVII [1, с. 132–151]) своей монографии, приводя знаменитые слова Ф.М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» А.С. Пушкина, Е.З. Тарланов вслед за выдающимся дагестанским литературоведом и культурологом констатирует, что именно «Пушкин был тем, кто обосновал классическую культурно-историческую парадигму России – многоцветья народов», что «после Пушкина в классической русской культуре окончательно становится... невозможным любой провинциализм, любое ограничение в общественной жизни выгодами какой-либо одной нации» [1, с. 150–151]. «Истинно, исконно русский гений Пушкин пришел к человечеству, стал достоянием всех народов, всех поколений. И стал бесконечным, безграничным. В этом, собственно,

и состоит смысл всеобщности, всечеловечности, универсализма его гения и наследия», – цитирует Е.З. Тарланов слова дагестанского ученого [1, с. 151].

Выделяя «интернационализм» в качестве «основной черты научного мышления Г.Г. Гамзатова» и посвящая ее анализу отдельную главу (глава IV [1, с. 35–40]) своей работы, Евгений Замирович пишет: «Выдающимся, беспрецедентным событием в духовном развитии народов многонационального российского государства в XX веке, в послеоктябрьский период его истории, обеспечивавшим им ускоренное продвижение вперед, Г.Г. Гамзатов по праву считает утверждение интернационализма в качестве базисного, основополагающего принципа в жизни народов, общества в целом и каждого из его членов. Это было результатом целенаправленной деятельности и государства, и его культурной элиты, в особенности художественной интеллигенции, и новой русской литературы, которая, продолжая лучшие традиции русской классики XIX столетия», постаралась «сплотить все народы и народности бывшей Российской империи во имя общих идеалов и целей. Источником же и важнейшим средством подлинно созидательной интернационализации страны ... выступала русская культура. Русская литература, сама природная русская отзывчивость и готовность государственнообразующей русской нации прийти на помощь другим народам, которые нуждались в опоре и поддержке» [1, с. 35]. Соглашаясь с Г.Г. Гамзатовым, Евгений Замирович приводит такие его вдохновенные строки: «Продолжая прогрессивные традиции великих предшественников, русская наука и русское искусство ... протянули руки дружбы инациональным окраинам огромной страны. Тепло русских сердец доходило до самых отдаленных уголков, оно согревало людей в Поволжье и на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе» [1, с. 36–37].

«Г.Г. Гамзатов убедительно и на большом фактическом материале показывает, что русскими писателями, фольклористами, деятелями науки и литературоведами была проведена колоссальная работа по интернационализации дагестанских литератур и фольклора, по их систематизации, организации издательской и переводческой деятельности, в которой в переложении на русский язык произведений дагестанских авторов принимали участие признанные мастера и знатоки русского художественного слова», – отмечает Е.З. Тарланов [1, с. 37], вместе с дагестанским академиком-филологом считая «русско-национальное двуязы-

чие» и «литературный билингвизм» яркой приметой и залогом успешного культурного развития народов Кавказа и других «больших и малых народов исторической России» [1, с. 38].

Справедливо отметив, что «Гаджи Гамзатович Гамзатов находился в числе создателей, выразителей и хранителей идейно-художественных традиций советской литературы 60–80-х гг. XX столетия» [1, с. 215], Е.З. Тарланов настаивает на том, что «научная деятельность Г.Г. Гамзатова, не относясь конкретно к какой-либо филологической школе, тем не менее впитала в себя лучшие черты русской филологической и в целом гуманитарной науки и культуры» [1, с. 11]. Анализируя эти черты, Е.З. Тарланов обращает внимание на то, что «в методологическом плане для Г.Г. Гамзатова неприемлемы такие крайности, как «голый эмпиризм» и «декларативная априорность»... концепция «единого потока», уводящего от истинно народных традиций, прогрессивных национальных и интернациональных тенденций» [1, с. 27]. Е.З. Тарланов подчеркивает также, что «не сводя анализ национальных культурно-исторических традиций к «описанию сарафана» [1, с. 39], дагестано-советский ученый чужд был и холодного рассудочно-объективистского внеисторизма. Соглашаясь с Г.Г. Гамзатовым в том, что «предмет истории литературы – не просто литература прошлого, а наше сегодняшнее отношение к этой литературе, которая вновь оживает для нас именно в силу этого отношения» [1, с. 27], Евгений Замирович соответственно оценивает и писательскую манеру самого дагестанского литературоведа: «Научный текст Гамзатова – это не гладко причесанный, конъюнктурно приглаженный дискурс, т.е. тривиальная компиляция «ходячих» идей, а живое, социальным опытом одухотворенное, самой историей питаемое рассуждение с его глубинной диалектикой... и энергией жизнеутверждения, вне которой гуманитарная наука лишена смысла» [1, с. 14].

Особый интерес у Е.З. Тарланова вызывает итоговая монография Г.Г. Гамзатова *«Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти»* (1996), которая «охватывает не только литературный процесс Дагестана, но и его культуру, болезненные вопросы истории, проблемы, связанные с ролью фольклора в становлении литературы, с освоением дагестанской словесно-художественной культурой литературно-эстетических идей Востока и России, с профессиональным искусством дагестанских народов» и другие вопросы [1, с. 19]. Комментируя содержащиеся в ней, как, впрочем, и в других работах выдающегося дагестанского ученого, идеи, Евгений Зами-

рович высказывает и свои соображения, особенно детально проработанные – о столь значимом для литературоведения народов Дагестана (да и всего Кавказа в целом и некоторых других регионов многонационального российского государства) понятии как концепт «Восточного Ренессанса» (глава XI [1, с. 78–92]; с. 216 и др.).

Наполнены блестящим знанием исторического материала размышления Е.З. Тарланова о противоречивой и трагической роли имама Шамиля в истории непростых отношений Российской империи и Кавказа (глава XVIII [1, с. 152–184]); отношений – применительно к перипетиям поствоенной биографии самого бывшего вождя горских народов и к участию центральной власти в судьбе сыновей ее в прошлом непримиримого и воинственного противника, явивших собой весьма поучительный и до недавних пор беспрецедентный по степени благородства пример отнюдь не колониального отношения русского государства к вошедшим в него «нетитульным» народностям.

Не обходит Е.З. Тарланов своим исследовательским вниманием и мемуарную часть обширного литературно-научного и публицистического наследия Г.Г. Гамзатова (глава XXIX [1, с. 185–214]), видя на примере судеб духовно близких Гаджи Гамзатовичу деятелей дагестано-российской истории «труднодоступный для понимания средним гражданином современной России» урок «ежедневного бытования ключевой реалии советского общества – межнационального доверия» [1, с. 193].

Выполненное с достойным уважением профессионализмом литературоведческое исследование Евгения Замировича Тарланова отличается не только подobaющей работам соответствующего жанра и научного уровня концептуальной продуманностью, композиционной стройностью, ясностью и аргументированностью изложения авторских идей. Книга Е.З. Тарланова являет собой замечательный пример гармоничного сочетания бережно-тактичного, пронизанного искренней любовью и уважением, отношения к личности и творческому наследию выдающегося мыслителя недавнего прошлого и способности к критическому переосмыслению воспроизводимого материала, умения занять и убедительно отстаивать собственную позицию, порою не во всех нюансах совпадающую с взглядами комментируемого автора.

Впрочем, даже и расходясь иногда с Г.Г. Гамзатовым в интерпретации некоторых аспектов деятельности тех или иных персонажей дагестано-российской истории, в оценке ее влия-

ния на общий ход культурного развития Северо-Кавказского региона и в некоторых иных литературоведческих и культурологических вопросах частного характера, Е.З. Тарланов согласен с выдающимся дагестанским ученым-филологом в главном. В том, что волею истории Кавказ стал неотъемлемой частью истории и культуры России как «сада народов», что «он – та ее уникальная радость и боль, которая донесла до нее и сделала понятным и интимно известным перевозданное и живое ближневосточное настроение, и без Кавказа южные краски русского романтизма были бы блеклыми и музейно-экзотичными» [1, с. 220].

Руководствуясь концепцией «Восточного Ренессанса», Е.З. Тарланов соглашается с Г.Г. Гамзатовым и в том, что под влиянием русской литературы «в дагестанской, как и в других литературах Азии», уже в XIX в. начался постепенный «уход из культурной традиции региона исключительной монополии религиозного содержания» [1, с. 216], хотя для обоих ученых очевидно, что «в условиях глобализации значение исламской составляющей нашего общества выступает дополнительным гарантом традиционных моральных ценностей нашего Отечества» [1, с. 7]. Согласны оба, наконец, и в том, что именно «советский период в литературе и общественной жизни Дагестана стал эпохой взаимопроникновения культур огромной многонациональной страны», воспитания ее граждан в духе взаимного уважения, доверия и интернационализма, что «достаточно неожиданный... уход Советского Союза с политической карты мира в августе-декабре 1991 года» обернулся «грандиозным кризисом» всех сфер общественной жизни, в том числе и сложившихся уже, ставших традиционными, форм и границ функционирования самой русской культуры [1, с. 218].

«Среди символов многонациональной и многоконфессиональной культуры» нашей боль-

шой страны «свое отдельное место занимает имя Г.Г. Гамзатова», – констатирует Е.З. Тарланов. «Большая часть жизни интеллектуального представителя этой культуры, сына и брата двух поэтов Дагестана Г.Г. Гамзатова прошла в эпоху, проводшую в жизнь великую идею межнационального взаимопонимания. Эпоха эта, – с горечью пишет Евгений Замирович, – уже принадлежит истории. Об этом нужно помнить, ибо ничто кроме памяти и истории не цементирует личность, общество и страну» [1, с. 220]. И пока мы помним ее, добавим мы уже от себя, пока жива в нашей памяти эта эпоха межнационального единения, социальной справедливости и реализации подлинных гуманистических ценностей, она объективно продолжает незримо длиться и поддерживать нас в дне сегодняшнем.

Пронизанная чувством острой боли за будущность межнационального единства нашего Отечества, наполненная искренней любовью к родному кавказскому региону и неподдельным уважением к личности и творческой деятельности выдающегося дагестанского ученого, культуролога и литературоведа Г.Г. Гамзатова, хорошо продуманная и эмоционально выстраданная автором, увлекательно, блестящим языком написанная монография Евгения Замировича Тарланова не только должна вызвать большой интерес в профессиональном научном сообществе, но и, найдя путь к сердцу широкого интересующегося историей и теорией литературы читателя, в условиях столь очевидной ныне угрозы раскола мира по религиозно-цивилизационному принципу, несомненно, послужит, вместе с трудами самого академика Г.Г. Гамзатова, благородному делу мира, сотрудничества, взаимопонимания и культурного единения населяющих нашу страну народов даже с непростой и порой противоречивой историей взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарланов Е.З. Научное наследие академика Г.Г. Гамзатова. Эпохи и интерпретации. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2016. 228 с.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ. ХРОНИКА

УДК 902.6

**ВЕХИ СЛАВНОГО ПУТИ
(К 75-ЛЕТИЮ МУСЫ ХАРОНОВИЧА БАГАЕВА)**

© В.И. КОЗЕНКОВА

Институт археологии РАН, г. Москва

**MILESTONES OF THE GLORIOUS ROAD
(ON THE 75TH ANNIVERSARY OF MUSA KH. BAGAEV)**

© V.I. KOZENKOVA

Institute of Archeology of RAS, Moscow

С Мусой Багаевым меня связывает более чем 50-летнее научное творческое сотрудничество и искренняя дружба. Наше первое знакомство состоялось в 1963 г., когда для участия в раскопках ныне знаменитого в европейском масштабе археологического памятника – древнего поселения кобанской культуры эпохи бронзы – раннего железа у аула Сержень-юрт Шалинского района – прибыла группа студентов из Грозного. На первый взгляд этот худощавый стройный паренёк ничем не выделялся среди голосистых, весёлых и задиристых молодых людей. И только в процессе работы обнаружился его особенный, по сравнению с другими, интерес к тому, что выходило из-под лопаты землекопов. Это позволило доверить ему, кроме лопаты, тонкую расчистку выявленных объектов. И, тем не менее, даже близко не приходило в голову, что перед нами будущий известный кавказовед, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия, академик Российской академии естественных наук, кавалер ордена «Знак Почёта» Президиума Верховного Совета СССР.

На долю ровесников Мусы Хароновича выпала суровая судьба. У него же она особо трагичная. Он родился в военное время, 11 сентября 1941 г., когда отец уже был на фронте Великой Отечественной войны. Когда малолетнему Мусе было чуть больше года, он лишился матери. Молодая женщина 24 лет умерла от инфаркта в декабре 1942 г. С отцом, ушедшим на войну в июне 1941 г., Муса впервые встретился только в 1946 г. в Казахстане. Там юбиляр проживал с дедом, бабушкой и дядей вместе с другими чеченцами, вы-

сланными в 1944 г. из родных мест. Кавказ Муса Харонович увидел впервые только после окончания школы-десятилетки поселка Лубзавод Джамбульской области. Здесь проходило его детство и взросление. Здесь он совмещал учёбу с подработкой на конном заводе при основном предприятии поселка, специализировавшемся на производстве пеньки. Там же сформировались его основные природные и приобретённые черты характера: ум, доброта, исключительная порядочность, верность слову, верность дружбе, энергичность и работоспособность, творческое отношение к выбранному главному делу жизни. Ещё учась в школе, Муса находил время посещать неплохую поселковую библиотеку, любил книги с историческими сюжетами, но о существовании такой науки, как археология, тем более о такой профессии, просто не знал.

Судьбоносный этап жизни юбиляра наступил с поступлением в 1960 г. на историко-филологический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института (ныне Чеченский государственный университет), который и окончил в 1964 г. Особый интерес к археологии проявился уже на первом курсе во время студенческой практики в полевых условиях работы Северо-Кавказской археолого-этнографической экспедиции (СКАЭ) Института археологии АН СССР. Начальником экспедиции был известный кавказовед, доктор исторических наук Евгений Игнатьевич Крупнов. Целью экспедиции были не только широкомасштабная разведка и раскопки на всей территории Северного Кавказа, но и подбор и воспитание молодых перспективных научных кадров для Чечено-Ингу-

шети, автономия которой была восстановлена в 1957 г.

Разглядев в энергичном и любознательном студенте будущего археолога, Евгений Игнатьевич порекомендовал начальнику Горного отряда СКАЭ Владимиру Ивановичу Марковину включить его в работу отряда. Выбор его оказался точен. Муса, или как ласково звал его Владимир Иванович – Муссович, просто «заболел» археологией. За все полевые сезоны (исключая армейскую службу на Черноморском флоте) М.Х. Багаев успел поработать во всех отрядах экспедиции, постоянно учился, постигая полевые навыки раскопок самых разновременных памятников нашей трудоёмкой науки, много читал. Но главное был решен основной вопрос – его специальности на всю жизнь. Он станет и стал археологом.

В работе Предгорного отряда СКАЭ, которым я руководила, Муса обязательно проводил часть полевого сезона. Он, можно сказать, был постоянным членом, как всегда весьма разного по возрастному составу коллектива, и моим незаменимым помощником. Его легкий в общении с разными людьми характер сплавивал участников отряда, создавая в экспедиционном коллективе дружественную, весёлую и в то же время нацеленную на работу атмосферу. Более надёжного, ответственного, приспособленного ко всяческим неожиданностям в горах человека, невозможно представить. Особенно мне запомнилась разведка 1975 г. высокогорья Аргунского ущелья по следам экспедиции кавказоведа конца XIX в. В.И. Долбежева. В 1882 г. он обнаружил древний могильник в окрестности аула Шарой. Вещи из могил, добытые В.И. Долбежевым, в основном женские бронзовые украшения, свидетельствовали о том, что могильник относился к периоду расцвета кобанской культуры. Целью нашей поездки было найти этот важный памятник.

После долгого и трудного подъема, до места мы добрались в полной темноте. Наверху ледяной холод, крошечная тьма, ни огонька, ни деревца. Только яркие звезды на небе. Помнится, как поразительно быстро Муса Харонович помог организовать привал и подбодрить весёлыми шутками унылых и уставших от подъема молодых участников похода. Эту жизнестойкость характера М.Х. Багаев сохраняет и поныне. На неё не повлияли даже самые драматические события в его жизни. Особенно «роковые девяностые» в Чечне.

После окончания ВУЗа М.Х. Багаев в 1964 г. становится сотрудником Отдела археологии и этнографии Чечено-Ингушского научно-иссле-

довательского института истории, языка и литературы. Много времени уделяет экспедиционной работе, пополняет свой научный багаж. В 1967–1970 гг. он – аспирант очной аспирантуры при Институте археологии АН СССР в Москве. Его руководителем стал Е.И. Крупнов. При его почти отеческом внимании и требовательности Муса успешно и в срок закончил аспирантуру по теме средневековых древностей. Годы, проведённые в Москве, одни из самых плодотворных в наращивании квалификационного научного опыта. В это время, как вспоминает Муса Харонович, Институт археологии стал для него вторым родным домом. Здесь, благодаря своей доброте, отзывчивости и весёлому нраву, он приобрел много друзей, помогавших его профессиональному росту. На долгие годы таким другом оставался для него доктор исторических наук В.И. Марковин. Большим ударом для М.Х. Багаева стала безвременная кончина Евгения Игнатьевича Крупнова, бывшего не только его учителем в науке, но и по жизни. Тем не менее в 1971 г. он достойно завершил учёбу в аспирантуре защитой диссертации кандидата исторических наук по теме «Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии (V–XII вв.)».

С 1971 г. по нынешнее время М.Х. Багаев – один из лучших преподавателей исторического факультета Чеченского государственного университета, где успешно совмещает преподавательскую работу с научной деятельностью. За отличную подготовку молодых кадров в 1986 г. был награжден Орденом «Знак Почёта» Президиума Верховного Совета СССР. И уже в новой России в 2008 г. он был удостоен диплома лауреата премии в номинации «Образование 2008» Общественной организации «Интеллектуальный центр Чеченской Республики» с вручением ему мудрого символа «Серебряная сова».

В самое трудное время – трагические военные годы – М.Х. Багаев оставался верен своей alma mater. В 1994 и последующие годы, потеряв дом, лишившись собранных за многие годы книг научной библиотеки и архива археологических рукописных источников, он остался в Грозном и не впал в отчаяние. В 1997 г. его на конкурсной основе избирают деканом исторического факультета ЧГУ, и параллельно с налаживанием учебного процесса М.Х. Багаев был вынужден добывать строительные материалы для устранения в стенах здания университета пробоин, нанесенных ракетами.

В настоящем Муса Багаев – высококлассный специалист широкого профиля, глубокий знаток

древней и средневековой археологии, истории, мифологии, этнографии и культурологии не только Северо-Восточного Кавказа и Дагестана, но и всего Кавказа. Студенты и аспиранты истфака с восторгом слушают его лекции по «Истории Древнего мира (Восток, Греция и Рим)»; «Политические институты в древнем мире»; «Социальный конфликт в древнем мире»; «Сравнительная история мировых цивилизаций»; «Археология Кавказа» и др.

Начало его археологической деятельности положили первые самостоятельные разведки и раскопки в 1966 и последующие годы в разных районах Чечено-Ингушетии. Работы СКАЭ пополнились открытыми и исследованными Мусой Хароновичем памятниками, относящимися ко II тысячелетию до н.э. – II тысячелетию н.э. Это уникальное поселение Саади-Котар эпохи бронзы, в слое которого оказалась великолепная глиняная антропоморфная пластика. Это высокогорный средневековый могильник у сел. Дай, в одном из погребений которого оказалась уникальная мужская бронзовая пряжка от ремня. На пряжке выгравирована сакральная сцена: танцующий мужчина в обрамлении солярных свастических символов.

А ещё были исследования археологических разновременных памятников в районе Майртуп, Элистанжи, Бетти-Мохк, Алхазурово, Харачой, Галайты и т.д. Наиболее значимы по своей новизне поселение и могильник близ упомянутого выше сел. Саади-Котар, элементы материальной культуры которых напоминают куро-аракскую культуру, а также могильник Галайты-2 с его антропоморфными стелами VI в. до н.э., изображавшими скифских воинов. Стелы были повторно использованы для сооружения более поздних каменных гробниц сарматского периода. Все эти материалы позволили раскрыть многие страницы древней и средневековой истории горцев Северо-Восточной части Кавказа.

Полевые и источниковедческие поиски М.Х. Багаева легли в основу более 170 опубликованных им научных работ, в том числе и монографического характера. Но особое внимание в большинстве работ уделено проблемам взаимоотношений коренного горского населения региона с миром кочевников разных хронологических периодов, обитавших в предгорной зоне. Этому аспекту посвящена целая серия статей юбиляра. Главные из них: «Правайнахи и их связи с кочевниками Северного Кавказа» (Махачкала, 1988), «К истории взаимоотношений номадов и аборигенов Северо-Восточного Кавказа» (М., 2003),

«Место ландшафта в истории автохтонов и номадов» (М., 2004), «У истоков русско-чеченских добрососедских взаимоотношений» (Назрань, 2008) и др. Важное в перечисленных работах – полученное на основе источников доказательство существования в сознании местных горцев единства бытового уклада гор и прилегающей к ним равнины как зоны их обитания по крайней мере с IV тысячелетия до н.э. Причем материальная культура населения развивалась в горах и на равнине как единое целое, несмотря на деструктивную роль инокультурных включений, будь то ранние кочевники I тысячелетия до н.э. или все разрушающие на своём пути татаро-монгольские орды и войска Тамерлана.

М.Х. Багаев – соавтор около десятка коллективных монографий по Северному Кавказу, таких как «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (Т. I. М., 1988), «Происхождение вайнахского народа» (Махачкала, 1996), «История Чечни с древнейших времен до наших дней» (Т. I. Грозный, 2006), «Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев» (М., 2002; 2006) и др., вышедших в 1991, 1994, 2004 гг. Востребованными оказались и книги просветительского характера, опубликованные в эти же годы: «Тайна имен» (Грозный, 1994), «Мифы народов Кавказа» (Махачкала, 1996), «Источники исторического краеведения Чечни» (Грозный, 2006).

Знаменательной вехой в судьбе М.Х. Багаева было решение работать над подготовкой и написанием диссертации на степень доктора исторических наук. Я не ошиблась, именно, подготовкой, поскольку прежде предстояла колоссальная работа по восстановлению сгоревших материалов личного археологического архива. В 2001 г. он временно оставил должность декана и в качестве стажера (докторанта), в возрасте 60 лет (!), направился в Москву в Институт археологии Российской академии наук. Благодаря помощи дирекции и лично директора института членкорреспондента РАН Мунчаева Р.М. юбиляру удалось восстановить научный архив для работы. Поскольку для разработки был привлечен широкий круг материалов от сарматского периода до средневековья, Муса Харонович был прикреплен тематически к Отделу скифо-сарматской археологии. Консультантом научной темы диссертации «Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.)» была назначена известный специалист по сарматской эпохе Северного Кавказа, доктор исторических

наук Мая Павловна Абрамова, а после её безвременной кончины в 2004 г. – кураторство перешло ко мне. В тот последний год перед защитой, в период окончательной отделки текста, охватывающего более 15 веков истории, меня поражала удивительная трудоспособность диссертанта, с какой тщательностью многократно переписывался от руки, отделялся каждый фрагмент работы. В 2005 г. Муса Харонович с блеском защитил докторскую диссертацию на Учёном совете Института археологии РАН. Высокое качество проделанной работы позволило ему в краткий срок получить грант и опубликовать в издательстве «Наука» фундаментальную монографию «Культура горной Чечни и Дагестана» (М., 2008). Наиболее значимый итог этой книги – доказанная, в результате систематики огромного числа артефактов, глубокая связь, имеющаяся в материальной культуре, особенно горной зоны, двух соседних областей Северо-Восточного Кавказа – Чечни и Дагестана, издревле населенных близкими по многим параметрам происхождения и жизни коренными этническими группами. Реконструкция древней и средневековой истории на основе археологических источников в свете современного подхода, яркая их ретроспекция на протяжении полутора тысяч лет – важная сторона этого полезного для широкого круга любителей труда.

После сложения административных должностей декана и заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков ЧГУ М.Х. Багаев полностью посвятил себя преподавательской деятельности и любимой науке. Он профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, член диссертационного Совета университета по защите кандидатских и докторских диссертаций свое-

го профиля. Юбиляр по-прежнему полон творческой энергии. За последние годы опубликованы две монографии просветительского характера: «Страницы древней истории Чечни» (Грозный, 2012) и «Древняя и средневековая Чечня в исследованиях археологов-кавказоведов. Хрестоматия» (Грозный, 2012). Три рукописи учебных пособий подготовлены к печати. А еще – руководство тремя аспирантами и многолетнее (с 2006 г.) руководство Постоянным оргкомитетом по проведению Международной конференции по археологии Северного Кавказа «Крупновские чтения». Её последние ХХІХ чтения на высоком уровне проведены в Грозном весной 2016 г. В Институте гуманитарных исследований при Академии наук ЧР при активном участии М.Х. Багаева завершается работа над публикацией 1-го тома 4-томной истории Чечни.

Оберегая молодое население родного края от фальсификаторов и мифотворцев истории вайнахов, особенно от опасных идей ваххабизма и этноцентризма, ученый ведет принципиальную публицистическую борьбу в СМИ. Популярны его выступления на ГТРК «Вайнах» и «Грозный». Его нередко можно видеть при проведении «круглых столов» и «ток-шоу» по важнейшим проблемам жизни республики.

От имени всех друзей и коллег желаю Мусе Хароновичу Багаеву крепкого здоровья, долгой работоспособности, творческого долголетия. Как когда-то в старинной чеченской песне желали настоящему джигиту, так и мы пожелаем:

«Пусть белеет твой башлык впотьмах,
Пусть его концы трепещут длинные,
Пусть полощутся на всех ветрах
Полы бурки, как крыла орлиные».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агаев Р.Э. – доктор философии по истории, в.н.с. Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана

Акаева М.М. – к.ф.-м.н., доцент теоретической физики ЧГУ

Безугольный А.Ю. – к.и.н., с.н.с. Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ

Бесолова Е.Б. – д.и.н., профессор, зав. отделом осетинского языкознания СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Бетанова Д.А. – аспирант кафедры немецкого языка факультета иностранных языков имени К.Л. Хетагурова СОГУ

Гапуров Ш.А. – д.и.н., профессор, президент АН ЧР, заведующий кафедрой новой и новейшей истории ЧГУ

Гарсаев Л.М. – д.и.н., заведующий отделом этнологии ИГИ АН ЧР, профессор кафедры истории Чечни ЧГУ

Дендиев К.Г. – соискатель, КНИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН

Джамбекова Т.Б. – д.филол.н., профессор, проректор по научной и международной деятельности ЧГПУ

Дреева Дж.М. – д.филол.н., доцент кафедры немецкого языка, зав. кафедрой иностранных языков для неязыковых специальностей факультета иностранных языков имени К.Л. Хетагурова СОГУ

Калинина Н.В. – к.т.н., доцент кафедры компьютерных технологий и интегральных микросхем КБГУ им. Х.М. Бербекова

Канукова З.М. – д.и.н., профессор, директор СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН

Козенкова В.И. – д.и.н., профессор, Институт археологии РАН

Осмаев М.К. – к.э.н., доцент кафедры журналистики ЧГУ

Магамадов С.С. – к.и.н., профессор, директор ИГИ АН ЧР

Мурадова А.К. – доцент кафедры литературы и методики преподавания ЧГПУ

Мустафаев А.Г. – д.т.н., профессор кафедры информационных технологий и безопасности ДГИНХ

Мустафаев Г.А. – д.т.н., профессор, зав. кафедрой компьютерных технологий и интегральных микросхем КБГУ им. Х.М. Бербекова

Панченко В.А. – к.т.н., доцент кафедры компьютерных технологий и интегральных микросхем КБГУ им. Х.М. Бербекова

Соколов А.С. – к.филол.н., доцент кафедры социологии ПГУ

Умархаджиев С.М. – к.ф.-м.н., доцент, заведующий сектором прикладной семиотики ЦПМ АН ЧР

Халидов А.И. – д.филол.н., профессор, г.н.с. отдела языка и литературы ИГИ АН ЧР, профессор кафедры русского языка методики преподавания ЧГПУ, профессор кафедры русского языка ЧГУ

Халидова Р.Ш. – д.филол.н., профессор, зав. кафедрой теории и методики обучения русскому языку и литературе ДГПУ

Халикова А.С. – аспирант, ЧГУ

Хасанов А.И. – ст. преподаватель кафедры физической электроники ЧГУ

Ходжаева Ш.И. – доцент кафедры теории и методики преподавания русского языка и литературы ДГПУ

Чекалов П.К. – д.филол.н., профессор, Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования

Черкашина С.В. – к.филол.н., ст. преподаватель СГПИ

Шихалиева С.Х. – д.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

Правила оформления статей для авторов «Вестника Академии наук Чеченской Республики»

Статьи, направляемые в журнал «Вестник Академии наук Чеченской Республики» публикуются по следующим направлениям:

- Физико-математические науки;
- Исторические науки и археология;
- Филологические науки.

Статьи должны быть посвящены актуальным проблемам науки, содержать четкую постановку цели и задач исследования, строгую научную аргументацию, обобщения и выводы, представляющие ценность своей новизной и практической значимостью.

Редакционная коллегия просит авторов при подготовке статей руководствоваться нижеизложенными правилами. Материалы, поступившие в редакцию, проходят рецензию. Статьи, не удовлетворяющие предъявляемым требованиям и оформленные без соблюдения правил, возвращаются без рассмотрения.

1. Рукописи представляются в электронной версии. Объем направляемых материалов не должен превышать 40 000 печатных знаков, включая пробелы (для обзорных и заказных статей по фундаментальным проблемам; статей, обобщающих многолетние исследования авторов); 25 000 печатных знаков, включая пробелы (для статей, основанных на теоретических обобщениях и на результатах экспериментальных и полевых исследований); 6 000 печатных знаков, включая пробелы (для рецензий, хроники); 4 000 печатных знаков, включая пробелы (для юбилейных и памятных персоналий). В этот объем входят рисунки, таблицы, список литературы.

2. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman (11 кегль), интервал – 1,0, абзацный отступ – 1,0. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см.

В начале статьи в левом верхнем углу ставится индекс УДК. Далее со следующей строки идут данные в такой последовательности:

- полное название статьи прописными буквами полужирным шрифтом Times New Roman на русском и английском языках;
- копирайт, инициалы и фамилии авторов полужирным шрифтом на русском и английском языках;
- название организации, города, где выполнена работа, на русском и английском языках;
- e-mail;
- аннотация (200–250 слов);
- ключевые слова.

Обязательным является наличие ключевых слов и аннотации на русском и английском языках.

Далее идет текст самой статьи. В конце дается список литературы (не менее 5–10 источников). Нумерация литературы составляется в соответствии с последовательностью ссылок в тексте. Ссылки на литературу в тексте приводятся в квадратных скобках. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТами, размещенными на сайте Российской книжной палаты (<http://www.bookchamber.ru/content/about/standarts.html>).

3. В конце статьи указываются:

- полное название учреждения, в котором выполнено исследование, фамилия(и) автора(ов), ученая степень, звание, должность;
- почтовый индекс, адрес, номера телефонов (служебный и домашний).
- контактное лицо, с которым редакция может связаться.

4. Текст и графический материал представляются в формате (jpeg, jpg). Повторение одних и тех же данных в тексте, таблицах и графиках недопустимо. Рисунки должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем четкость передачи всех деталей. Рисунки должны быть черно-белыми. Каждый рисунок должен сопровождаться подписью независимо от того имеется ли в тексте его описание.

5. Текст статьи должен быть тщательно отредактирован. При использовании в тексте сокращенных названий необходимо давать их расшифровку; следует ограничиваться общепринятыми названиями, избегать новых без достаточных на то оснований.

6. Для математических и химических формул следует выбирать 11-й кегль шрифта.

7. При выборе единиц измерения следует руководствоваться международной системой единиц СИ.

8. При описании методики следует ограничиваться оригинальной ее частью.

9. Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

Для книг: фамилия и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, том или выпуск, год, общее количество страниц.

Для периодических изданий: фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первая и последняя страницы использованной статьи.

10. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

11. Электронная версия статьи должна быть направлена на e-mail: vestnikanchr@mail.ru. В состав электронной версии должен входить файл с текстом статьи в форме Microsoft Word и файлы, содержащие иллюстрации в формате JPEG или встроенные в файл Microsoft Word.

12. Возвращение рукописи на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь будет рассматриваться редакционной коллегией. Доработанный текст автор должен вернуть с первоначальным вариантом статьи, а также ответом на все замечания.

13. Непринятые к публикации статьи авторам не высылаются.

14. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Редакционная коллегия

Вестник
Академии наук Чеченской Республики
№ 1 (34), 2017

Редактор *Хасиева А.В.*
Корректор, дизайн и верстка *Хасиева А.В.*

Подписано в печать 05.05.2017.
Выход в свет 11.05.2017.
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,88. Тираж 200 экз. Заказ №

Свободная цена

Отпечатано в тип. ИП Тагиева Р.Х.
с электронного оригинал-макета.
г. Махачкала, ул. Батырая, 149